

Т. Уэльс

БОРЬБА
МИРОВ

ПРИБЫТИЕ
МАРСИАНА

ЧАСТЬ I

ГЕРБЕРТЪ-ДЖОРДЖЪ УЭЛЬСЪ родился въ 1866-мъ году, въ семьѣ бѣднаго Лондонскаго торговца. Не получивъ, за недостаткомъ средствъ, первоначальнаго школьнаго образованія, будущій писатель-ученый 12-ти лѣтъ былъ отданъ приказчикомъ въ магазинъ. Но, благодаря необычайной энергіи и выдающимся способностямъ, любознательный юноша скоро достигъ того, что могъ выдержать вступительный экзаменъ въ университетъ. По окончаніи курса Уэльсъ сталъ преподавателемъ

въ школѣ, сотрудничая въ то же время въ журналахъ и газетахъ. Съ 1894 года—когда появился его первый романъ «Машина времени»—онъ приобрѣлъ уже славу даровитаго научнаго беллетриста. Наибольшей извѣстностью изъ его романовъ пользуются: «Островъ доктора Моро», «Когда Спящій проснется», «Борьба міровъ», «Невидимый человекъ», «Первые люди на Лунѣ». Ему принадлежатъ также и чисто научные труды, напримеръ, «Предвидѣнія о воздѣйствіи техническаго прогресса на жизнь человѣчества». Уэльсъ въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и глубокомысленныхъ англійскихъ писателей, а его лучший романъ, «Борьба міровъ», считается выдающимся произведеніемъ, которое еще долго будетъ читаться нашими потомками. Въ формѣ глубоко-занимательнаго разсказа о попыткѣ марсіанъ завоевать землю и покорить себѣ земное человѣчество, авторъ бичуетъ нравственныя идеи нашего времени, допускающія уничтоженіе дикихъ народностей во имя прогресса и цивилизаціи. Поведеніе марсіанъ, вооруженныхъ непобѣдимыми орудіями высоко-развитой техники—есть ничто иное, какъ выпуклая сатира на поведеніе европейцевъ по отношенію къ дикимъ народамъ и животнымъ. Спокойный, эпическій тонъ повѣствованія еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе, оставляемое въ душѣ читателя этимъ глубокомысленнымъ произведеніемъ. Для иллюстрированія настоящаго изданія «Борьбы міровъ» мы воспользовались роскошнымъ альбомомъ бельгійскаго художника Альвэма Корреа, благодаря чему наше изданіе въ художественномъ отношеніи стоитъ выше подлинника.

Уэльсъ за работой.

БОРЬБА МІРОВЪ.

Романъ Герберта Уэльса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРИБЫТІЕ МАРСІАНЪ.

І. Канунъ борьбы.

КТО бы могъ повѣрить, что въ концѣ девятнадцатаго вѣка человѣчество, такъ далеко ушедшее по пути прогресса и такъ много о себѣ думающее, находилось подъ постояннымъ и внимательнымъ наблюденіемъ разумныхъ существъ, гораздо высшихъ, хотя отнюдь не бессмертныхъ? Между тѣмъ это такъ и было. Пока люди, самодовольно считая себя царями природы и занимаясь своими дѣлишками, мыкались туда и сюда по поверхности обитаемой ими планеты, нѣкто высшій смотрѣлъ на нихъ, какъ мы смотримъ въ микроскопъ на инфузорій, которыя тоже, можетъ быть, далеко ушли по пути доступнаго имъ прогресса и тоже считаютъ себя царями видимой ими природы.

Въ то не особенно отдаленное время ни одинъ человѣкъ и не думалъ, въ-

роятно, объ опасности, могущей угрожать ему со стороны обитателей другихъ міровъ, разсѣянныхъ по вселенной. Эти міры считались даже тогда необитаемыми, и только немногіе люди науки допускали возможность жизни на Марсѣ, обдумывая средства завязать сношенія съ тамошними обитателями, буде они близки къ намъ по развитію.

А между тѣмъ именно на Марсѣ эта мысль о сношеніяхъ тогда уже окончательно созрѣла и приводилась въ исполненіе умами, столь же превышающими нашъ, насколько послѣдній превышаетъ умы какихъ-нибудь рыбъ или насѣкомыхъ. Высоко-развитые, но холодные, эгоистичные и жестокіе умы обитателей ближайшей къ намъ планеты давно уже съ завистью смотрѣли на землю, какъ на свое наслѣдіе, и

*

въ началѣ двадцатаго столѣтія попробовали открыто заявить свои права на нее.

Едва ли нужно напоминать читателямъ, что планета Марсъ обращается вокругъ солнца на среднемъ разстояніи въ 140.000.000 миль отъ него, получая вдвое меньше свѣта и тепла, чѣмъ земля. Марсъ въ семь разъ меньше послѣдней по объему и, если вѣрить господствующей астрономической гипотезѣ, гораздо старше ея по времени происхожденія. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ охладиться значительно раньше земли, а, стало быть, жизнь на немъ появилась ранѣе, успѣла развиться гораздо полнѣе и даже дойти до невозможности развиваться далѣе, такъ какъ поверхность Марса четверо меньше поверхности нашей планеты, а условіями существованія — свѣтомъ, тепломъ, воздухомъ и водою — онъ надѣленъ несравненно скуднѣе.

Нѣтъ ничего мудренаго, стало быть, что высоко развитые обитатели Марса, размножившись до невозможности доставать себѣ пропитаніе на своей планетѣ и предвидя въ близкомъ будущемъ окончательное ея охлажденіе, давно уже засматривались на обширный и цвѣтущій міръ, расположенный всего только въ 35.000.000 миль отъ Марса по направленію къ солнцу, богато снабженный всѣмъ, чего имъ такъ недоставало, и населенный животными, очевидно, мало развитыми. Отбить этотъ міръ у этихъ животныхъ, завладѣть имъ, переселиться на него съ окончательно умирающаго Марса — давно уже стало ихъ завѣтною мечтою и даже единственнымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія, въ которое ихъ поставила судьба.

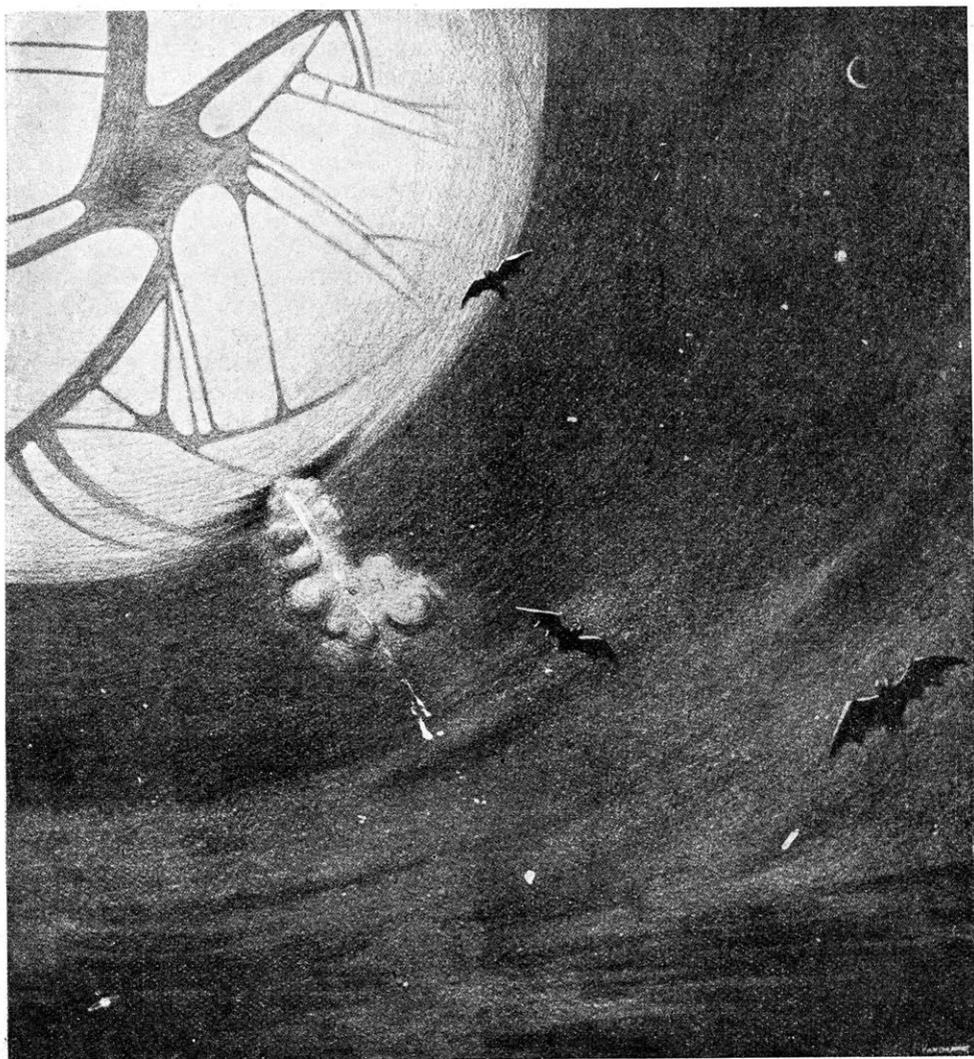
Нечего и говорить, разумѣется, что при такомъ переселеніи на землю они рѣшились не щадить человѣка, первоначальнаго ея обладателя, точно такъ же, какъ онъ самъ не щадить не только низшихъ животныхъ, но даже и низшія расы своего же собственнаго рода, безъ всякаго милосердія истребляя несчастныхъ тасманійцевъ, краснокожихъ

индѣйцевъ въ Сѣверной Америкѣ и проч., и проч. Если уже на землѣ господствуетъ жестокой законъ борьбы за существованіе, то тѣмъ больше должны онъ господствовать на Марсѣ, жителямъ котораго, дѣйствительно, нѣтъ иного выхода, какъ губить другихъ или самимъ гибнуть.

Разъ рѣшившись овладѣть землею, марсіане приступили къ этому дѣлу единодушно и обдуманно. Благодаря высокому развитію интеллекта, наука ушла у нихъ гораздо дальше, чѣмъ на нашей планетѣ. Съ ея помощью они, должно быть, давно уже, чуть не съ начала XIX столѣтія, составили проектъ переселенія и начали приходить его въ исполненіе.

Не даромъ такіе люди, какъ астрономъ Скиапарелли, специально занимавшійся Марсомъ (кстати: эта планета изстари сльветъ покровительницей войны), неоднократно наблюдали на ней свѣтлыя точки, появлявшіяся и исчезающія. Въ 1894 году, сначала съ Ликской обсерваторіи, а потомъ Пэрротеномъ въ Ниццѣ, былъ замѣченъ на Марсѣ яркій свѣтъ, значенія котораго наши астрономы объяснить не могли. Такой же свѣтъ, на тѣхъ же мѣстахъ, былъ виденъ и еще нѣсколько разъ въ теченіе девятнадцатаго столѣтія, притомъ всегда въ то время, когда Марсъ подходилъ къ землѣ на самое близкое разстояніе. Почему же не предположить, что все это были неудачныя попытки марсіанъ переселиться на землю: — выстрѣлы изъ громадныхъ пушекъ, не достигшіе, однако, цѣли? Я, по крайней мѣрѣ, вполне убѣжденъ, что будь у насъ, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, болѣе совершенные телескопы, мы бы тогда же имѣли возможность предвидѣть то, что случилось въ началѣ двадцатаго.

А случилось вотъ что. Теперь съ той поры прошло уже шесть лѣтъ, но я хорошо помню все подробности происшествія. Около полуночи 12-го августа, когда Марсъ былъ въ противостояніи съ землею, т.-е. на самомъ кратчайшемъ отъ нея разстояніи, астрономъ

Астрономъ Лявель замѣтилъ потокъ раскаленныхъ газовъ...

Лявель замѣтилъ потокъ раскаленныхъ газовъ, извергаемыхъ съ этой планеты; спектроскопъ показалъ, что потокъ состоитъ почти изъ чистаго водорода и движется съ громадною быстротою по направленію къ землѣ. Черезъ четверть часа явленіе прекратилось, такъ что его, дѣйствительно, можно было принять за выстрѣлъ изъ колоссальной пушки, съ которымъ сравнилъ его вышеназванный астрономъ.

Какъ бы то ни было, выстрѣлъ этотъ не произвелъ почти никакого впечатлѣ-

нія на землѣ; даже газеты, за исключеніемъ одной только „Daily Telegraph“, объ немъ ничего не сказали. Я тоже ничего бы не зналъ, если бы не встрѣтился случайно съ Ожилви, извѣстнымъ астрономомъ изъ Оттершоу. Онъ, напротивъ того, былъ очень взволнованъ телеграммой съ о-ва Явы отъ Лявелля и пригласилъ меня взглянуть предстоящей ночью на загадочное свѣтило.

До малѣйшихъ подробностей помню я эту ночь,—хотя ничего необыкновеннаго въ теченіе ея не случилось, и по-

слѣдующія страшныя событія могли бы изгладить ее изъ моей памяти. Тяжелое, мрачное зданіе обсерваторіи; полная тишина; тиканье часового механизма, передвигающаго большой телескопъ; тусклый фонарь, освѣщающій уголокъ пола; прорѣзъ въ крышѣ—длинная щель, сквозь которую видно нѣсколько звѣздочекъ: — вотъ и все. Ожилъви переходить съ мѣста на мѣсто, о чемъ можно судить только по звуку его шаговъ, такъ какъ темнота стоитъ непроглядная. Я смотрю въ телескопъ и вижу темносиній кругъ, посрединѣ котораго блеститъ маленькая звѣздочка, слегка сплюснутая съ боковъ и исчерченная едва замѣтными полосками. Она выглядитъ такой тихой, такой маленькой, такой невинной—простая серебряная булабочная головка. Мнѣ показалось, что она вибрируетъ немножко, но Ожилъви объяснилъ, что это зависитъ отъ движенія самого телескопа, вращаемаго часовымъ механизмомъ. Захѣмъ мнѣ показалось, что она увеличивается и уменьшается, то становится ближе, то дальше; но Ожилъви говоритъ, что это — результатъ усталости моего глаза. Сорокъ милліоновъ миль отдѣляютъ меня отъ нея! Сорокъ милліоновъ миль пустаго пространства! Многие ли въ состояніи вообразить себѣ разстоянія, лежація между частичками міровой пыли?

Неподалеку отъ Марса, какъ мнѣ напоминаетъ, были видны три маленькихъ телескопическихъ звѣздочки, находившихся на неизмѣримо далекомъ разстояніи отъ земли, а кругомъ—бездонная глубина межпланетнаго пространства. Всѣ мы знаемъ, какою страшною кажется она въ морозную звѣздную ночь, а смотрѣть на нее въ телескопъ еще страшнѣе. Но я не зналъ еще тогда, что въ этой страшной глубинѣ, между Марсомъ и мною, находится нѣчто невидимое, нѣчто мчащееся по направленію къ землѣ со скоростью тысячи миль въ минуту, нѣчто—несущее борьбу, горе, смерть всему роду человѣческому... Да и никто не зналъ этого тогда, никто не ду-

малъ о ежеминутномъ приближеніи страшной опасности...

Хронометръ обсерваторіи ударилъ полночь, и какъ разъ въ эту минуту я увидалъ, что отъ Марса тянется лучъ красноватаго свѣта по направленію къ моему глазу. Предположивъ опять изверженіе, подобное тому, которое было видимо прошлую ночь Лявелемъ, но боясь ошибиться, я сказалъ объ этомъ Ожилъви, и онъ тотчасъ же занялъ мое мѣсто у телескопа.

Ночь была жаркая; мнѣ страшно хотѣлось пить. Отыскивая въ темнотѣ столикъ съ сифономъ сельтерской воды, я услышалъ возгласъ Ожилъви, подтверждающій мое предположеніе: новый потокъ газа вырвался съ поверхности наблюдаемой нами планеты; новое страшное нѣчто неслось теперь по направленію къ землѣ. Но мы этого все-таки не предчувствовали. Я сидѣлъ около столика и пилъ воду, очень хотѣлъ курить и любовался красными и зелеными пятнами, мелькавшими передъ моими усталыми глазами, а Ожилъви смотрѣлъ въ телескопъ почти до часа, послѣ чего мы потушили фонарь и отправились спать.

Ожилъви, впрочемъ, долго еще покоилъ меня разговорами о Марсѣ. Онъ не раздѣлялъ господствующихъ взглядовъ касательно интеллигентности обывателей этой планеты и не считалъ только-что замѣченнаго нами явленія за сигналъ съ ихъ стороны. По его мнѣнію, это явленіе было простымъ вулканическимъ изверженіемъ или зависѣло отъ паденія громаднаго аэролита на поверхность планеты. Слишкомъ уже невѣроятнымъ казалось ему тождество органической эволюціи на двухъ хотя и близкихъ другъ къ другу, но столь разнo поставленныхъ мірахъ.

„Милліонъ шансовъ противъ развитія челоѣкоподобныхъ существъ на Марсѣ!“

Этимъ восклицаніемъ закончилъ онъ нашъ разговоръ.

Сотни наблюдателей видѣли изверженіе и въ эту ночь, и въ слѣдующую, и цѣлыхъ десять ночей сряду, всякій

разъ ровно въ полночь. Больше это явленіе не повторялось, и никто не пробовалъ объяснить себѣ почему. Теперь я полагаю, что газы, сопровождавшіе выстрѣлъ, причиняли большія неудобства жителямъ Марса. Недаромъ эти газы были видны даже съ земли, въ формѣ сѣраго облачка, заволакивающего дискъ планеты. А, можетъ быть, и самый выстрѣлъ—толчекъ, сообщаемый имъ почвѣ, надѣлалъ большихъ бѣдъ. Какъ бы то ни было, послѣ десятой ночи никакихъ изверженій на Марсѣ не было замѣчено.

На этотъ разъ всѣ газеты заговорили о вулканахъ на Марсѣ, а журналъ „Пуншъ“ воспользовался ими для остроумной каррикатуры. Но все же никто не предчувствовалъ истины. Никто не зналъ, что нѣчто уже близко и съ каждой минутой приближается къ землѣ болѣе чѣмъ на тысячу миль.

Мнѣ теперь кажется совершенно невѣроятнымъ, какъ это мы могли такъ спокойно заниматься своими дѣлами, когда судьба многихъ изъ насъ была уже рѣшена. Торжествующій Маркгомъ, напримѣръ, радовался тому, что заполучилъ прекрасный фотографическій

снимокъ Марса для своего иллюстрированного журнала; Ожилъви спокойно занимался вычислениями, а я, многогрѣшный, изоцрялся въ бздѣ на велосипедѣ, да изучалъ труды, трактующіе о развитіи нравственныхъ идей въ соотвѣтствіи съ прогрессомъ цивилизациі...

Однажды вечеромъ (первое „нѣчто“ находилось въ это время не болѣе какъ въ 10.000.000 миль отъ насъ) мы съ женой пошли гулять. Ночь была теплая и звѣздная, и я указывалъ своей спутницѣ различныя созвѣздія, а между прочимъ показалъ и планету Марсъ — свѣтлое пятнышко, находящееся почти въ зенитѣ, на которое теперь было направлено столько телескоповъ. Когда мы возвратились домой, то встрѣтили цѣлую компанію, распѣвавшую хоромъ пѣсни. Въ окнахъ нѣкоторыхъ домовъ былъ еще свѣтъ. Съ желѣзнодорожныхъ станцій доносился шумъ поѣздовъ и свистъ локомотивовъ, сдѣлавшійся

мелодичнымъ, благодаря разстоянію. Жена любовалась на красные и зеленые фонарики, красиво выдѣлявшіеся на темномъ фонѣ. Все было такъ мирно, казалось бы такимъ прочнымъ...

II. Метеоритъ.

БѢДА пришла, наконецъ. Въ одно прекрасное утро, незадолго до свѣта, немного восточнѣе Винчестера, высоко въ атмосферѣ показалась огненная полоса, быстро приближающаяся къ землѣ. Сотни народа видѣли ее и приняли за обыкновенный метеоритъ. Альбинъ говоритъ, что она была зеленоватого цвѣта и долго стояла въ воздухѣ; Денниксъ—величайшій изъ современныхъ авторитетовъ по метеорологіи—увѣряетъ, что высота ея надъ горизонтомъ равнялась девяноста или ста милямъ.

Я былъ въ это время дома и писалъ въ своемъ кабинетѣ, венеціан-

ское окно котораго какъ разъ обращено въ ту сторону, къ Оттершоу,—но я ничего не видалъ, такъ какъ былъ занятъ своимъ дѣломъ. Говорятъ, будто бы явленіе сопровождалось сильнымъ свистомъ, котораго я тоже не слыхалъ, хотя окно мое было открыто.

Многіе видѣли паденіе метеорита, но никого онъ особенно не заинтересовалъ, кромѣ несчастнаго Ожилъви, который тоже его видѣлъ и, едва только разсвѣло, отправившись отыскивать, такъ какъ былъ убѣжденъ, что мѣсто паденія находится гдѣ-нибудь около Оттершоу.

Убъжде-
ніеэтовпол-
нѣ оправда-
лось: метеоритъ
былъ

дѣйствительно найденъ въ данномъ мѣ-
стѣ, недалеко отъ песочныхъ ямъ. Про-
бивъ глубокую воронку въ почвѣ, онъ
выбросилъ цѣлыя горы песка и гравія,
образовавшаго высокій валъ вокругъ
этой воронки, видный мили за полторы.
Кромѣ того, онъ зажегъ верескъ на
окрестномъ пустырѣ, и верескъ этотъ
тлѣлъ, пуская легкій дымокъ, тоже
издали замѣтный на фонѣ яснаго неба.

Самое нѣчто едва торчало изъ земли,
на днѣ глубокой ямы. Подойдя по-
ближе къ послѣдней, Ожилъви съ уди-
вленіемъ замѣтилъ, что метеоритъ
имѣетъ видъ цилиндра, ярдовъ трид-
цати въ діаметрѣ, густо покрытаго тем-
нымъ нагаромъ, образовавшимся во
время полета черезъ атмосферу. Изну-
три его слышался легкій шумъ, который
Ожилъви объяснилъ себѣ неравномѣр-
нымъ охлажденіемъ, такъ какъ ци-
лидръ былъ настолько еще горячъ, что
подойти къ нему поближе не предста-
влялось возможности.

Утро было ясное, теплое и тихое.
Слабый вѣтерокъ едва колебалъ вер-
хушки сосенъ около Уэйбриджа; даже
птицы, сколько помнитъ Ожилъви, не
пѣли, такъ что онъ стоялъ одинъ оди-
нехонекъ, среди полной тишины, на-
рушаемой только слабымъ шумомъ,
идущимъ отъ метеорита. Удивленный фор-
мой и размѣрами послѣдняго, Ожилъви
глубоко задумался объ его происхожденіи.

Вдругъ онъ замѣтилъ,
что съ верхняго конца
цилиндра начинаетъ отпа-
дать нагаръ. Сначала упа-
ли на песокъ нѣсколько
маленькихъ кусочковъ,
потомъ отпалъ большой.
Заинтересовавшись при-
чинами этого явленія,
Ожилъви спустился въ яму
и подошелъ къ метеориту
поближе, несмотря на силь-
ный жаръ, расходившійся

лучами отъ него. Нагаръ продолжалъ
отпадать все быстрѣе и быстрѣе, при-
томъ съ одного только верхняго конца
цилиндра, что особенно поразило
Ожилъви.

Не успѣлъ онъ дать себѣ яснаго
отчета, почему это такъ, какъ ему по-
казалось, что вся верхняя часть ци-
линдра начинаетъ медленно вращаться
вокругъ своей оси. Не вѣря своимъ
глазамъ, Ожилъви стоялъ какъ гро-
момъ пораженный; но, наконецъ, кру-
говое движеніе стало до такой степени
очевиднымъ, что астрономъ сразу по-
нялъ, въ чемъ дѣло: цилиндръ сдѣланъ
искусственно, внутри его сидитъ кто-то
и старается отвинтить крышку!

— Праведный Боже! — воскликнулъ
Ожилъви, — тамъ сидитъ человекъ, жи-
вое существо, старающееся освободиться!

Движимый живымъ состраданіемъ,
полубезсознательно связывая все при-
ключеніе съ происшествіями на Марсѣ

Ожилви бросился было помогать отвинчиванью крышки, но, къ счастью, сильный жаръ, распространяемый цилиндромъ на разстояніи, помѣшалъ ему обжечь себѣ руки о его раскаленные стѣнки. Постоявъ минутку въ нерѣшимости, онъ наскоро выбрался изъ ямы, оставивъ въ ней свою шапку, и въ крайне растерянномъ видѣ побѣжалъ

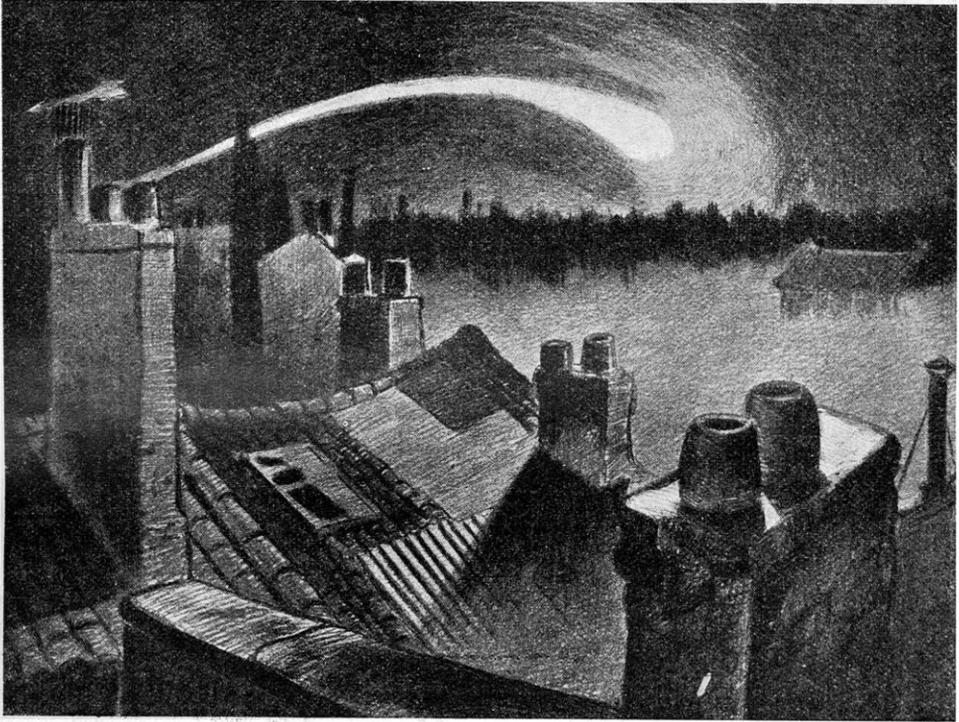
вущему поблизости, и, найдя его въ палисадникѣ передъ домомъ, сталъ разговаривать черезъ рѣшетку.

— Хендерсонъ,—сказалъ онъ,—видѣли вы ночью метеоръ?

— Какъ же, какъ же, видѣлъ! А что?

— Онъ лежитъ теперѣ около Оттершоу

— Аэролитъ? Ахъ, Боже мой, вотъ такъ штука! Прекрасно!

Высоко въ атмосферѣ показалась огненная полоса.

по направленію къ Уокингу. Было около шести часовъ утра. Движеніе по улицамъ и дорогамъ почти еще не начиналось. Встрѣтивъ сначала мусорщика, а потомъ какого-то пьяницу, ждущаго открытія дверей кабака, Ожилви попробовалъ объяснить имъ, въ чемъ дѣло, но первый совсѣмъ не сталъ его слушать, а послѣдній принялъ за сумасшедшаго и собирался задержать его до прибытія полицмена.

Отрезвленный этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, Ожилви направился прямо къ Хендерсону, журналисту, жи-

— Больше чѣмъ аэролитъ: цилиндръ, искусственно сдѣланный цилиндръ! Подумайте только! И внутри его копошится что-то живое!

Хендерсонъ стоялъ на дорожкѣ, съ лопатой въ рукѣ; онъ былъ нѣсколько глухъ и потому боялся, что не понялъ словъ Ожилви.

— Что такое? — сказалъ онъ, подходя поближе къ рѣшеткѣ.

Когда Ожилви рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, то онъ бросилъ лопату, надѣлъ наскоро пиджакъ и вышелъ на улицу. Отправившись опять къ ямѣ,

пріятели нашли цилиндръ все на томъ же мѣстѣ, но звуки внутри его прекратились, крышка была уже нѣсколько отвинчена, такъ что между тѣломъ цилиндра и ею виднѣлся поясъ блестящихъ нарѣзовъ винта. Не то откуда-то выходилъ, не то куда-то входилъ воздухъ съ довольно сильнымъ свистомъ.

Пріятели посмотрѣли, послушали, постучали палкой по цилиндру и, не дождавшись никакого отвѣта, отправились въ городъ за помощью, предполагая,

что человѣкъ внутри метеорита уже умеръ или умираетъ.

Хендерсонъ отправился прежде всего на желѣзнодорожную станцію, чтобы отправить телеграмму въ Лондонъ. Къ восьми часамъ около ямы собралась уже порядочная толпа мальчишекъ и праздношатающихся, между которыми уже прошелъ слухъ о „мертвецѣ съ Марса“. Я узналъ о происшествіи въ четверть девятого, отъ газетчика, и, конечно, тотчасъ же отправился въ Оттершоу, къ песочнымъ ямамъ.

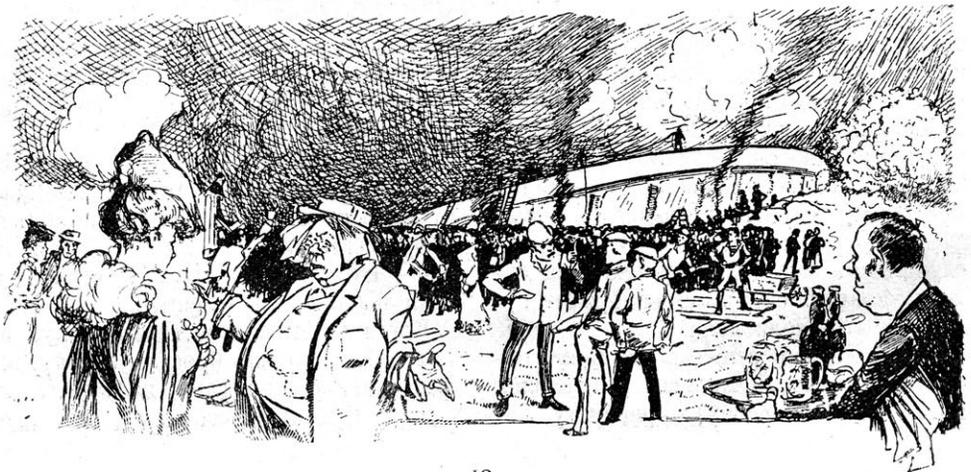
Ш. На мѣстѣ дѣйствія.

ПРИБЫВЪ на мѣсто, я нашелъ вокругъ ямы толпу человѣкъ въ двадцать. Ни Ожильзи, ни Хендерсона не было; они ушли, должно быть, завтракать къ послѣднему. Цилиндръ находился въ томъ состояніи, которое описано въ концѣ предыдущей главы. На краю ямы сидѣли мальчишки и забавлялись бросаніемъ въ него камней, а когда я ихъ остановилъ, то они занялись игрой „въ пятнашки“, бѣгая вокругъ ямы, всѣмъ мѣшая и вызывая всеобщее негодованіе.

Среди толпы находились два велосипедиста со своими машинами и въ присвоенныхъ этому спорту костюмахъ, знакомый мнѣ садовникъ, занимающийся поденной работой, дѣвочка съ ребенкомъ на рукахъ, мясникъ Грегъ

со своимъ мальчикомъ, два-три булочныхъ разносчика, носильщики со станціи и проч. Разговоровъ было очень мало.

Простой народъ въ Англии не обладаетъ астрономическими свѣдѣніями, а потому всѣ присутствовавшіе ограничивались тѣмъ, что тупо смотрѣли на столподобную поверхность крышки цилиндра. Я думаю, что они обманулись въ ожиданіи видѣть цѣлую массу зажаренныхъ тѣлъ. Многіе уходили, постоявъ нѣсколько времени, многіе вновь приходили. Я попробовалъ спуститься въ яму, причемъ чувствовалось какъ бы какое-то легкое движеніе въ глубинѣ земли. Но цилиндръ былъ теперь положительно неподвиженъ; крышка не отвинчивалась.

Цилиндръ имѣлъ видъ вкопаннаго въ землю стараго газометра...

Разсмотрѣвъ его поближе, я не замѣтилъ ничего особеннаго. Цилиндръ имѣлъ видъ вкопаннаго въ землю стараго и заржавленнаго газометра, только ржавчина его не совсѣмъ походила на обыкновенную, да блестящая металлическая поверхность винта по своему желтовато-бѣлому цвѣту не напоминала ни одного изъ извѣстныхъ намъ металловъ.

Въ силу всего этого, вмѣстѣ съ извѣстной исторіей появленія цилиндра на нашей планетѣ, я пришелъ къ заключенію, что онъ дѣйствительно упалъ къ намъ съ Марса и что онъ полый. Но я считалъ положительно невозможнымъ, чтобы въ немъ заключалось какое-нибудь живое существо. Крышка могла начать отвинчиваться автоматически при ударѣ о землю. Вопреки мнѣнію Ожилви, я всегда вѣрилъ въ существованіе людей на Марсѣ, а разъ они тамъ есть, то что же мѣшаетъ имъ придумать такой механизмъ? Да и не

Богъ вѣсть какъ это хитро. Затѣмъ я началъ мечтать о томъ, что должно заключаться въ цилиндрѣ, о томъ, какъ трудно будетъ разобрать рукописи, если онѣ тамъ есть, какъ интересно видѣть образчики неземныхъ искусствъ и ремеслъ, несомнѣнно въ немъ заключающіеся—иначе зачѣмъ бы ему быть такимъ большимъ?—и проч., и проч. Вообще я нетерпѣливо желалъ видѣть цилиндръ открытымъ и съ этой мыслью, часовъ около одиннадцати, отправился домой, такъ какъ ничего новаго при мнѣ не произошло. Дома, однако же, я совсѣмъ не могъ ничѣмъ заняться и, только-что успѣлъ позавтракать, вновь отправился въ Оттершоу.

На этотъ разъ я нашелъ толпу значительно большую. Около ямы стояло довольно много экипажей и въ томъ числѣ, очевидно, „собственные“. Множество велосипедистовъ, почти всѣ жители окрестныхъ мѣстечекъ, нѣсколько нарядныхъ дамъ,—тѣснились группами

на мѣстѣ дѣйствія, оживленно между собою разговаривая. Очевидно, статьи утреннихъ газетъ, въ которыхъ большими буквами и на видномъ мѣстѣ было напечатано: „Посланіе съ Марса“, возымѣли свое дѣйствіе. Не мало помогла и телеграмма Ожилви въ Центральную Астрономическую Биржу, которая подняла на ноги всѣхъ астрономовъ Соединеннаго Королевства.

День былъ безоблачный, безвѣтренный, страшно жаркій. Даже на чистомъ воздухѣ было душно. Верескъ вокругъ ямы погасъ, но мѣстами все-таки дымился, наполняя атмосферу запахомъ гари. Предпримчивый торговецъ со станціи желѣзной дороги успѣлъ уже прислать къ ямѣ своего сына съ яблоками и инбирнымъ пивомъ, запасъ котораго едва успѣвалъ пополняться.

Подойдя къ краю ямы, я увидалъ въ ней цѣлую групу лицъ, среди которыхъ находился Ожилви, Хендерсонъ, высокій господинъ съ прекрасной шевелюрой, оказавшійся впоследствии профессоромъ Стентомъ, астрономомъ, членомъ Королевскаго Общества, и нѣсколько рабочихъ, съ лопатами и кирками. Стентъ громко отдавалъ приказанія, стоя у самаго цилиндра, порядочно уже остывшаго. Лицо его было

IV. Цилиндръ открывается.

КОГДА я вернулся къ ямѣ, солнце уже заходило. Толпа замѣтно выросла, но составъ ея постоянно мѣнялся; по всему полю были видны группы людей, приходившихъ и уходившихъ по разнымъ направленіемъ.

У самаго края ямы съ цилиндромъ была давка и слышались крики. Сердце у меня тревожно забилось отъ ожиданія чего-то необыкновеннаго. Под-

красно и покрыто потомъ; онъ, очевидно, сердился.

Рабочіе успѣли уже значительно обкопать цилиндръ, но нижній его конецъ все еще крѣпко сидѣлъ въ землѣ.

Увидѣвъ меня на краю ямы, Ожилви позвалъ меня внизъ и попросилъ меня съѣздить къ лорду Хильтону, на землѣ котораго лежалъ цилиндръ, чтобы хлопотать дозволеніе проложить рельсы для подъема послѣдняго изъ ямы. Кромѣ того, онъ просилъ меня вытребовать полицейскую стражу и удалить толпу, особенно мальчишекъ, которые страшно мѣшали работать. Ожилви рассказалъ мнѣ, между прочимъ, что въ цилиндрѣ иногда попережнему слышится шумъ, что рабочимъ не удалось отвинтить крышки, такъ какъ нечѣмъ захватить ее, да и силъ не хватить, въ виду громадной тяжести и толщины стѣнокъ.

Обрадовавшись быть сколько-нибудь полезнымъ и играть роль въ такомъ важномъ дѣлѣ, я тотчасъ же отправился

къ лорду Хильтону, но не засталъ дома. Мнѣ сказали, что ждуть его съ шестичасовымъ поѣздомъ; но такъ какъ было только еще четверть шестого, то я отправился сначала домой пить чай, а потомъ пошелъ на станцію.

ходя ближе, я услышала голосъ мистера Стента, кричавшаго:

— Назадъ! Назадъ! Осадите!

Какой-то мальчишка, бѣжавшій мнѣ навстрѣчу, пробормоталъ:

— Онъ развинчивается! Самъ развинчивается! Это очень страшно, я побѣгу домой, ей Богу, побѣгу домой!

Я вошелъ, наконецъ, въ толпу, гдѣ пришлось работать локтями, чтобы про-

браться впередъ. Всѣ тѣснились, толкались и были видимо очень возбуждены.

— Онъ упалъ въ яму! — крикнулъ кто-то.

— Назадъ! назадъ! — кричали другіе.

Толпа немного отступила, и я едва не упалъ. Изъ глубины ямы слышенъ былъ сильный скригъ.

— Да осадите же вы этихъ идиотовъ назадъ! — раздался голосъ Ожилви. — Въдъ неизвѣстно, что сидитъ въ этомъ проклятомъ цилиндрѣ!

Въ эту минуту я увидѣлъ фигуру знакомаго приказчика изъ лавки. Онъ стоялъ на крышкѣ цилиндра и старался выбраться изъ ямы, но толпа ему мѣшала.

Крышка теперь очень дѣятельно развинчивалась изнутри. Около двухъ футовъ винтового нарѣза было уже видно. Кто-то поскользнулся около меня и чуть не покатился въ яму. Обернувшись назадъ, я въ ту же минуту услышалъ, какъ крышка цилиндра упала на песокъ. Едва держась, чтобы не скатиться въ свою очередь, я взглянулъ внизъ, но въ первую минуту не увидаль ничего, кромѣ темнаго отверстія цилиндра: заходящее солнце свѣтило мнѣ въ глаза.

Всѣ ожидали, вѣроятно, какъ и я самъ, что изъ этого отверстія покажется чело-

вѣкъ или, по крайней мѣрѣ, существо, похожее на человѣка. Каково же было всеобщее удивленіе, когда мы увидѣли на днѣ цилиндра сначала цѣлую кашу изъ какихъ-то беспорядочно движущихся сѣрыхъ змѣй, толщиной въ тростъ; затѣмъ, среди этой каши показались два глаза и, наконецъ, змѣи, одна за другою, стали вытягиваться изъ отверстія цилиндра, и притомъ направляясь въ мою сторону.

Я невольно вздрогнулъ. Какая-то женщина вскрикнула сзади меня. Вообще со всѣхъ сторонъ слышались восклицанія отчасти ужаса, отчасти удивленія. Толпа, въ страхѣ, отступила нѣсколько. Приказчикъ попрежнему старался выбраться изъ ямы. Скоро я очутился совсѣмъ одинъ и видѣлъ, что народъ бѣжитъ отъ ямы, мистеръ Стентъ въ числѣ другихъ. Взглянувъ еще разъ на цилиндръ, я остолбенѣлъ отъ ужаса.

Огромный, сѣрый, круглый мѣшокъ, съ большого медвѣдя величиною, съ трудомъ и очень медленно выбирался изъ отверстія. Поверхность его блестяла въ лучахъ заходящаго солнца, какъ мокрая кожа. Два огромныхъ черныхъ глаза были устремлены прямо на меня. Подъ ними находилось отверстие, въ родѣ рта, беззубые края котораго судорожно подергивались, испуская слюну. Все тѣло чудовища тяжело пульсировало. Тонкія, щупальцеобразныя конечности упирались въ края цилиндра, а одна изъ нихъ махала по воздуху.

Огромный, стрый, круглый мшшокъ медленно выбирался изъ отверстія...

Кто никогда не видалъ живого марсианина, тому трудно представить себѣ его ужасную фигуру. Оригинальный, V-образный ротъ, съ заостренной верхней губою, постоянно подергивающейся, отсутствіе бровей и подбородка, лучисто расположенныя группы щупалець, какъ у спрута, тяжелое дыханіе благодаря непривычно высокому давленію

чуждой атмосферы, затрудненныя движенія благодаря непривычно высокому тяготѣнію, громадныя, упорныя, жестокіе глаза и, пуше всего, эта поганая, гладкая, скользкая, змѣиная кожа! Въ ней было что-то заплѣсневѣлое, гнилое. При первомъ взглядѣ на это ужасное существо я былъ охваченъ безпредѣльнымъ отвращеніемъ и страхомъ.

Вдругъ все исчезло. Не удержавшись за края цилиндра, марсианинъ шлепнулся на дно ямы, какъ громадный кожаный мѣшокъ, издавъ при этомъ особый, ни на что не похожій, рѣзкій крикъ. Вслѣдъ за нимъ, однако же, изъ темнаго отверстія показалось другое такое же чудовище.

Охваченный ужасомъ, я бросился бѣжать, но отбѣжалъ всего ярдовъ на сто, до ближайшей группы деревьевъ, такъ какъ не могъ отказаться отъ желанія взглянуть, что будетъ дальше.

Спрятавшись за деревьями и успокоившись нѣсколько, я осмотрѣлся. Повсюду, за деревьями и въ песочныхъ ямахъ виднѣлись группы людей, наблюдавшихъ за марсианами съ такимъ же ужасомъ и любопытствомъ, какъ я. Самой ямы и того, что въ ней происходитъ, мы, однако же, видѣть не могли, такъ какъ ее заслонялъ валъ изъ песка и гравія. Надъ гребнемъ этого вала я видѣлъ только какой-то круглый предметъ, который то поднимался, то опускался.

При ближайшемъ разсмотрѣннн предметъ этотъ оказался головою приказчика, старавшагося выбраться изъ ямы. Онъ

успѣлъ даже стать на колѣни на гребнѣ, но потомъ вдругъ исчезъ совсѣмъ, и мнѣ показалось, что я слышу его жалобный крикъ. Первымъ побужденіемъ моимъ было бѣжать къ нему на помощь; къ стыду моему, страхъ сковалъ, однако же, мои ноги...

Съ этой минуты мы ничего не видали кромѣ песчаныхъ холмовъ, за которыми скрывался неизреченный ужасъ. Свѣжему человѣку, идущему по дорогѣ изъ Уокинга или Чобхэма, было бы совершенно непонятно, зачѣмъ это такая толпа народа — человѣкъ двѣсти или триста — раздѣлившись на группы и прячась за кустами, молча и боязливо смотреть на кучи песка, въ которыхъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Только сдержанные возгласы, тамъ и сямъ, прерывали, отъ времени до времени,

полную тишину. Боченокъ съ инбирнымъ пивомъ, брошенный разносчикомъ, чернѣлъ на скатѣ вала, а между песочными ямами лошади оставленныхъ кучерами экипажей мирно ѣли овесъ изъ мѣшковъ или били копытами по обгорѣлому вереску.

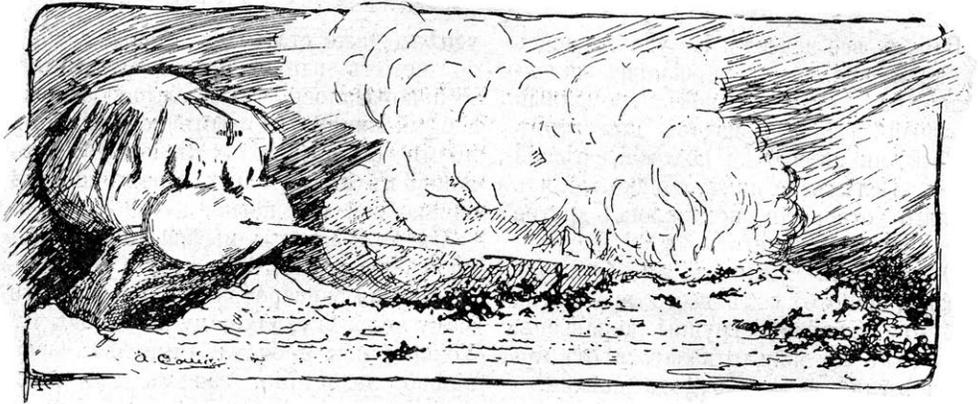
V. Тепловой лучъ.

ПОСЛѢ перваго припадка ужаса, стоя въ кустахъ и глядя на песчаные холмы, я успокоился понемногу. Страхъ боролся во мнѣ съ любопытствомъ. Идти къ ямѣ было страшно, а заглянуть въ нее очень хотѣлось. Я поэтому сталъ переходить съ мѣста на мѣсто, отыскивая такой пунктъ, съ котораго можно было бы видѣть, что дѣлаютъ марсиане. Во все это время, однако же, я не спускалъ глазъ съ песчанаго гребня и успѣлъ замѣтить, какъ надъ нимъ нѣсколько разъ поднимались противныя сѣрыя щупальцы, тотчасъ же вновь прячась въ яму. Одинъ разъ изъ нея поднялся какой-то тонкій, суставчатый, повидимому, металлическій

шесть, съ дискомъ на вершинѣ, въ родѣ большого, круглаго подноса. Что бы это могло быть?

Большинство зрителей столпилось теперь въ двѣ группы: одна, большая, — на дорогѣ къ Чобхэму, а другая, меньшая, — на дорогѣ къ Уокингу. Они, очевидно, такъ же, какъ и я, искали удобнѣйшаго пункта для наблюдений. Нѣсколько человѣкъ были около меня. Я подошелъ къ одному изъ нихъ, сосѣду по квартирѣ, котораго часто встрѣчалъ, но не зналъ по имени. Попробовавъ заговорить съ нимъ, я скоро убѣдился, что ему не до разговоровъ.

— Какіе безобразные дикари! — восклицалъ онъ. — Боже, какіе дикари!

— А видѣли вы, какъ человѣкъ упалъ въ яму? — спросилъ я его, но онъ не отвѣтилъ и, кажется, не слышалъ даже моего вопроса. Мы замолчали, продолжая стоять рядомъ и находя нѣкоторую отраду во взаимной близости. Немного погодя, я взоселъ на небольшой бугорокъ, чтобы быть повыше, но и оттуда ничего не увидаль. Обернувшись взглянуть на своего сосѣда, я замѣтилъ, что онъ медленно поплелся по дорогѣ въ Чобхэмъ.

Солнце совсѣмъ зашло, и начались сумерки. Толпа на дорогѣ въ Уокингъ росла, повидимому, такъ какъ оттуда доносился довольно сильный шумъ. Что касается толпы на Чобхэмской дорогѣ, то она совершенно разсѣялась. Изъ ямы же — ни привѣта, ни отвѣта: — точно будто бы тамъ никого нѣтъ.

Это обстоятельство, въ связи съ прибытіемъ новыхъ лицъ изъ Уокинга, не видавшихъ тѣхъ ужасовъ, которые мы видѣли, придавало, должно быть, толпѣ куражу. Стоя по другой сторонѣ ямы, я видѣлъ, какъ отъ нея отдѣлились группы въ два-три человѣка и начали осторожно подниматься на песчаный валъ, по временамъ останавливаясь, прислушиваясь и даже припадая къ землѣ. На фонѣ небольшого, освѣщеннаго вечерней зарею, передо

мною ясно рисовались ихъ темные силуэты. Я, съ своей стороны, сталъ тоже понемножку подвигаться къ ямѣ.

Кучера, также, должно быть, успѣвшіе придти въ себя, стали ловить лошадей между песочными ямами. Оттуда слышались брань, стукъ колесъ и хлопанье бичей. Мальчишка съ яблоками вновь появился среди толпы и, наконецъ, по дорогѣ отъ Хорзеля показалась небольшая кучка людей, во главѣ которой кто-то несъ бѣлый платокъ на палкѣ.

Это была депутація. Сообразивъ, что марсіане, несмотря на свою отталкивающую наружность, должны быть разумными существами, догадливые люди рѣшились завязать съ ними сношенія и доказать, что мы, въ свою очередь, тоже не лыкомъ шиты.

Дальше и дальше шествуетъ флагъ, отклоняясь то вправо, то влево. Кучка депутатовъ видимо растетъ, благодаря тому, что къ ней пристали многіе изъ толпы. Я не могъ разсмотрѣть издали лицъ депутатовъ, но послѣ узналъ, что въ числѣ ихъ были и Ожилъви, и Стентъ, и Хендерсонъ.

Не успѣла эта кучка подняться на валъ, какъ вдругъ въ глубинѣ ямы блеснулъ огонь, за которымъ показались кучы зеленоватаго, фос-

форесцирующаго дыма, поднимавшагося вертикально вверхъ, такъ какъ не было ни малѣйшаго вѣтра.

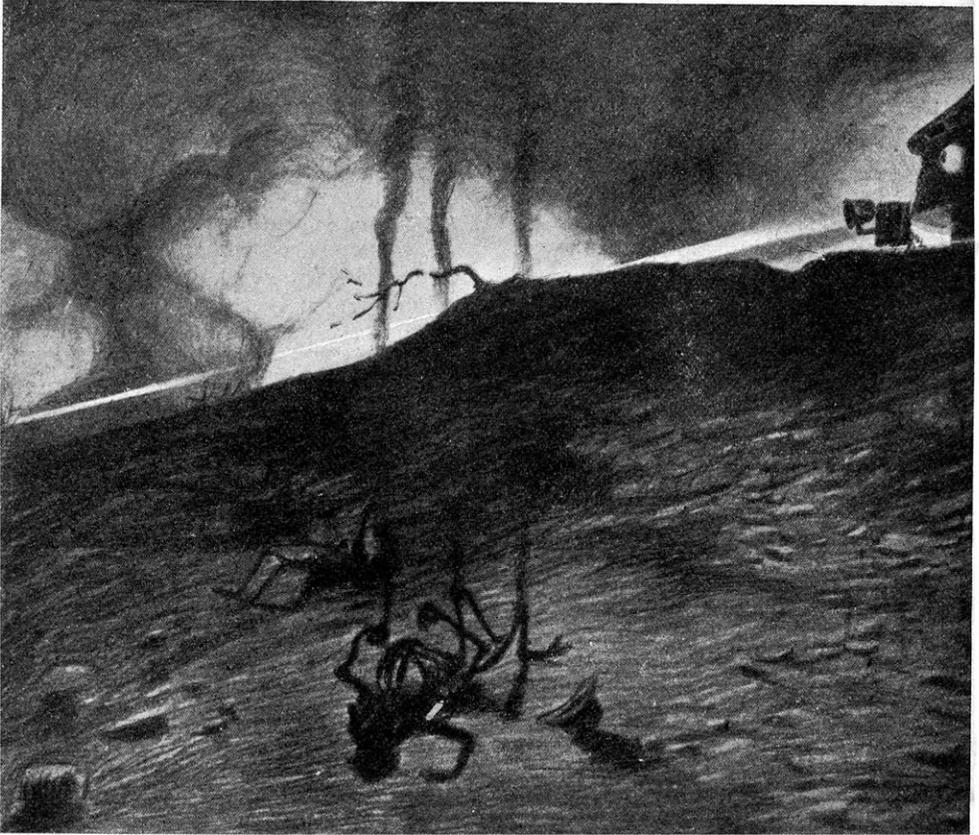
Этотъ дымъ (или, можетъ быть, пламя) свѣтилъ такъ ярко, что послѣ его разсѣяннн стало какъ будто еще темнѣе. Въ то же время изъ ямы послышалось рѣзкое шипѣнн, которое перешло затѣмъ въ какое-то журчанн и, наконецъ, въ громкнй и продолжительный ревъ. Почти тотчасъ же надъ валомъ пока-

залось нѣчто въ родѣ ящика, изъ котораго вырывался лучъ слабого свѣта.

Пораженная этими неожиданными явлениями, депутацн остановилась у подошвы вала. Лица депутатовъ, казавшнися страшно блѣдными при зеленомъ освѣщенн, теперь опять погрузились во мракъ, среди котораго виднлся только передвигавшнйся съ мѣста на мѣсто блѣдный лучъ свѣта, идущнй отъ страннаго ящика, поднятаго марсианами.

Одни падали, мгновенно воспламеняясь, другнѣ съжали по разнымъ направленнямъ.

Огненный мечь марсіанъ медленно обходилъ вокругъ ямы.

Вдругъ лучъ этотъ упалъ на группу депутатовъ; на кусты и деревья, стоявшіе, въ отдаленіи, за этой группой; на голую землю, находившуюся подъ ними,—и все, на что онъ падалъ, мгновенно воспламенялось, доходя до бѣлокалильнаго жара... все горѣло, испуская ослѣпительный свѣтъ...

При этомъ свѣтѣ я видѣлъ, какъ однѣ человѣческія фигуры падали, мгновенно воспламеняясь, а другія бѣжали по разнымъ направленьямъ. Деревья, кусты, лошади, люди, экипажи, строенія — все кругомъ горѣло. Самъ я стоялъ какъ остолбенѣлый, не понимая, что случилось. Слабый лучъ, безъ всякаго шума, медленно передвигался съ одного предмета на другой, зажигая все встрѣчное на пути. Результатъ, повидимому, не соответствовалъ причинѣ.

Крики людей, безумное ржаніе какой-то несчастной лошади, трескъ горящихъ кустовъ и деревьевъ, запахъ дыма и жаренаго мяса, невыносимый блескъ раскаленныхъ камней,—все это слилось въ какую-то сплошную адскую картину. А огненный мечь марсіанъ медленно, но увѣренно обходилъ вокругъ ямы, направляясь въ мою сторону. Вотъ уже загорѣлись сосѣдніе кусты, и мнѣ стало казаться, что я чувствую, какъ какая-то раскаленная стѣна понемногу приближается къ моему боку, но двинуться съ мѣста я положительно не могъ. Вдругъ шумъ въ ямѣ прекратился, и черный ящикообразный предметъ, выставленный изъ-за вала, сталъ медленно опускаться.

Все это случилось до такой степени быстро, что я не успѣлъ опомниться, не успѣлъ даже сообразить, какой страш-

ной опасности я подвергаюсь, и какъ милостива ко мнѣ судьба, не допустившая марсіанъ описать полный кругъ ихъ огненнымъ мечемъ, что и спасло меня отъ неминуемой смерти.

Зато какими темными и непривѣтливими показались мнѣ всѣ окрестности этого проклятаго мѣста, внезапно превращеннаго въ безлюдную пустыню! Вправо отъ меня чернѣли зданія Оттершоу, кое-гдѣ прорѣзанныя сѣроватыми лицами, а влѣво, до самой станціи Уокинга, все было затянато дымомъ, сквозь который виднѣлись тамъ и сямъ догорающіе деревья и дома. Марсіане не подавали никакого признака жизни; только суставчатый шестъ съ подносомъ, который я теперь призналъ за зеркало, тор-

чалъ изъ ямы, едва видный на фонѣ ночного неба.

Полубезсознательное состояніе мое прекратилось вдругъ. Я сразу какъ-то созналъ свое одиночество, беззащитность, близость страшнѣйшей опасности и необходимость бѣжать отъ нея, куда глаза глядятъ. Въ смертельномъ страхѣ повернулся я спиной къ ямѣ и побѣжалъ, спотыкаясь, по направленію къ городу. Направленіе это избрано было мною, однако же, совершенно машинально. Я не сознавалъ, куда бѣгу, и

только старался уйти поскорѣе отъ чего-то ужаснаго, что гонится за мною по пятамъ. Я дошелъ до такого малодушія, что громко всхлипывалъ, какъ ребенокъ, и боялся оглянуться назадъ.

VI. Тепловой лучъ на Чобхэмской дорогѣ.

НАШИ ученые до сихъ поръ еще не рѣшили, въ чемъ собственно состояло смертоносное оружіе марсіанъ. Большинство предполагаетъ, что они сумѣли какимъ-то образомъ произвести и сконцентрировать невидимые тепловые лучи въ абсолютно не проводящей тепла камерѣ. Эти тепловые лучи, отраженные параболическимъ рефлекторомъ, въ родѣ того какъ отражаются лучи свѣта на маякахъ, они пропускали, вѣроятно, сквозь какую-нибудь двояковыпуклую преломляющую линзу, съ фокусомъ, по произволу отдаляемымъ и приближаемымъ, который и направляли на любой предметъ, подлежащій уничтоженію.

Трудно сказать, такъ ли это было устроено на самомъ дѣлѣ, но интенсивный тепловой лучъ, несомнѣнно, игралъ роль страшнаго оружія въ рукахъ марсіанъ, такъ какъ всѣ предметы, на которые было направлено это

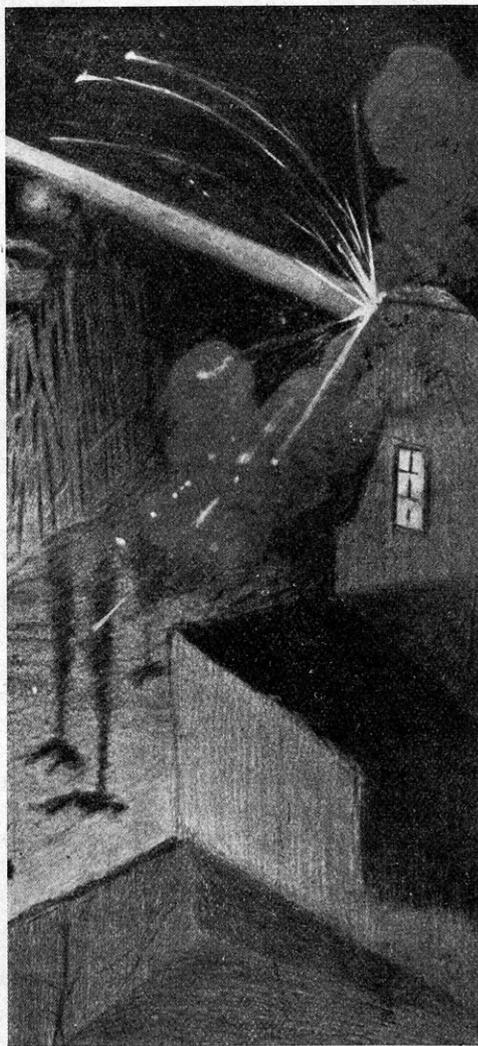
оружіе, разрушались отъ огня: растительныя и животныя ткани горѣли, свинецъ и даже стекло плавилось до совершенно жидкаго состоянія, сталь становилась мягкой, а вода, даже съ поверхности большихъ ея вмѣстительствъ (рѣкъ, озеръ, морей), мгновенно превращалась въ паръ.

Въ первую же ночь, проведенную марсіанами на землѣ, они убили сорокъ человѣкъ, пепелъ которыхъ лежалъ вокругъ ямы, и опустошили всю страну, отъ Хорзеля до Мейбери.

Вѣсть объ этихъ ужасныхъ происшествіяхъ дошла, вѣроятно, до Чобхэма, Уокинга и Оттершоу почти одновременно и довольно поздно.

Въ Уокингѣ, напримѣръ, лавки были уже закрыты, когда марсіане прибѣгли къ дѣйствию своего оружія, и толпы народа, главнымъ образомъ, торговцевъ, покончивъ свой дневной трудъ, прогуливались по Херзелю, Бриджу и

по улицамъ, направляясь вдоль изгородей, къ тому мѣсту, гдѣ по слухамъ, съ утра еще происходитъ что-то необыкновенное. Эти слухи заинтересовали, конечно, молодежь обоего пола, которая и шла теперь посмотрѣть на диковинку, крича, смѣясь и пользуясь возможностью позаняться флиртомъ. Шумъ стоялъ на улицахъ невозможный. Никто ничего не зналъ хорошенько, хотя Хендерсонъ еще утромъ прислалъ на станцію велосипедиста съ подробной телеграммой для своего изданія.

Лучъ зажегъ верхніе этажи зданій...

Когда вся толпа, человекъ въ триста, дошла до открытаго мѣста, на которомъ находилась яма, то было уже около половины девятого, и тепловой лучъ началъ свое разрушительное дѣйствіе. Три полицмена, изъ коихъ одинъ конный, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы не допустить толпу двигаться далѣе, но она не слушалась, и многіе смѣльчаки проскользнули таки поближе къ ямѣ, а большинство занялось перебранкой съ полицейскими.

Я до сихъ поръ не понимаю, почему на мѣсто происшествія еще днемъ не было выслано войска, когда Стентъ и Ожилви, заботясь о безопасности марсіанъ (несчастные!), рано утромъ, по телеграфу, просили прислать роту солдатъ для ихъ охраны.

Какъ бы то ни было, солдаты не явились, и толпа только чудомъ спаслась отъ полного истребленія. Будь теплопроизводящій фонарь поднять нѣсколько повыше—никто бы не избѣжалъ смерти, такъ какъ тогда лучъ могъ бы быть переброшенъ черезъ маленькій песчаный холмъ, находившійся впереди толпы, въ углубленіе, въ которомъ она стояла, и не шель бы поверхъ ея головъ. Но и тутъ онъ причинилъ ей не малый вредъ. Засмотрѣвшись на пламя, на безпричинно загоравшихся людей и деревья, толпа не замѣтила, какъ лучъ, проскользнувъ надъ нею, зажегъ верхушки стоявшихъ сзади деревьевъ и верхніе этажи зданій.

Трескъ стеколъ, пламя, горящіе листья и сучья, которые при своемъ паденіи зажигали пальто и шляпы присутствующихъ, послѣ минутнаго остолбѣненія, произвели въ толпѣ панику, тѣмъ болѣе, что въ то-же самое время отъ ямы прискакалъ конвойный полицмень, громко стонавшій и закрывавшій руками свою голову.

— Они идутъ! Они идутъ!—закричала какая-то женщина—и, точно по командѣ, вся толпа, толкая и давя другъ друга, какъ испуганная отара овецъ, бросилась бѣжать обратно въ Уокингъ. Двѣ женщины и одинъ мальчикъ оказались задавленными до смерти.

VII. Какъ я добрался домой.

ЧТО касается меня самого, то я рѣшительно не помню, какъ и куда я бѣжалъ. Помню только, что верескъ хлесталъ меня по ногамъ, а вѣтви деревьевъ по головѣ, что всю дорогу мнѣ мерещились марсіане и ихъ огненный мечъ, и что, наконецъ, выбившись изъ силъ, я упалъ въ канаву. Это случилось около моста черезъ каналъ, близъ газоваго завода. Упавши, я пролежалъ, должно быть, довольно долго, находясь въ полубезсознательномъ состояніи.

Когда я пришелъ въ себя, то не сразу понялъ, гдѣ нахожусь и какъ попалъ въ почти незнакомое мѣсто. Ужасъ мой совершенно прошелъ; я чувствовалъ только крайнюю усталость и изнеможеніе. Марсіане, тепловой лучъ, пожары и всѣ приключенія прошедшаго дня казались мнѣ тяжелымъ сномъ. Безъ шапки и галстука, растерзанный, хромающій, похожій на пьянаго, сталъ я подниматься на мостъ. Повстрѣчавъ какого-то рабочаго, несущаго корзину и сопровождаемаго мальчикомъ, я хотѣлъ заговорить съ нимъ, но не могъ. Около Мейбери я увидѣлъ поѣздъ—длинный рядъ вагоновъ съ освѣщенными окнами и линію бѣлаго, волнистаго дыма, вьющагося надъ локомотивомъ и тендеромъ. Кляттеръ, кляттеръ, кляттеръ, трахъ, трахъ, трахъ—и поѣздъ промчался мимо. У воротъ хорошенькаго домика, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Восточной Террасы, тихо и мирно

болтаеть между собою маленькая группа людей, мужчинъ и женщинъ. Все это такъ естественно, такъ привычно, такъ обыкновенно. А приключенія сегодняшняго утра и дня? Можетъ ли быть что-нибудь болѣе фантастичное, ужасное, невысказанное! Я едва вѣрилъ, что все это было въ дѣйствительности.

Можетъ быть, я не совѣмъ нормаленъ, не похожъ на другихъ людей? По временамъ я чувствую какое-то раздвоеніе, какъ бы отдаляюсь отъ себя самого и отъ окружающаго міра. Мнѣ кажется, что я смотрю на него откуда-то издали, стоя внѣ времени и пространства, внѣ участія въ общей жизни. Въ эту ночь я особенно чувствовалъ такое раздвоеніе.

Да и трудно было оставаться цѣльнымъ человѣкомъ, въ виду такого раздвоенія даже общественной жизни. Здѣсь—миръ, покой, обыденность, а тамъ, за двѣ мили отсюда—нѣчто ужасное, неожиданное, почти невысказанное.

Съ газоваго завода слышенъ былъ шумъ оживленной работы, тамъ весело горѣли электрическія лампы. Я остановился около группы рабочихъ, разговаривавшихъ на улицѣ. Было двое мужчинъ и одна женщина.

— Какія вѣсти изъ Оттершоу?—спросилъ я.

— Что?—сказалъ одинъ изъ рабочихъ, лѣниво повертываясь.

— Какія вѣсти изъ Оттершоу?

— А сами-то вы развѣ не оттуда?

— Надоѣли намъ эти новости,—прибавила женщина. Толкуютъ о пустякахъ!

— Да развѣ вы не слышали о людяхъ съ Марса,—сказалъ я,—о чудовищахъ, прилетѣвшихъ на землю?

— Достаточно наслушались,—отвѣчала женщина,—очень благодарны.

Всѣ трое захохотали.

Почувствовавъ, что попалъ въ глупое положеніе, я вспылить и сталъ разъяснять имъ, въ чемъ дѣло, но только все больше и больше путался, а собеседники мои хохотали надъ моею горячностью.

— Ну, вы еще раскаетесь въ нашемъ невѣріи,—сказалъ я, уходя домой.

Жена испугалась, когда увидѣла меня въ такомъ растрепанномъ и испуганномъ видѣ. Успокоившись и выпивъ немного вина, я отказался отъ обѣда, который давно уже простылъ, и рассказалъ женѣ всѣ подробности только что случившихся происшествій.

— Одно только хорошо,—прибавилъ я, для того, чтобы успокоить хоть немного совершенно естественный испугъ жены, послѣ всего того, что она отъ меня услышала,—это то, что они, повидимому, очень лѣнны и неповоротливы. Будутъ сидѣть себѣ въ ямѣ, да убивать тѣхъ, которые подойдутъ къ нимъ близко, а сами никуда не тронутся. Но до чего они противны! Боже мой!

— Ну, Богъ съ ними, забудь объ этомъ,—сказала жена, взявъ мою руку.

— Бѣдный Ожилви,—прибавилъ я,—какъ подумаешь, что онъ лежитъ тамъ мертвый!

Жена, по крайней мѣрѣ, вполне мнѣ вѣрила. Замѣтивъ, какъ она поблѣднѣла, я постарался заговорить о другомъ.

— А что если они сюда придутъ?—повторяла она отъ времени до времени. Я заставилъ ее выпить вина и увѣрилъ, что марсіане совсѣмъ не могутъ двигаться.

Да и, въ самомъ дѣлѣ, помимо того впечатлѣнія крайней неудобоподвижности, которое они на меня произвели,

я вспомнилъ еще разсужденія Ожилви, доказывавшаго, что марсіане, появившись на землѣ, не могли бы на ней свободно передвигаться. Сила тяжести на землѣ втрое больше, чѣмъ на Марсѣ, а мышечная сила марсіанъ, при переселеніи ихъ на нашу планету, останется тою же самой. Значитъ, ихъ собственное тѣло, ставши втрое тяжелѣе, будетъ служить для нихъ какъ бы ядромъ, привязаннымъ къ ногѣ каторжника.

Не одинъ я, но и всѣ такъ думали. Въ „Times“ и въ „Daily Telegraph“ появились, на слѣдующее утро, весьма убѣдительныя статьи, доказывавшія невозможность передвиженія для марсіанъ. Авторы этихъ статей такъ же, какъ и я самъ, просмотрѣли, однако же, два весьма важныхъ обстоятельства.

Атмосфера земли, какъ мы теперь знаемъ, содержитъ въ себѣ гораздо больше кислорода и гораздо менѣе аргона, чѣмъ атмосфера Марса. Возбуждающее и укрѣпляющее вліяніе кислорода на мышцы марсіанъ могло уравновѣсить неблагоприятное дѣйствіе увеличенія вѣса тѣла. Съ другой стороны, мы забыли, что механическія приспособленія могутъ значительно облегчить работу мышцъ, а марсіане по части механики ушли гораздо дальше насъ, какъ это видно хотя бы изъ ихъ къ намъ визита.

Обо всемъ этомъ я, однако же, совсѣмъ тогда не думалъ и, пробуя успокоить жену, самъ окончательно успокоился, такъ что даже началъ смотрѣть на марсіанъ съ отѣнкомъ презрѣнія.

— Преглупую штуку они выкинули, переселившись на землю,—сказалъ я, потягивая вино. Они, должно быть, не ожидали встрѣтить здѣсь разумныхъ существъ. А теперь съ ума сошли отъ страха, увидавъ, что ошиблись. Спѣшатъ защищаться, когда никто на нихъ не нападаетъ. Если нельзя будетъ съ ними поладить, то одна хорошая бомба, брошенная въ яму, покончитъ всю эту исторію.

Сильное возбужденіе, пережитое днемъ, обострило, должно быть, мои вѣшнія

чувства. Передъ моими глазами и до сихъ поръ рисуются малѣйшія подробности тогдашней обстановки нашей столовой: чистая скатерть, хрусталь, серебро, сътки отъ мухъ на блюдахъ, кроваво-красный цвѣтъ вина въ рюмкѣ, милое лицо моей жены, смотрящее на меня изъ-за абажура лампы, и самъ я, съ сигарой въ рукахъ, грызущій орѣхи, сожалѣющій объ излишней горячности несчастнаго Ожилъви и самодовольно обличающій безтолковую непредусмотрительность марсіанъ.

VIII. Ночь съ пятницы на субботу.

ИЗЪ всѣхъ странныхъ фактовъ, долженствовавшихъ случиться въ теченіе этихъ дней, наиболѣе страннымъ мнѣ кажется ничѣмъ не объяснимое спокойствіе, съ которымъ большинство встрѣтило вѣсть о появленіи марсіанъ на землѣ. Эту ночь, съ пятницы на субботу, всѣ провели такъ, какъ будто ничего необыкновеннаго не случилось. О марсіанахъ говорили, но, за исключеніемъ немногихъ очевидцевъ, въ родѣ меня, да развѣ еще родственниковъ Стента и другихъ лицъ, погибшихъ отъ теплового луча, никто ими особенно не интересовался. Объявленіе войны Германіей произвело бы на насъ гораздо большее впечатлѣніе.

Утренняя телеграмма бѣднаго Хендерсона, извѣщающая объ отвинчиваніи крышки цилиндра, принята была за простую газетную утку, и даже вечернее изданіе его собственного журнала, справившись у него, какъ идутъ дѣла, и не получивъ отвѣта, потому что Хендерсонъ былъ уже убитъ, промолчало о марсіанахъ.

Обычная рутина нигдѣ не была нарушена. Люди ѣли, пили, спали, работали, какъ и всегда, совсѣмъ не заботясь ни о Марсѣ, ни о ея населеніи. Лишь изрѣдка какой-нибудь очевидецъ производилъ своимъ рассказомъ сенсацию, да и то не надолго. Такъ было даже въ мѣстахъ, ближайшихъ къ ямѣ—въ Чобхемѣ и Уокингѣ.

Такъ солидный поугай на островѣ Св. Маврікія, сидя въ своемъ гнѣздѣ, самодовольно смѣялся, можетъ быть, надъ глупостью людей, прибывшихъ въ его владѣнія, чтобы добыть себѣ животную пищу.

„Да мы ихъ завтра заключаемъ до смерти, моя милая“, говорилъ онъ, вѣроятно, своей подругѣ,

Не зналъ я тогда, что провожу послѣдній вечеръ въ цивилизованной обстановкѣ и что много, много придется мнѣ пережить ужасныхъ дней.

На Уокингской станціи поѣзда стояли, приходили и уходили, какъ всегда. Въ обычной дорожной суматохѣ изрѣдка слышались возгласы газетчиковъ, заявляющихъ о „людяхъ съ Марса“. Въ девять часовъ вечера на станціи появились очевидцы, прибѣжавшіе изъ Оттершоу, но рассказы ихъ почему-то никого особенно не встревожили. Пассажиры поѣздовъ, направляющихся къ Лондону, выглядывали изъ оконъ, но не могли видѣть ничего, кромѣ небольшого зарева въ сторонѣ Хорзеля, рѣдкихъ искръ, да легкаго дыма, заволакивавашаго свѣтъ звѣздъ.

Около самаго мѣста дѣйствія, впрочемъ, всѣ дома были освѣщены, никто не спалъ, а на Чобхэмскомъ и Хорзельскомъ мѣстахъ всю ночь стояла небольшая толпа, наблюдая за ямой, изъ которой слышались удары молота. Два-три смѣльчака, какъ это впоследствии оказалось, попробовали проползти къ самой ямѣ, но они назадъ не вернулись. Марсіане, очевидно, тоже не спали и отъ времени до времени осматривали ближайшія окрестности ямы при помощи зеркала на желѣзномъ шестѣ и свѣтового луча, похожаго на электрической, употребляемый у насъ на судахъ. Ничего, кромѣ труповъ убитыхъ ими людей, пролежавшихъ вокругъ ямы всю ночь и весь слѣдующій день, они, однако же, видѣть не могли.

Да и некогда имъ было заниматься этимъ: всю ночь они что-то ковали въ своей ямѣ, приготавлиая, по всей вѣроятности, какія-то нужныя имъ машины.

По временамъ изъ ямы опять показывался зеленоватый дымъ, ярко освѣщенный снизу, и слышалось странное шипѣніе.

Въ одиннадцатъ часовъ черезъ Хорзель прошла рота солдатъ и выставила цѣпь по южному краю пустыря, занятого песочными ямами. Нѣсколько позднѣе другая рота прошла черезъ Чобхэмъ и оцѣпила сѣверный край того же пустыря. Многіе офицеры изъ Инкерманскихъ казармъ еще раньше побывали на мѣстѣ дѣйствія, и одинъ изъ нихъ—майоръ Иденъ—даже про-

палъ безъ вѣсти. Ночью командиръ полка обходилъ толпу и собиралъ о немъ свѣдѣнія. Военныя власти вообще, должно быть, хорошо сознавали опасность положенія, такъ какъ къ утру, по газетнымъ свѣдѣніямъ, изъ Альдершотскаго лагеря были высланы на мѣсто дѣйствія двѣ пушки, эскадронъ гусаръ и баталіонъ Кардиганскаго полка.

Такъ прошла эта первая ночь пребыванія марсіанъ на землѣ. Въ кожу нашей старой планеты вонзилась отравленная стрѣла, пущенная изъ другого міра. Но ядъ еще не успѣлъ вососаться, лихорадочное состояніе не началось, и воспалительныя явленія были замѣтны самой только около раны...

А черезъ нѣсколько секундъ послѣ того, какъ на колокольнѣ Чобхэмской церкви ударила полночь, толпа и войска, окружавшія яму, ясно видѣли, какъ на сѣверо-востокъ отъ Оттершоу въ сосновые лѣса упалъ новый метеоръ, полетъ котораго обозначился на черномъ небѣ полосой зеленоватаго свѣта.

Это былъ второй цилиндръ—вторая стрѣла съ Марса...

IX. Борьба начинается.

СУББОТА, сколько я помню, прошла в нерешимости. День был знойный, душный, томительный; давление атмосферы, говорят, безпрестанно колебалось.

Этой ночью я мало спал и рано проснулся, хотя жена спала даже больше обыкновенного и совершенно спокойно. Выйдя в сад, передь завтракомъ, я сталъ прислушиваться, но услыхалъ только шше жаворонковъ.

Разносчикъ молока явился въ обыкновенное время. Я еще издали услыхалъ стукъ его телѣжки и вышелъ къ воротамъ, чтобы узнать новости. Онъ сообщилъ мнѣ, что ночью яма была окружена войсками; привезли даже пушки.

Это меня нѣсколько успокоило. Затѣмъ послышался привычный шумъ поѣзда, идущаго изъ Уокинга, что тоже подѣйствовало на меня успокоительно.

По временамъ изъ ямы показывался дымъ...

— Убивать ихъ не приказано, — сказалъ разносчикъ, — если только можно будетъ обойтись безъ этого.

Сосѣдь мой по дачѣ работалъ въ саду и, раскланявшись со мною, протянулъ черезъ рѣшетку тарелочку клубники, которая у него разрослась на диво; вообще, онъ былъ страстный садовникъ и очень радушный человѣкъ.

По его мнѣнію, бояться намъ было нечего, такъ какъ войска могутъ въ тотъ же день покончить съ марсіанами.

— А жаль, что они такіе необщительные, — замѣтилъ онъ, — интересно бы было узнать отъ нихъ, какъ живутъ на другихъ планетахъ, да и научиться бы можно было многому.

Потомъ онъ сообщилъ мнѣ о лѣсномъ пожарѣ около Байфлита.

— Говорятъ, — прибавилъ онъ, — что тамъ упала еще такая же штука съ неба. Второй нумеръ! Кажется, и одного было бы съ насъ довольно. Затрещать теперь страховыя общества, ха, ха, ха, ха!

Затѣмъ, добродушно смѣясь, онъ показалъ мнѣ на дымъ, столбомъ стоявшій на сѣверо-западѣ.

— Туда теперь и не пройдешь, — добавилъ онъ, — вся земля горитъ, вѣроятно, такъ какъ покрыта толстымъ слоемъ хвои. Да и почва-то, кажется, торфяная.

Поговоривъ еще немножко о бѣдномъ Ожилъви и пожалѣвъ о его судьбѣ, я отправился завтракать.

Послѣ завтрака, вмѣсто того чтобы сѣсть за работу, я рѣшился пройти въ Оттершоу. Подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ стояли солдаты — должно быть, саперы — въ маленькихъ круглыхъ шапочкахъ, разстегнутыхъ и грязныхъ красныхъ мундирахъ, голубыхъ рубаш-

кахъ, черныхъ брюкахъ и большихъ сапогахъ. Они сказали мнѣ, что черезъ мостъ никого не пускаютъ, и дѣйствительно, при входѣ на него стоялъ часовой отъ Кардиганскаго полка. Я потолковалъ съ солдатами нѣсколько времени, рассказалъ имъ все, что зналъ о марсіанахъ. Разсказъ этотъ возбудилъ всеобщее любопытство, такъ какъ никто еще изъ нихъ марсіанъ не видалъ. Они, съ своей стороны ничего не могли мнѣ сообщить новаго, даже не знали, кто приказалъ двинуть войска, но довольно остроумно обсуждали подробности будущей схватки съ марсіанами. Саперы, вѣдь, болѣе образованы, чѣмъ простые пѣхотные солдаты. Когда я имъ описалъ дѣйствіе тепловаго луча, то это ихъ очень озадачило.

— По-моему, — сказалъ одинъ молодой саперъ, — проползти поближе къ нимъ, прикрываясь фашинникомъ, да и ударить въ штыки.

— Попалъ пальцемъ въ небо! — воскликнулъ другой. Развѣ фашинникъ защититъ отъ такого жара? Самому себѣ костеръ тащить! Мнѣ кажется просто надо вести траншею до самой ямы.

— Чортъ бы взялъ твои траншеи! Только бы тебѣ копать подъ землей. Должно быть, ты изъ кротовой породы, Сниппи.

— Да что у нихъ, стало быть, и шеи нѣтъ? — спросилъ меня маленькій, черненькій, но очень, должно быть, разсудительный солдатикъ, курившій трубку.

Я повторилъ описание наружности марсіанъ.

— Восьминоги, значитъ, и больше ничего! У насъ, на берегу, такъ ихъ называютъ. То люди были рыбаками, а теперь рыбы записались въ солдаты, ха, ха, ха, ха!

— Не грѣхъ и убивать такихъ звѣрей,—замѣтилъ первый солдатъ.

— Подвести бы мину, да и взорвать ихъ, поганныхъ. И дѣло съ концомъ!—сказалъ черненькій. Кто ихъ знаетъ, что они еще могутъ надѣлать!

— Да когда жетуть вести подкопъ?—возразилъ первый. Штурмъ, по-моему, самое лучшее средство. Только бы поскорѣй!

Поговоривъ съ солдатами, я пошелъ на станцію, чтобы купить побольше газетъ.

Не стану, однако же, утомлять читателей подробнымъ описаніемъ этого скучнаго дня. Пробраться на мѣсто дѣйствія я не могъ, такъ какъ даже Хорзелль и Чобхэмъ были заняты войсками. Солдаты ничего не знали, а офицеры, къ которымъ я обращался, были слишкомъ заняты, да и не хотѣли ничего говорить. Публика во всѣхъ окрестностяхъ, при видѣ войскъ, совершенно успокоилась, хотя изъ окраинъ Хорзелля жители были удалены, а пустыя дома заперты. Еще утромъ я узналъ, что сынъ Маршала, нашего табачнаго торговца, сгорѣлъ вчера около ямы.

Возвращаясь домой, часамъ къ двумъ, я страшно усталъ, такъ какъ день былъ знойный и безвѣтренный. Послѣ холодной ванны, въ четыре часа, я вновь пошелъ на станцію, за вечерними газетами, такъ какъ въ утреннихъ нашелъ только невѣрное описа-

ніе гибели Ожилъви, Хендерсона, Стента и другихъ. Вообще, новаго ничего не было. Марсіане не показывались. Они, должно быть, усердно работали въ своей ямѣ, такъ какъ оттуда постоянно шелъ дымъ и слышались удары молота. Съ нашей стороны опять были сдѣланы попытки войти съ ними въ сношенія. По словамъ саперъ, какой-то господинъ съ флагомъ на длинной палкѣ пробовалъ приблизиться къ ихъ гнѣзду, но они обратили на него столько же вниманія, сколько мы на какую-нибудь лягушку.

Я долженъ признаться, что военныя приготовленія разбудили во мнѣ мальчишескія мечты о героизмѣ и всевозможныхъ опасныхъ приключеніяхъ. Я строилъ самыя хитрыя планы для борьбы съ марсіанами, причемъ самъ, конечно, игралъ главную роль въ ихъ выполненіи.

Часа въ три послышалась канонада со стороны Чертси и Аддльстона: оказалось, что войска бомбардируютъ основной лѣсъ, въ которомъ находился второй цилиндръ, въ надеждѣ разбить его еще до открытія.

Въ пять часовъ около Чобхэма, стали дѣлать приготовленія къ бомбардировкѣ первой ямы.

Около шести часовъ, когда я сидѣлъ съ женой за чаемъ, горячо обсуждая положеніе, канонада послышалась и со стороны Оттершоу, а почти тотчасъ же, велѣдъ за первыми выстрѣлами изъ пушекъ, около самаго нашего дома раздался такой страшный грохотъ, что земля задрожала. Я, конечно, тотчасъ же выскочилъ изъ

лицу и увидалъ, что деревья около Восточной коллегіи всё объаты пламенемъ, колокольня рядомъ стоящей церкви рухнула, а крыша самой коллегіи разрушена какъ бы снарядами изъ крѣпостныхъ орудій. Даже одна изъ трубъ нашего дома была разрушена, и обломки ея лежали кучей на цвѣтникѣ, подъ окномъ моего кабинета.

Оба мы, съ женой, разумѣется, страшно перепугались. Обсудивъ положеніе, я нашель, что домъ нашъ теперь, по разрушеніи Восточной коллегіи, долженъ находиться въ районѣ дѣйствія теплового луча марсіанъ. Оставаться въ немъ, стало быть, не приходилось.

Я тотчасъ же вывелъ жену на улицу, послалъ къ ней служанку, а самъ отправился въ верхній этажъ, въ спальню, за шкатулкой съ деньгами и документами и за самыми необходимыми вещами.

— Оставаться здѣсь невозможно,— сказалъ я, и какъ разъ въ эту минуту канонада въ Оттершоу возобновилась.

— Но куда же намъ дѣваться?— спросила жена, перепуганная чуть не до потери сознанія.

Этотъ вопросъ засталъ меня врасплохъ. Куда, въ самомъ дѣлѣ, намъ дѣваться? Скоро я вспомнилъ, однако же, о родственникахъ жены въ Лидерхэдѣ.

— Въ Лидерхэдѣ!—воскликнулъ я, стараясь перекричать невообразимый шумъ, раздававшійся вокругъ меня.

— Но какъ же добраться до Лидерхэда?—спросила жена, смотря внизъ, по склону улицы, которая была теперь полна народа, высыпавшаго, въ испугѣ, изъ домовъ. Въ концѣ ея, къ желѣзнодорожному мосту проходилъ эскадронъ гусаръ. Двое изъ нихъ проѣхали черезъ открытыя ворота коллегіи, а трое другихъ начинали, почему-то, заѣзжать во всё дома улицы. Солнце, ставши совершенно краснымъ отъ густого дыма, который поднимался отъ горящихъ деревьевъ, освѣщало всю сцену какимъ-то, непривычнымъ для глаза, красноватымъ свѣтомъ.

— Пойдите тутъ. Здѣсь совершенно безопасно,—сказалъ я своимъ, а самъ отправился къ единственной въ нашемъ сосѣдствѣ тавернѣ, подъ вывѣской „Пестрой Собаки“, такъ какъ зналъ, что у хозяина ея есть лошадь и экипажъ. Приходилось спѣшить въ виду возможности общаго бѣгства, при которомъ насъ могли бы смѣять.

Хозяинъ таверны оказался за своимъ прилавкомъ, точно будто ничего необыкновеннаго не случилось. Онъ разговаривалъ съ какимъ-то человѣкомъ, который стоялъ задомъ къ двери.

— Меньше фунта стерлинговъ взять не могу,—сказалъ хозяинъ,—да и то править будетъ некому.

— Я вамъ дамъ два,—сказалъ я, подходя поближе.

— За что?

— И къ двѣнадцати часамъ ночи приведу лошадей назадъ,—докончилъ я.

— Ахъ, Боже мой! Да чего вы такъ спѣшите?—сказалъ хозяинъ. Два фунта, сами будете править и къ ночи приведете лошадь домой! Развѣ случилось что-нибудь особенное?

Я наскоро объяснилъ ему, что перѣзжаю съ квартиры и, нанявъ окончательную лошадь, тотчасъ же вывелъ ее на улицу, поручилъ женѣ и служанкѣ, а самъ пошелъ въ домъ забрать все необходимое. Буковые деревья въ нашемъ саду горѣли уже въ это время, а рѣшетка раскалилась докрасна. Пока я возился съ вещами,

къ воротамъ подѣхаль гусарь, заявляя, что всѣмъ жителямъ приказано выбираться изъ домовъ.

— Что новаго?—спросилъ я его.

— Выползаютъ изъ ямы въ какихъ-то корзинахъ,—пробормоталь онъ, отѣзжая къ воротамъ противоположнаго дома, причемъ тотчасъ же исчезъ въ дыму, которымъ заволокло улицу.

Затѣмъ, я забѣжалъ на минуту къ сосѣду, чтобы проститься, и, узнавъ, что онъ съ утра уже уѣхаль съ женою въ Лондонъ, взялъ сундукъ нашей служанки, о чемъ она очень хлопотала, взвалилъ его на задокъ экипажа,—остальныя вещи были уложены,—вскочилъ на козлы и погналъ лошадей. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже выѣхали изъ мѣста, охваченнаго пожаромъ, и спокойно спускались съ Мейбери-Хилля къ Ольдъ-Уокингу.

Передъ нами разстлался залитый солнцемъ ландшафтъ—пшеничныя поля по обѣимъ сторонамъ дороги и Мей-

берійская гостиница съ ея качающеюся вывѣскою. Впереди, на дорогѣ, я замѣтилъ экипажъ доктора. Съѣхавъ съ горы, я оглянулся назадъ; почти весь горизонтъ, до Байфлитскихъ лѣсовъ на востокъ и до Уокинга на западъ, былъ въ дыму, среди котораго мѣстами прорывалось пламя. Дорога была покрыта идущими и ѣдущими, но, несмотря на шумъ, производимый толпою, издали слышалось рокотанье картечницъ и отдѣльныя пушечныя выстрѣлы. Война идетъ, должно быть, не на шутку.

Не будучи опытнымъ кучеромъ, я не могъ надолго отвлекаться отъ припятой на себя обязанности править лошадей и, убѣдившись, что пожаръ постоянно разрастается, обратилъ все свое вниманіе на дорогу, чтобы поскорѣе удалиться отъ опасныхъ мѣстъ. При помощи бича, я скоро проѣхаль и Уокингъ, и Сендъ, оставивъ доктора далеко за собою.

Х. Г р о з а.

ЛИДЕРХЭДЪ находится въ двѣнадцати миляхъ отъ Мейбери-Хилля. Проѣзжая черезъ Ширфордскіе луга, мы наслаждались запахомъ свѣже-скошеннаго сѣна и обиліемъ разнообразныхъ цвѣтовъ, разсѣянныхъ среди густой, высокой и сочной травы. Канонада вдали замолкла, ни дыма, ни пламени не было видно, и вечеръ оказался однимъ изъ прелестнѣйшихъ, хотя все же въ воздухѣ было жарко и душно. Часамъ къ девяти вечера мы благополучно добрались до Лидерхэда, гдѣ я даль лошади вздохнуть часика полтора, а самъ пока поужиналъ у нашихъ родственникововъ.

Во время переѣзда жена моя почти все время молчала, какъ бы предчувствуя впереди большое горе. Я старался ее успокоить, говоря, что марсіане слишкомъ неповоротливы для того, чтобы далеко отходить отъ ямы; много-много, если они будутъ выползати иногда изъ нея на недалекое разстояніе.

На жену, однако жъ, эти увѣренія мало дѣйствовали; она и за ужиномъ сидѣла какъ убитая. Если бы не мое обѣщаніе возвратить лошадь трактирщику, то она, конечно, уговорила бы меня остаться въ Лидерхэдѣ на ночь. И какъ бы это было хорошо!

Но я, съ своей стороны, цѣлый день былъ лихорадочно возбужденъ. Меня охватилъ какой-то воинственный азартъ, который, по временамъ, является и у цивилизованныхъ людей, а потому я даже былъ радъ вернуться опять въ Мейбери, для того, чтобы испытать сильныя ощущенія. Я даже гореваль о томъ, что канонада прекратилась и что съ марсіанами, можетъ быть, совсѣмъ уже покончили. Мнѣ бы хотѣлось самому съ ними подраться.

Около одиннадцати часовъ я собрался въ обратный путь. Ночь была страшно темная и столь же душная, какъ день. Густыя облака сплошь закрывали небо; ни малѣйшаго вѣтра; деревья

и кусты стояли как очарованные. Выйдя из ярко освещенной комнаты, в первую минуту я не мог разглядеть ни лошадей, ни экипажа и только через несколько минут успел немножко привыкнуть к окружающей темноте. Тем временем слуга зажег экипажные фонари, а мы с женой разговаривали, стоя на крыльце. В последний раз я увидел ее фигуру на фоне отворенной двери, когда садился на козлы...

Увзжал я в очень угнетенном настроении, главным образом под влиянием слез и предчувствий жены, но потом ободрился понемногу—дорогу я знал отлично—и стал думать о марсианах. В это время я не знал еще не только, чем сражение кончилось, но даже и как оно началось. Возвращаясь через Окгэм (я поехал этой дорогой, а не через Ольд-Уокинг), я видел на западе красное зарево, которое, по мѣрѣ моего при-

ближения, как бы поднималось от горизонта к зениту. Неподвижная, тяжелая облака сѣшивались в этом мѣстѣ с густым, черным дымомъ.

Ришли-Стритъ была совсемъ пуста, и весь поселокъ точно будто вымеръ; только в нѣкоторыхъ окнахъ свѣтились огоньки. На Пирфордскомъ поворотѣ я чуть было не наѣхалъ на толпу молчаливо стоявшихъ людей, которые тоже не замѣтили моего приближения, такъ какъ все смотрѣли по направлению къ Мейбери-Хиллю.

Спустившись въ долину Уэя, я потерялъ зарево изъ вида, а по мѣрѣ того, какъ сталъ подниматься къ Пирфордской церкви, оно вновь выросло передо мною. Въ то же время деревья, разсаженные по дорогѣ, зашумѣли подъ первымъ порывомъ приближающейся бури. На церковныхъ часахъ пробила полночь. Съ вершины холма я увидѣлъ Мейбери-Хилль, крыши котораго выступали на фонѣ зарева. Вдругъ тучи какъ бы прорѣзались ярко-зеленой молніей, упавшей влѣво отъ меня, въ сторонѣ Аддлѣстона... Я невольно похолодѣлъ: это былъ третій цилиндръ, упавшій съ Марса...

Почти тотчасъ же блеснула и настоящая молнія, которая, вслѣдствіе контраста, показалась мнѣ фіолетовою. За молніей послѣдовалъ такой страш-

ный ударъ грома, что лошадь моя, испугавшись, закусилa удила и помчалась по склону холма, внизъ, къ подношью Мейбери-Хилля.

Сначала я заботился только о томъ, чтобы не вывалиться, и потому смотрѣлъ исключительно на лошадь и дорогу, освѣщаемую почти безпрестаннымъ блескомъ молніи, въ промежуткахъ между которою темнота становилась какъ бы еще непрогляднѣе. Громъ грохоталъ непрерывно, и потому лошадь, къ концу спуска съ холма, успѣла уже достаточно къ нему привыкнуть, такъ что, несмотря на мелкій градъ, сыпавшійся на насъ въ изобиліи, пошла обыкновеннымъ аллюромъ, давая мнѣ возможность осмотрѣться вокругъ.

При первомъ же взглядѣ на склонъ Мейбери-Хилля вниманіе мое было привлечено какимъ-то предметомъ, быстро съ него спускавшимся. Сначала я принималъ было этотъ предметъ за мокрую крышу дома, но потомъ, при слѣдующихъ проблескахъ молніи, замѣтилъ, что онъ движется. Признаюсь, жутко мнѣ стало. Представьте себѣ: моментъ полной, непроглядной тьмы, а затѣмъ при блескѣ молніи все окрестности освѣщаются какъ днемъ, и я вижу дома на вершинѣ Мейбери-Хилля, громадное зданіе пріюта, ряды сосенъ и этотъ движущійся, странный предметъ...

Да, я его видѣлъ, но не знаю, смогу ли описать какъ слѣдуетъ. Вообразите себѣ табуретъ, стоящій на трехъ блестящихъ, суставчатыхъ, металлическихъ ножкахъ, высотой въ многоэтажный домъ и двигающійся, перебирая этими ногами, какъ какой-нибудь трехногій паукъ. Только-что видѣли вы его вдали отклоненнымъ слегка назадъ, какъ при блескѣ слѣдующей молніи, видите уже ярдовъ на сто ближе, наклоненнымъ впередъ и съ двумя ножками, поднятыми на воздухъ для слѣдующаго шага. Вся машина—это, несомнѣнно, была машина—шагала черезъ лѣсъ, нѣсколько лѣвъѣе дороги, раздвигая молодыя сосны, какъ какою-нибудь траву.

Только-что я успѣлъ сознать эти свои впечатлѣнія, какъ прямо передо мною сучья деревьевъ раздвинулись и появился другой такой же треножникъ, идущій мнѣ навстрѣчу. Это уже было слишкомъ! Нервы мои не выдержали, я круто повернулъ вправо, причемъ оглобли сломались, лошадь упала, а экипажъ опрокинулся въ канаву, колесами вверхъ, самъ же я, отлетѣвъ на нѣсколько ярдовъ въ сторону, очутился лежащимъ въ лужѣ, откуда, впрочемъ, тотчасъ же выползъ и спрятался за кустомъ.

Лошадь лежала неподвижно (она, несчастная, сломала себѣ шею), а одно изъ колесъ опрокинутаго экипажа продолжало еще медленно вращаться, по инерціи. Минуту спустя колоссальный треножникъ, звеня какими-то металлическими пѣлями, быстро прошелъ мимо меня, направляясь къ Пирфорду.

Вблизи эта чудовищная машина производила подавляющее впечатлѣніе, потому что, будучи, несомнѣнно, машиной, казалась одухотворенною: ножки ея двигались какъ ноги живого существа, какія-то металлическія щупальцы—какъ руки (одна изъ нихъ вырвала съ корнемъ молоденькую сосну), а мѣдная блестящая голова, сидѣвшая на треножникѣ, повертывалась во все стороны, очевидно, что-то высматривая и руководя движениемъ. Сзади треножника и немного ниже его головы находилась большая корзина изъ бѣлыхъ металлическихъ прутьевъ, изъ которой, равно какъ изъ всехъ сочлененій машины, періодически выскакивали клубы зеленоватаго дыма.

Вотъ все, что я успѣлъ замѣтить въ теченіе какой-нибудь секунды, когда чудовище мелькнуло мимо меня, при ослѣпительномъ блескѣ молніи, на темномъ фонѣ тучи.

Черезъ минуту оно испустило оглушительный ревъ: „эллу, эллу!“, слившійся съ раскатами грома; а еще немного спустя я увидалъ, что оба чудовища сошлись въ долину, въ полумилѣ отъ меня, повидимому, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ только-что упалъ съ Марса третій цилиндръ...

Не помню, сколько времени пролежалъ я близь лужи, наблюдая издали марсианъ (я не сомнѣвался, что это были они). Дождь и градъ, усиливаясь по временамъ, дѣлали ихъ очертанія смутными, а промежутки между молніей и совѣтмъ скрывали ихъ отъ моихъ глазъ. Я озябъ и промокъ до костей, но не скоро могъ настолько прійти въ себя отъ ужаса и удивленія, чтобы выбраться на сухое мѣсто и подумать объ опасности, мнѣ угрожающей.

Опомнившись, я увидалъ неподалеку, на картофельномъ полѣ, небольшую сторожку. Кое-какъ, ползя и прячась за кустами, добрался я до этой сторожки и сталъ осторожно стучать въ дверь. Никто, однако же, не откликнулся, хотя, можетъ быть, и откликнуться было некому. Убѣдившись въ этомъ, я побрелъ по лѣсу въ Мейбери, къ своему дому.

Если бы я вполне ясно сознавалъ значеніе всего совершившагося, то мнѣ слѣдовало бы, пожалуй, тотчасъ же отправиться назадъ, въ Лидерхэдъ, къ женѣ. Но, надо признаться, едва ли бы я туда, дошелъ, потому что чувствовалъ себя разбитымъ физически и нравственно. Поэтому-то, можетъ быть, инстинктивно, полубезсознательно, я и пошелъ въ Мейбери, намѣреваясь хоть отдохнуть въ пустомъ домѣ.

Предпріятіе это оказалось однако же, далеко не легкимъ. Въ лѣсу, подъ деревьями, царила непроглядная тьма, едва разсѣиваемая даже яркими вспышками молній, которые блестя теперь гораздо рѣже. Ощущеніе отыскивая дорогу, я по минутно падалъ, ушибъ себя колѣно и лишь съ большимъ трудомъ, весь въ грязи, выбрался въ тотъ переулокъ, который ведетъ на вершину Мейбери-Хилля, къ гостиницѣ.

Только-что я успѣлъ почувствовать подъ своими догами мостовую, какъ на меня, въ темнотѣ, наткнулся какой-то человѣкъ, бѣжавшій сверху. Я упалъ, а онъ съ крикомъ ужаса отскочилъ куда-то въ сторону и исчезъ, прежде чѣмъ я успѣлъ спросить его о чемъ-нибудь.

Наверху холма вѣтеръ былъ такъ силенъ, что я едва могъ бороться съ нимъ и пробирался около лѣваго забора, держась за столбы и выступы. На самомъ поворотѣ изъ переулка въ улицу я наткнулся на что-то мягкое, лежавшее подъ моими ногами. При свѣтѣ молніи можно было только разглядѣть, что это—человѣкъ, довольно прилично одѣтый и лежащій ничкомъ. Преодолевъ свое отвращеніе къ мертвецамъ, я повернулъ его, въ темнотѣ, лицомъ кверху и пощупалъ сердце,— оно уже не билось. Слѣдующая молнія, которой пришлось, однако, довольно долго ждать, осветила его лицо, и я не могъ не отскочить въ ужасъ, потому что узналъ хозяина „Пестрой Собаки“,—того самаго, у котораго я взялъ лошадь.

Перешагнувъ черезъ него и выйдя на улицу, я пошелъ мимо полицейскаго поста, къ своему дому. Пожаръ на Мейбери-Хиллѣ совершенно прекратился, но со стороны Отгершоу все-таки было видно красное зарево.

Сколько можно было судить, при блестящихъ молніяхъ, большинство домовъ по улицѣ стояли невредимыми, но на мостовой, мѣстами, лежали какія-то темныя кучи, къ которымъ я боялся подойти. Нигдѣ ни души, конечно; все—пусто. Дойдя до своего дома, я отперъ его своимъ ключемъ, вошелъ, заложилъ дверь засовомъ и едва имѣлъ силы добраться до лѣстницы, на первую ступеньку которой и повалился, въ полномъ изнеможеніи.

ХІ. У о к н а.

ПРОСИДѢВЪ такъ съ полчаса, причемъ около меня на коврѣ образовались цѣлыя лужи, я почувствовалъ ознобъ, поднялся машинально въ столовую, выпилъ тамъ рюмку виски и сталъ переодѣваться въ сухое платье, которое нашелъ въ шкафу.

Потомъ я зачѣмъ-то пошелъ въ свой кабинетъ, окно котораго выходило на полотно желѣзной дороги, къ сторонѣ Хорзелля и Оттершоу. Уѣзжая, мы оставили это окно открытымъ.

Въ комнатѣ царствовалъ мракъ, по сравненію съ которымъ пейзажъ, рисовавшійся сквозь открытое окно, былъ достаточно хорошо освѣщенъ, и я безсознательно на него засмотрѣлся.

Гроза прошла. Башни и паркъ Восточной коллегіи не существовали болѣе, а потому я могъ ясно видѣть все, что лежало за ними, вплоть до песочныхъ ямъ, около которыхъ, на свѣтломъ фонѣ отдаленнаго пожара, отчетливо рисовались странныя тѣни громадныхъ тренажниковъ, озабоченно расхаживающихъ по полю.

Казалось, вся страна за ямами была въ огнѣ, хотя пламя, отчасти залитое дождемъ и градомъ, прорывалось лишь мѣстами. Густой черный дымъ по временамъ заволакивалъ марсіанъ, такъ что я не могъ хорошенько рассмотреть,

что они дѣлають. Рѣзкій смолистый запахъ этого дыма, не особенно неприятный, доходилъ до меня сквозь открытое окно.

Заперевъ потихоньку дверь, я подошелъ поближе и высунулся наружу. При этомъ я могъ видѣть все окрестности, до станціи Уокингъ—въ одну сторону, и до Байфлитскихъ лѣсовъ—въ другую. Дома около станціи представляли собою дымящіяся развалины, но на полотнѣ, около моста, горѣлъ фонарь. Вправо отъ него лежала какая-то темная масса и затѣмъ цѣлый рядъ желтыхъ, продолговатыхъ предметовъ. Вглядѣвшись попристальнѣе, я увидаль, что это—потерпѣвшій крушеніе поѣздъ. Локомотивъ, тендеръ и передніе вагоны были совершенно разбиты, а задніе стояли еще на рельсахъ.

Между станціей и горящимъ Чобхэмомъ находилось темное пространство, тамъ и сямъ усѣянное тлѣющими и дымящимися строениями. Людей я, сначала, нигдѣ не замѣтилъ, но потомъ, когда глаза мои нѣсколько привыкли къ полусвѣту, увидаль около станціи много темныхъ фигуръ, перебѣгавшихъ съ мѣста на мѣсто, по полотну желѣзной дороги.

Неужели же этотъ хаосъ, думалъ я, образовался въ теченіе какихъ-нибудь

семи часовъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я столько лѣтъ прожилъ въ такой мирной обстановкѣ? И неужели все это надѣлала тѣ безобразные и неуклюжіе мѣшки со щупальцами, которые вчера едва могли выползти изъ своего цилиндра? Я съ трудомъ вѣрилъ, чтобы между этими мѣшками и тѣми гигантскими треножниками, тѣни которыхъ теперь отчетливо рисовались передо мною на фонѣ пожара, могла быть какая-нибудь близкая связь.

Между тѣмъ треножники—я видѣлъ четырехъ—были чѣмъ-то очень заняты, переходили съ мѣста на мѣсто, нагибались, вообще работали безустанно. Что они изъ себя представляютъ?—думалъ я.—Вѣдь не можетъ же быть, чтобы это были интеллигентные механизмы! Скорѣе въ каждой такой машинѣ, въ верхней части, покрытой броней, сидитъ марсіанинъ и управляетъ ея движеніями, въ родѣ того, какъ экипажъ броненоснаго судна невидимо управляетъ движеніями послѣдняго.

Гроза совсѣмъ прошла, небо очистилось отъ тучъ, и какъ разъ передо мною, сквозь дымъ горящихъ зданій, почти надъ горизонтомъ, показалась блестящая точка планеты Марса.

Въ эту минуту, среди почти полной тишины, нарушаемой только какими-то звуками, доносящимися издалека, мнѣ послышался легкій шумъ внизу, подъ моимъ окномъ. Высунувъ осторожно голову, я замѣтилъ человѣка, перелѣзающаго черезъ рѣшетку на дворъ. Это былъ, повидимому, солдатъ. При видѣ челоѣческаго существа остолбенѣніе мое вдругъ исчезло, и я свистнулъ ему потихоньку.

Услышавъ свистъ, онъ сначала остановился на минутку, но потомъ быстро перешелъ черезъ дворъ къ окну.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ шопотомъ, поднявъ голову къверху.

— А вы куда идете?—спросилъ я, въ свою очередь, наклонившись.

— Самъ не знаю!

— Спрятаться хотите?

— Вотъ именно.

— Такъ идите скорѣе сюда!

Я сошелъ внизъ, отперъ дверь и, впустивъ солдата, опять ее заперъ. Лица его разглядѣть не могъ, видѣлъ только, что онъ безъ шапки и разстегнуть на все пуговицы.

— О, Господи Боже мой!—воскликнулъ онъ, входя въ столовую.

— Что случилось?—спросилъ я.

— Да ужъ и не знаю!—проговорилъ онъ съ жестомъ полного отчаянія.— Они всѣхъ насъ стерли съ лица земли... просто стерли... просто стерли,—повторилъ онъ нѣсколько разъ усталымъ голосомъ.

— Выпейте-ка виски, — сказалъ я, наливая ему большую рюмку. Онъ выпилъ, затѣмъ почти повалился на стулъ, около стола, положилъ голову на руки и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Стараясь его утѣшить, я забылъ о своихъ собственныхъ несчастіяхъ.

Долго мой гость не могъ выговорить ни слова, да и послѣ отвѣчалъ на мои вопросы кратко и отрывисто. Онъ былъ, какъ оказалось, артиллеристъ и попалъ въ дѣло около семи часовъ. Въ это время орудія обстрѣливали поле, по которому марсіане, прикрываясь броней, медленно ползли отъ перваго цилиндра ко второму. На треножники они поднялись поздиѣе. Орудіе, при которомъ состоялъ мой гость, было снято съ передка около Хорзелля, на возвышеніи, командующемъ надъ ямою; самъ же онъ, отъѣзжая вмѣстѣ съ передкомъ, упалъ съ лошади въ небольшую канаву. Въ то же время, по его разсказу, пушка разорвало, и все кругомъ загорѣлось. Самъ онъ спасся только потому, что лежалъ въ канавѣ, а сверху былъ прикрытъ лошадью, которая, при паденіи, порядочно помяла ему бокъ.

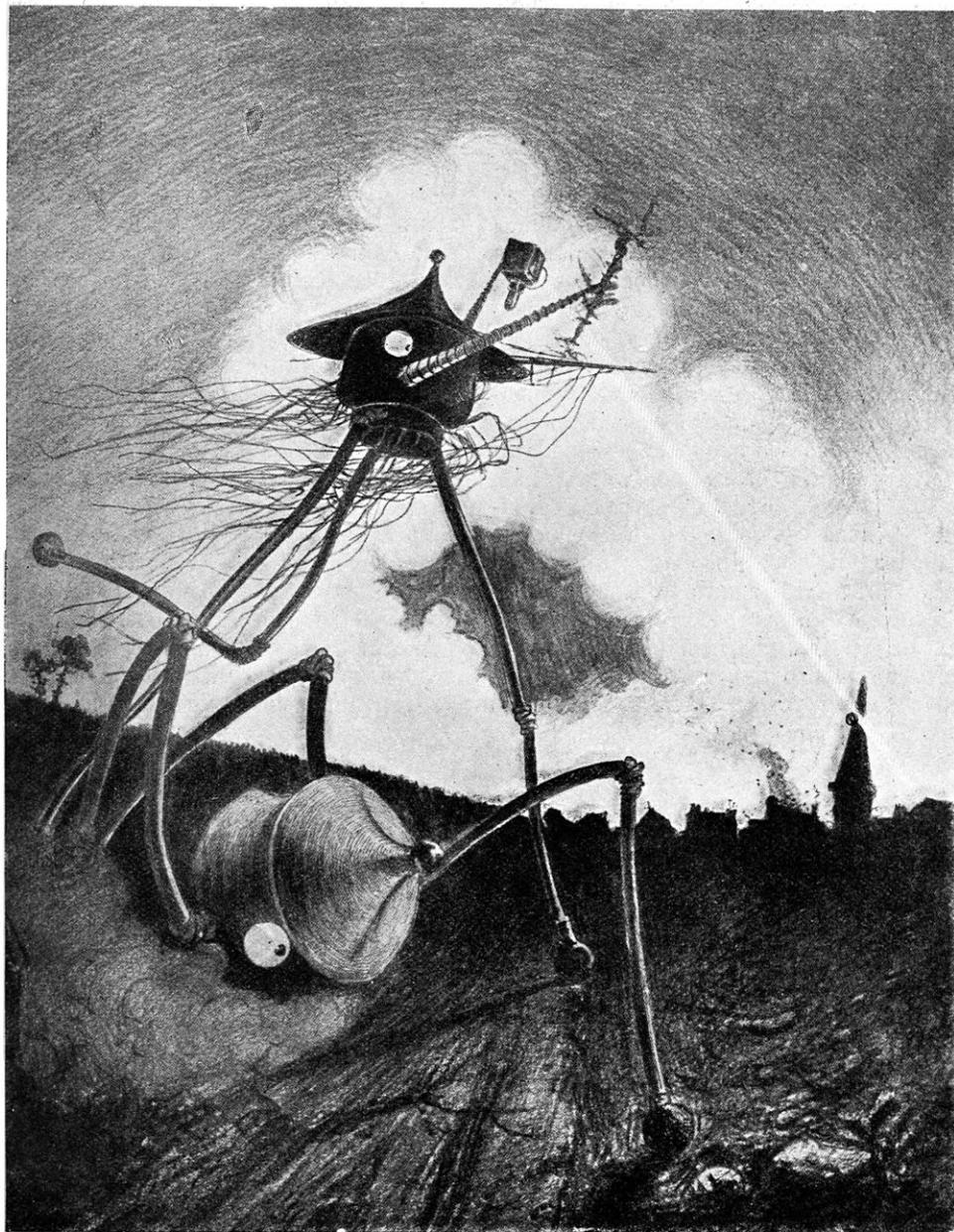
— Я не могъ подняться, — сказалъ онъ, — и страшно былъ испуганъ. Да, они насъ смахнули, какъ соръ! А ужъ запахъ! Господи Боже, точно жареная говядина! Все вѣдь сгорѣло—и лафеты, и лошади, и люди. Лошадь меня придавила. Выѣхали совсѣмъ какъ на парадъ, и вдругъ... Смахнули, какъ соръ!

Онъ долго прятался подъ лошадью, поглядывая украдкой на то, что дѣла-

лось вокруг. Кардиганскій полкъ по-пробовалъ идти на приступъ, но весь былъ мгновенно сожженъ. Потомъ одно изъ чудовищъ поднялось на треножникъ и стало ходить по полю, неся въ своей металлической рукѣ небольшой ящикъ, изъ котораго мелькалъ слабый, зелено-

ватый свѣтъ (генераторъ теплового луча, должно быть), и вращая головою совершенно такъ же, какъ человѣкъ въ металлическомъ шлемѣ.

Въ нѣсколько минутъ ни одного живого существа не осталось на полѣ, а деревья и кусты горѣли. Гусары стояли за хол-

Другой марсіанинъ сталъ на треножникъ и поспѣдовалъ за товарищемъ.

момъ, и мой артиллеристъ ихъ не видалъ. Одно время картечницы загрохотали откуда-то, но потомъ и онѣ замолкли. Желѣзнодорожная станція и группа домовъ Уокинга долго оставались нетронутыми; чудовище навело на нихъ свой лучъ лишь подъ конецъ, какъ бы для того, чтобы довершить дѣло истребленія, а затѣмъ закрыло ящикъ и отправилось въ лѣсъ ко второму цилиндру. Въ это же время другой марсіанинъ вышелъ изъ ямы, сталъ на треножникъ и послѣдовалъ за своимъ товарищемъ.

Тогда артиллеристъ поползъ, по канавѣ, къ Хорзеллю, но тамъ все было разрушено, дома горѣли, оставшіеся въ живыхъ люди сошли, повидимому, съ ума. Артиллеристъ поползъ назадъ, но, увидавъ новый треножникъ около ямы, спрятался за какой-то тлѣющей развалиной. Изъ своего убѣжища онъ имѣлъ возможность наблюдать, какъ марсіанинъ поймалъ человѣка и разбилъ ему голову о какой-то пень или камень. Наконецъ, когда стало совсѣмъ темно, артиллеристъ успѣлъ добраться до станціи, откуда пошелъ въ Мейбери, по направленію къ Лондону. По дорогѣ онъ встрѣтилъ много бѣглецовъ, прятавшихся въ погребахъ и канавахъ. Давно страдая жаждою, онъ могъ утолить ее только изъ перерванной водопроводной трубы, у желѣзнодорожнаго моста, изъ которой вода била, какъ изъ фонтана.

Вотъ все, что я узналъ отъ моего гостя послѣ продолжительныхъ разспросовъ. Передавая свои впечатлѣнія, онъ понемногу успокаивался и, наконецъ, сообщилъ, что хо-

четъ ѣсть. Къ счастью, въ нашемъ буфетѣ сохранился хлѣбъ и холодная баранина, при видѣ которыхъ я тоже почувствовалъ голодъ. Не зажигая лампы, чтобы не привлечь вниманія марсіанъ, мы поужинали. За это время стало уже разсвѣтать. Всѣ предметы понемногу какъ бы выступали изъ мрака. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ блѣдное измученное лицо моего гостя. Надо думать, что и мое было не лучше.

Покончивъ съ бараниной, мы вновь поднялись въ кабинетъ и стали смотрѣть въ окно. Все видимое пространство было покрыто развалинами. Пожаръ потухъ, но во многихъ мѣстахъ еще дымилось. При свѣтѣ зари, картина всеобщаго разрушенія казалась еще ужаснѣе и безотраднѣе. Тамъ и сямъ, однако же, нѣкоторые предметы избѣжали этого разрушенія: желѣзнодорожный семафоръ, наприимѣръ, и маленькій зеленый домикъ въ лощинѣ, казавшійся такимъ свѣжимъ и чистенькимъ между обгорѣлыми развалинами.

Я думаю, что во всей исторіи войнъ человѣческихъ нельзя найти эпизода, при которомъ разрушеніе доходило бы до такой степени. А на фонѣ этого разрушенія, передъ нашими глазами, прогуливались три металлическихъ гиганта—его виновники, медленно поворачивая свои бронированныя головы и какъ бы любуясь своимъ дѣломъ.

Мнѣ показалось, что яма стала шире; изъ нея попрежнему выскакивали клубы зеленоватаго дыма, медленно таявшіе въ воздухѣ.

(Продол. слѣдуетъ).

БОРЬБА МІРОВЪ.

Романъ Герберта Уэльса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРИБЫТІЕ МАРСІАНЪ.

ХІІ. Разрушеніе Уэйбриджа и Шеппертона.

КОГДА совсѣмъ разсвѣло, мы отошли отъ окна и спустились въ столовую.

Артиллеристъ былъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что оставаться въ моемъ домѣ было бы неблагоразумно. По первоначальному своему предположенію, онъ хотѣлъ вернуться въ Лондонъ и разыскать тамъ свою батарею—№ 12 конной артиллеріи. А мой планъ состоялъ въ томъ, чтобы вернуться въ Лидерхэдъ и увезти поскорѣе жену въ Пьюгавенъ, пожалуй, даже — на континентъ, такъ какъ я предвидѣлъ, что борьба съ марсіанами не можетъ скоро кончиться и грозить полнымъ разрушеніемъ не только окрестностей Лондона, но, можетъ быть, и всей страны.

Между Мейбери и Лидерхэдомъ, однако же, лежалъ третій цилиндръ, охраняемый треножниками. Если бы я былъ одинъ, то, пожалуй, рискнулъ бы пробраться мимо него, но артиллеристъ отговорилъ меня, убѣдивъ, что оставлять жену вдовою было бы для нея

плохой услугой. Я принужденъ былъ согласиться пойти вмѣстѣ съ нимъ лѣсами до Стритъ-Кобхэма, откуда могъ повернуть на Лидерхэдъ черезъ Эпсомъ. Это немножко далеко, но зато безопасно.

Я тотчасъ же собрался было идти, но мой товарищъ, человѣкъ опытный по части походовъ, предложилъ сначала запастись всей провизіей, какую только можно было найти въ домѣ. Поэтому мы вернулись въ домъ, чтобы захватить съ собою остатокъ виски и надѣлать бутербродовъ съ мясомъ, затѣмъ вышли потихоньку въ заднюю дверь и побѣжали внизъ, по той дорожкѣ, по которой я пробирался ночью.

Всѣ дома кругомъ были пусты. На улицахъ, мѣстами, лежали въ одиночку и кучами зажаренные человѣческіе трупы. На каждомъ шагѣ попадались различные предметы, брошенные или потерянные,—башмаки, платки, серебряныя ложки и проч. На углу, около почты, стояла сломанная повозка безъ лошадей, нагруженная чемоданами, то-

ками и мебелью. У дверей стоялъ рас-
крытый и пустой несгораемый сундукъ.

За исключеніемъ деревянной при-
стройки къ пріюту, которая еще ды-
милась, остальные дома мало постра-
дали отъ огня: тепловой лучъ задѣлъ
только ихъ крыши и печныя трубы.
Кромѣ насъ двухъ, однако же, никого,
новидимому, не было во всемъ Мей-
бери. Большинство жителей бѣжали,
вѣроятно, къ Старому Уокингу, туда
же, куда и мы съ женой.

Пройдя опять мимо трупа трактир-
щика, намочшаго отъ дождя, мы свер-
нули въ лѣсъ и дошли по нему до
полотна желѣзной дороги, но встрѣтивъ
ни одной души. Около станціи лѣсъ
представлялъ собою лишь ряды обгорѣ-
лыхъ пней, среди которыхъ изрѣдка
встрѣчались деревья, сохранившія свою
листву, но почернѣвшую и сухую.

На противоположномъ скатѣ холма
у деревьевъ обгорѣли только вершины.
Въ одномъ мѣстѣ мы наткнулись на
свѣжую порубку. Я помню, что еще
въ субботу видѣлъ здѣсь рабочихъ.
Сваленныя и очищенныя отъ коры де-
ревья были сложены горами. Щепки
и стружки разбросаны по травѣ. Па-
ровая пила стояла посрединѣ, а непо-
далеку находилась и сторожка, въ на-
стоящее время пустая. Утро было уди-
вительно тихое, ни малѣйшаго вѣтра,
и даже птицы почему-то не пѣли. Мы
съ артиллеристомъ тоже говорили шопотомъ,
часто озирались и останавлива-
лись, чтобы прислушаться.

Спустя немного времени мы подо-
шли къ шоссе, причемъ услышали
стукъ копытъ и увидѣли, сквозь де-
ревья, трехъ гусаръ, медленно ѣхав-
шихъ по направленію къ Уокингу. Мы
ихъ окликнули и поспѣшили подойти
поближе. Оказалось, что это были кор-
нетъ и два рядовыхъ 8-го гусарскаго
полка. Они везли съ собою какой-то
инструментъ, въ родѣ теодолита, но ар-
тиллеристъ сказалъ мнѣ, что это—ге-
лиографъ.

— Вотъ, во все утро вы первые
попадаете намъ навстрѣчу,—сказалъ
корнетъ.—Что такое тутъ творится?

Мой артиллеристъ, прыгнувъ съ ва-
ла на шоссе и сдѣлавъ подъ козы-
рекъ, отвѣчалъ:

— Пушку разорвало, сэръ. Я спря-
тался. Пробую догнать батарею, сэръ.
Черезъ полмили вы встрѣтитесь съ
марсіанами, сэръ, если поѣдете по этой
дорогѣ.

— На какого же чорта они похожи?—
спросилъ корнетъ.

— Гиганты, закованные въ броню,
сэръ. Ста футовъ ростомъ. Три ноги
и тѣло въ родѣ какъ алюминіевое, сэръ,
съ большой головой на манеръ капора.

— Вотъ чепуха!—сказалъ корнетъ,—
охота вамъ такъ безбожно врать!

— Сами увидите, сэръ. Они таска-
ютъ съ собою ящикъ, изъ котораго
стрѣляютъ огнемъ.

— То-есть что же это—въ родѣ
пушки?

— Никакъ нѣтъ, сэръ,—и артилле-
ристъ началъ съ живостью описывать
дѣйствіе теплового луча.

Но корнетъ не далъ ему договорить
и обратился ко мнѣ, а я стоялъ въ
это время на валу, около дороги.

— Вы тоже все это видѣли?

— Все, до малѣйшихъ подробно-
стей,—отвѣчалъ я.

— Хорошо,—сказалъ корнетъ,—зна-
чить, и я долженъ увидѣть это. По-
слушайте-ка,—обратился онъ къ ар-
тиллеристу,—намъ приказано вывести
жителей изъ домовъ, а вы отправляй-
тесь лучше къ бригадному генералу
Марвину и расскажите ему все, что
знаете. Онъ въ Уэйбриджѣ. Дорогу
найдете?

— Я его проведу,—сказалъ я.

Корнетъ повернулъ лошадь и по-
ѣхалъ къ югу.

— Полмили, вы говорите? — крик-
нулъ онъ.

— Около того,—отвѣчалъ я, пока-
зывая на обгорѣлыя верхушки деревь-
евъ вдали.

Корнетъ раскланялся и поѣхалъ
крупной рысью; больше мы его не ви-
дѣли.

Немножко подальше мы встрѣтили
на шоссе трехъ женщинъ съ двумя

дѣтми. Доставъ откуда-то ручную тележку, онѣ нагружали ее какими-то грязными тюками и убогой мебелью изъ маленькаго домика, стоявшаго около дороги. Онѣ были слишкомъ заняты и видимо очень торопились, чтобы обратиться на насъ вниманіе.

Около Байфлитской станціи мы вышли изъ лѣса на поле, залитое солнечнымъ свѣтомъ и, повидимому, совершенно спокойное. Здѣсь мы находились уже за предѣлами дѣйствія тепловаго луча, и только сравнительное безлюдье, шумъ поспѣшной укладки вещей въ нѣкоторыхъ домахъ да военный постъ на желѣзнодорожномъ мосту мѣшали принять начинающійся день за самое обыкновенное воскресенье.

Нѣсколько фуръ и нагруженныхъ фургоновъ, стуча и скрипя, медленно ползли по дорогѣ къ Адльстону. На одномъ огороженномъ лужкѣ, сквозь открытыя ворота, мы увидѣли цѣлую полевую батарею, снятую съ передковъ и разставленную въ боевомъ порядкѣ, фронтомъ къ Уокингу. Прислуга стояла у орудій, передки—въ надлежащей дистанціи, совсѣмъ какъ на смотру.

— Вотъ это хорошо,—замѣтилъ я.— Марсианъ встрѣтятъ порядочнымъ залпомъ.

Мой артиллеристъ остановился въ нерѣшимости около воротъ.

— Надо будетъ зайти, — сказалъ онъ.

Дальше, по направленію къ Уэйбриджу, за желѣзнодорожнымъ мостомъ, множество солдатъ, въ рабочихъ костюмахъ, наскоро устраивали валъ, за которымъ опять виднѣлись пушки.

— Все это—даромъ,—замѣтилъ артиллеристъ.—Они еще не пробовали горячаго.

Не находящіеся въ строю офицеры стояли группами и смотрѣли на юго-западъ. Туда же поглядывали иногда и рабочіе, отдыхая отъ рытья земли.

Байфлитъ былъ въ страшномъ смятеніи. Жители бѣгами, кричали, укладывались подъ надзоромъ дожины гусаръ, отчасти конныхъ, отчасти сѣ-

шенныхъ. Три или четыре лазаретныхъ фуры, съ красными крестами Женевской конвенціи, и одинъ старый омнибусъ стояли на улицѣ доверху нагруженные. Въ толпѣ попадалось много пьяныхъ, которымъ гусары тщетно старались разъяснить серьезность положенія. Какой-то высокій худой старикъ отчаянно спорилъ съ гусаромъ, требуя, чтобы помѣстили на повозку штукъ двадцать цвѣточныхъ горшковъ съ орхидеями. И подошелъ и взялъ его за рукавъ.

— Знаете ли вы, что тамъ такое?—спросилъ я, указывая по направленію къ Уокингу.

— Что?—отвѣчалъ онъ, обертываясь. Нельзя же это такъ бросить, вѣдь цвѣты денегъ стоятъ!

— Тамъ смерть!—крикнулъ я ему въ ухо.—Смерть идетъ! Смерть! Понимаете?

Оставивъ его переваривать мое сообщеніе, я вновь догналъ артиллериста и пошелъ далѣе. На поворотѣ улицы мы обернулись взглянуть на старика. Гусаръ отъ него уже отошелъ, а онъ все еще продолжалъ стоять въ раздумьи надъ ящикомъ съ цвѣтами.

Въ Уэйбриджѣ никто намъ не могъ сообщить, гдѣ находится главная квартира. Весь городокъ находился въ такомъ волненіи, какого я никогда не видывалъ. По улицамъ тѣснились кареты, коляски, повозки разнаго рода, вокругъ которыхъ, укладывая вещи, сгруппировалось все мѣстное населеніе—почтенные старики, молодые люди въ спортеменскихъ костюмахъ, элегантно одѣтыя дамы, крчючники съ пристаней и проч. и проч. Особенно суетились дѣти, для которыхъ всеобщее выселеніе казалось какой-то особенной воскресной забавой. Среди всего этого хаоса мѣстный викарій храбро служилъ обѣдню, такъ что къ невообразимому шуму, царствовавшему въ городѣ, прибавлялся еще и мелодичный звонъ церковныхъ колоколовъ.

Мы съ артиллеристомъ, присѣвъ на ступеньки общественнаго водоема, пре-красно позавтракали тѣмъ, что было

*

у насъ въ запасѣ. Военный патруль— на этотъ разъ не гусары, а бѣлые гренадеры—обходилъ городъ, рекомендуя жителямъ уѣзжать скорѣе или прятаться въ погреба, если слышатъ канонаду. Проходя черезъ желѣзную дорогу, мы замѣтили, что на мосту собирается громадная толпа народа, и платформа завалена чемоданами и тюками. Обычное движеніе поѣздовъ было приостановлено, чтобы дать возможность войскамъ и артиллеріи пройти въ Чертеи. Поэтому, какъ я послѣ слышалъ, при отправленіи экстренныхъ поѣздовъ, отходившихъ гораздо позднѣе, происходили цѣлыя битвы за мѣста въ вагонахъ.

Мы оставались въ Уэйбриджѣ до полудня, помогая какимъ-то двумъ старушкамъ укладывать вещи. Около двѣнадцати часовъ мы очутились около Шеппертонъ-Лока, гдѣ р. Уэй сливается, тремя рукавами, съ Темзой, гдѣ стоятъ лодки и существуетъ пароходный перевозъ. Въ этомъ мѣстѣ, на Шеппертонской сторонѣ стоитъ гостиница, а за нею виднѣется колокольня Шеппертонской церкви, недавно увѣнчанная шпиремъ.

Тутъ собралась огромная толпа пѣшихъ бѣглецовъ, такъ какъ ни лодки, ни пароходъ не въ состояніи были перевезти всѣхъ на тотъ берегъ. Большинство несло съ собою свои пожитки. Какая-то чета—мужъ съ женою—тащила эти пожитки, сваливъ ихъ на дверь, спляту съ петель.

Толпа, конечно, очень шумѣла. Многие даже шутили и хохотали. О марсіанахъ всѣ имѣли очень смутное представленіе, думая, что они—такіе же люди, только очень большого роста и сильные. По временамъ многие смотрѣли черезъ рѣку Уэй, въ сторону Чертеи, но тамъ все было тихо.

За Темзой тоже господствовали тишина и покой, кромѣ пристани, конечно, на которой была большая суета. Намъ издали было видно, какъ переѣхавшіе на ту сторону сплошной толпой тянулись по улицѣ, мимо запертой гостиницы, на крыльцѣ которой

стояли три солдата, шутя и пересмѣиваясь съ проходившими.

— Тесъ! слушайте! — вскричалъ вдругъ одинъ лодочникъ.

— Молчи, чортъ этакій! — сказалъ, рядомъ со мною, какой-то господинъ, унимая отчаянно лаявшую собаку.

Толпа замолкла, и минутку спустя мы отчетливо услышали отдаленный пушечный выстрѣлъ, въ сторонѣ Чертеи.

Сраженіе, стало быть, началось. Почти тотчасъ же невидимыя батареи изъ за деревьевъ, справа отъ насъ, за рѣкою начали отчаянную канонаду. Ничего, однако же, не было видно въ той сторонѣ, кромѣ подстриженныхъ серебристыхъ ивъ да хорошенькаго лужка, на которомъ паслись коровы, ярко освѣщенные солнцемъ. Толпа на минуту какъ бы окаменѣла. Съ какой-то женщиной сдѣлался нервный припадокъ и она громко вскрикивала. Другая женщина, стоявшая рядомъ со мною, нерѣшительно произнесла:

— Солдаты ихъ не пустятъ.

Легкій пороховой дымокъ показался надъ вершинами ивъ.

Затѣмъ, вдругъ, далеко за рѣкою, появился громадный клубъ дыма, поднимавшійся прямо вверхъ, и почти тотчасъ же земля вокругъ насъ задрожала, а въ окрестныхъ домахъ полонились стекла оконъ.

Послышался сильный взрывъ, очень всѣхъ удивившій и испугавшій.

— Вонъ они! Вонъ они!—закричалъ какой-то субъектъ въ синей блузѣ.

— Смотрите! Смотрите!

Дѣйствительно, вдали, за лужкомъ и деревьями, выходя по одному изъ лѣса, показались четыре марсіанина на треножникахъ. Быстро ковыляя, направлялись они къ рѣкѣ, въ нашу сторону.

Скоро показался и пятый, шедшій откуда-то наперерѣзъ своимъ товарищамъ. Покрытыя броней тѣла ихъ и стальные ноги ослѣпительно сверкали на солнцѣ, приближаясь такъ быстро, что напоминали полетъ какихъ-то уродливыхъ блестящихъ птицъ. Крайній, слѣва, держалъ въ своихъ металличе-

Шпанель разорвалась футахъ въ шести отъ головы марсіанина.

скихъ рукахъ знакомую уже мнѣ камеру тепловаго луча, который онъ тотчасъ же направилъ на Чертси. Городокъ вспыхнулъ какъ бы по волшебству.

При видѣ всего этого толпа вокругъ меня вновь окаменѣла, пораженная ужасомъ. Съ минуту продолжалось томительное молчаніе, и затѣмъ всё, какъ стадо барановъ, крича и бросая свои пожитки, кинулись къ рѣкѣ. Я думалъ,

что меня сомнутъ, и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, преслѣдуемый мыслью о тепловомъ лучѣ. Нырнуть въ воду— вотъ въ чемъ спасеніе! — пришло мнѣ вдругъ въ голову.

— Ныряйте въ воду! Ныряйте въ воду! — кричалъ я отчаяннымъ голосомъ, сбѣгая по каменистому берегу въ рѣку. Многие послѣдовали моему примѣру. Какая-то лодка, нагруженная народомъ, опрокинулась...

Рѣка въ этомъ мѣстѣ была, однако же, такъ мелка, что мнѣ пришлось пробѣжать, по крайней мѣрѣ, футовъ двадцать по ея дну, покрытому скользкими камнями, прежде чѣмъ вода дошла до пояса. Между тѣмъ марсіанинъ былъ уже не болѣе какъ въ двухстахъ ярдахъ отъ рѣки. Я такъ испугался этой близости, что немедленно нырнулъ. Большинство окружающихъ послѣдовали моему примѣру. Прижки людей съ лодокъ отзывались подъ водою, въ моихъ ушахъ, какъ пушечные выстрѣлы.

Марсіанинъ, однако же, обратился на насъ, должно быть, столько же вниманія, сколько рыбаки на вспугнутую имъ стаю утокъ. Когда я, полузадохшись, осторожно приподнял голову изъ воды, то увидалъ, что онъ идетъ по направлению къ батареемъ, не перестававшимъ стрѣлять черезъ рѣку, и что генераторъ теплого луча виситъ у него свободно, на цѣпи. Черезъ минуту онъ былъ уже на самомъ берегу и однимъ скачкомъ перешагнулъ черезъ рѣку, къ самому Шеппертону. Въ это время шесть пушекъ, спрятанныя въ кустахъ, дали залпъ, испугавшій меня своею неожиданностью.

Марсіанинъ поднималъ уже камеру съ тепловымъ лучемъ, когда первая шрапнель разорвалась футахъ въ шести отъ его головы. Почти тотчасъ же съ обѣихъ сторонъ треножника разорвались еще двѣ. Пробуя избѣжать выстрѣловъ, а, можетъ быть, уже и задѣтый ими нѣсколько, марсіанинъ наклонилъ голову, какъ бы нарочно подставивъ ее подъ четвертый снарядъ, угодившій ему прямо въ лобъ. Броня и все, что было подъ нею, сразу разлетѣлось на тысячу кусковъ окровавленнаго мяса и разбитаго металла.

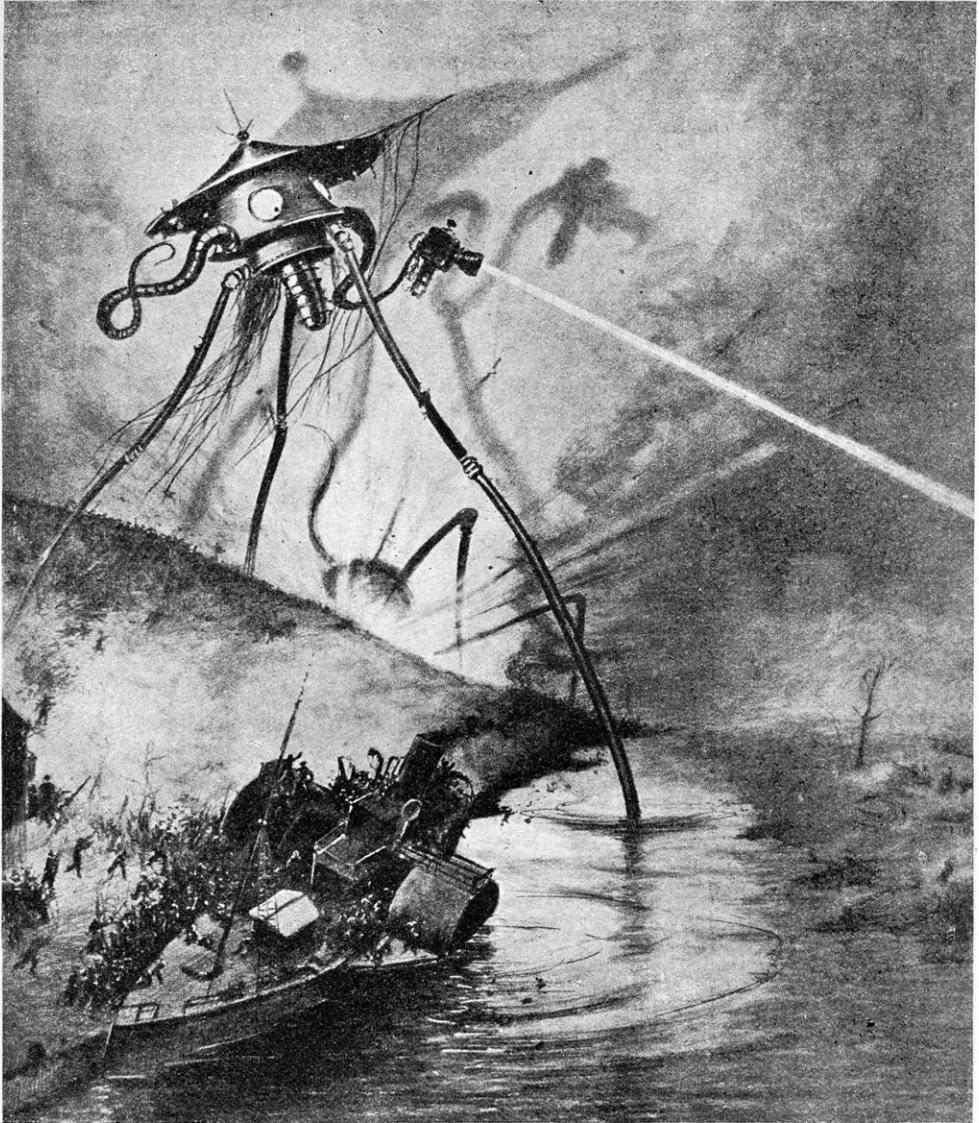
Какъ я, такъ и всѣ мои товарищи по несчастію, забывъ объ остальныхъ четырехъ марсіанахъ, оставшихся за нами, на другомъ берегу, не могли удержаться отъ радостнаго крика. Безголовый колоссъ покачнулся какъ пьяный, но не упалъ и даже продолжалъ идти на Шеппертонъ, хотя видимо уже

не направляемый разумной волей, шатаясь и спотыкаясь на дома. Вотъ тутъ-то онъ и обрушилъ колокольню Шеппертонской церкви, случайно ударивъ въ нее какъ какой-нибудь таранъ. Послѣ этого удара движенія его стали совсѣмъ беспорядочными, и минуту спустя безмысленная металлическая громадина, съ большимъ трескомъ, рухнула куда-то; но куда—я уже не видалъ, потому что какъ разъ въ это время страшный взрывъ заставилъ насъ всѣхъ повернуться въ другую сторону, вверхъ по рѣкѣ. Громадный столбъ воды, пара, грязи и камней поднялся съ той стороны надъ горизонтомъ, а еще черезъ мгновение огромная волна горячей воды чуть не выбросила всѣхъ насъ на берегъ.

Невозможно описать смятеніе, возникшее при этомъ вокругъ меня. Люди метались, какъ угорѣлые, кто на берегъ, кто съ берега, отчаянно крича и жестикулируя. Я самъ какъ бы потерялъ инстинктъ самосохраненія и совершенно машинально, самъ не зная для чего, бросился дальше отъ берега въ рѣку. Идя впередъ, я, наконецъ, обогнулъ выступъ берега, такъ что могъ видѣть далеко вверхъ по теченію, причемъ для меня вскорѣ объяснилась причина взрыва и всего за нимъ послѣдовавшаго.

Глядя вдоль по рѣкѣ, я сначала увидалъ съ полдюжины пустыхъ лодокъ, безпомощно качавшихся на взволнованной и неуспѣвшей еще успокоиться водѣ. Далѣе, поперекъ рѣки, лежалъ остовъ марсіанина, который наполовину затонулъ, но не пересталъ еще беспорядочно двигать своими металлическими членами, всякій разъ выкидывая, при этомъ, камни и комки грязи со дна. Руки или шупальца чудовища безтолково били по водѣ, какъ бы стараясь плыть. Вода вокругъ кипѣла, выдѣляя массу густыхъ царовъ. Мѣстами изъ машины съ шумомъ били вверхъ фонтаны мутной темнокрасной жидкости.

Падая, марсіанинъ, очевидно, не былъ еще совсѣмъ мертвъ, хотя вполне уже

Марсианинъ держаль генераторъ теплевого луча...

лишился сознания, такъ что двигаль свою машину судорожно, въ агоніи. Камера съ тепловымъ лучемъ тоже, вѣроятно, упала въ воду, при мгновенномъ испареніи которой и произошелъ взрывъ, обусловившій все послѣдовавшее.

Такое объясненіе, впрочемъ, пришло мнѣ въ голову уже послѣ, такъ какъ въ то время думать было некогда.

Только-что успѣлъ я взглянуть вверхъ по рѣкѣ, какъ сзади раздался рѣзкій и продолжительный ревъ, въ родѣ того, который издають такъ называемыя сирены — аппараты, употребляемыя на судахъ во время тумана. Какой-то человекъ, стоявшій въ водѣ рядомъ со мною, кричалъ что-то и показывалъ испуганно назадъ. Посмотрѣвъ въ этомъ направленіи, я увидѣлъ четырехъ мар-

сіанъ, спѣшившихъ къ намъ по берегу, со стороны Чертеи. Шеппертонокія пушки стрѣляли, на этотъ разъ, безъ всякаго результата.

Я тотчасъ же нырнулъ въ воду и, задерживая дыханіе, старался уйти по дну, какъ можно дальше. Вода вокругъ меня сильно волновалась и становилась замѣтно теплѣе. Когда я высунулъ на минутку голову, чтобы вздохнуть, вся рѣка была покрыта густымъ паромъ, изъ-за котораго ничего не было видно.

Немного спустя порывъ вѣтра разорвалъ, наконецъ, завѣсу пара, и тогда я увидаль гигантскія формы марсіанъ. Они прошли уже то мѣсто, гдѣ я спрятались. Двое стояли на берегу, около останковъ своего погибшаго товарища, а двое другихъ были еще въ рѣкѣ и одинъ изъ нихъ не дальше двухсотъ ярдовъ отъ меня. Послѣдній держаль генераторъ теплового луча, направляя его въ разныя стороны и какъ бы дѣйствительно выметая имъ окрестности Шеппертона.

Шумъ кругомъ стояль страшно оглушительный. Бряцанье брони марсіанъ, грохотъ разрушающихся домовъ, трескъ горящихъ деревьевъ и лопающихся стеколъ, свистъ пламени, шипѣніе испаряющейся воды,—все сливалось въ какую-то дикую музыку, поражая душу неописуемымъ ужасомъ. Густой, чернѣйшій дымъ, смѣшиваясь съ паромъ, застилалъ все окрестности, а на его фонѣ, тамъ и сямъ проскальзывали языки пламени или блестящія точки добѣла раскаленныхъ камней или металловъ, на которые въ данную минуту падалъ фокусъ теплового луча. Ближайшіе ко мнѣ дома стояли, впрочемъ, нетронутыми и какъ бы покорно ждали своей участи, закрывшись плащомъ дыма. Въ рѣкѣ и особенно по берегамъ, кое-гдѣ еще копошился народъ, напоминая лягушекъ, испуганныхъ появленіемъ чловѣка.

Съ минуту простояль я такимъ образомъ, по грудь въ горячей водѣ, наблюдая окружающій хаосъ и отчаяваясь въ своемъ спасеніи, какъ вдругъ почувствовалъ, что тепловой лучъ приближается ко мнѣ. Дома, до сихъ поръ невредимые, вдругъ затрещали и вспыхнули; пятна бѣлокалильнаго жара, какъ зайчики, устраиваемые дѣтьми съ помощью зеркала, заходили по каменистому берегу, задрывая воду, тотчасъ же обращающуюся въ паръ, и людей, платье которыхъ мгновенно загоралось. Все это происходило не болѣе какъ въ пятидесяти ярдахъ отъ меня.

Вдругъ марсіанинъ перевелъ свой лучъ черезъ рѣку, на другую сторону, въ Шеппертонъ. Описывая вокругъ меня дугу, лучъ прошелъ по водѣ, которая нагрѣлась до такой степени, что я не могъ уже болѣе въ ней оставаться и, ослѣпленный, обожженный, бросился къ берегу, ежеминутно ожидая смерти. Поскользнулся я какъ-нибудь — и конецъ дѣлу: я живо бы сварился въ этомъ импровизированномъ супѣ,—но, къ счастью, мнѣ удалось достигнуть берега, какъ разъ на косѣ, отдѣляющей Темзу отъ Уэя. Въ полномъ изнеможении бросился я на камни, гдѣ и остался лежать, на виду у марсіанъ, почти ничего не сознавая.

Помню, какъ сквозь сонъ, металлическую погу марсіанина, съ шумомъ наступившую на камни, въ нѣсколькихъ футахъ отъ моей головы. Помню потомъ, что видѣль, какъ все четыре марсіанина, окруженные пеленой пара несли останки своего товарища внизъ по рѣкѣ. Медленно удалялись они по широкой глади прирѣчныхъ луговъ. Помню, наконецъ, что затѣмъ все какъ будто успокоилось, и я самъ или заснулъ, или впалъ въ безпамятство.

Долго ли я лежалъ такимъ образомъ—не знаю, но, очнувшись, едва могъ повѣрить своему чудесному избавленію.

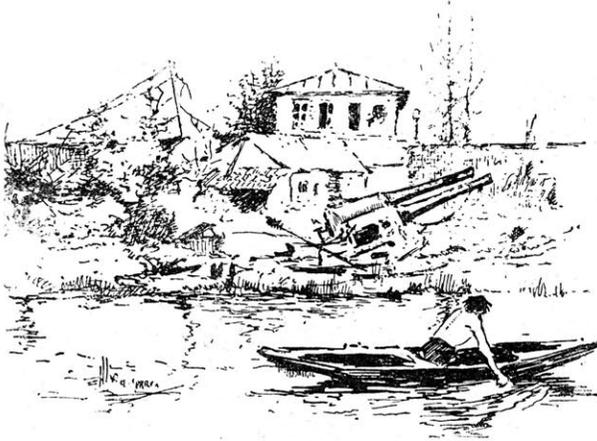
ХІІІ. Моя встрѣча съ викаріемъ.

ДАВЪ намъ такое яркое доказательство своей силы, марсіане удалились опять къ Хорзеллю и Отгершоу. Озабоченные сохраненіемъ останковъ своего убитаго товарища, они, вѣроятно, не обратили никакого вниманія не только на отдѣльныхъ личностей, спасшихся подобно мнѣ, но даже и на весь городъ Лондонъ, который лежалъ передъ ними беззащитный. Если бы они вчетверомъ прямо изъ Шеппертона двинулись на столицу, то застали бы ее врасплохъ и произвели бы тамъ разгромъ, подобный Лиссабонскому землетрясенію, случившемуся болѣе ста лѣтъ тому назадъ.

Но они, очевидно, не сгѣшили. Цилиндръ за цилиндромъ летѣлъ къ намъ съ Марса, и число марсіанъ на землѣ съ каждымъ сутками увеличивалось. Тѣмъ временемъ, однако же, и англійскія власти не дремали. Проученныя горькимъ опытомъ, онѣ работали и днемъ и ночью. Всѣ загородныя виллы, всѣ валы и холмы около Кингстона и

Ричмонда еще до захода солнца превращены были въ укрѣпленія. Прикрытыя растительностью, отовсюду торчали жерла большихъ батарейныхъ орудій, замѣнявшихъ полевыя пушки. По опустошеннымъ окрестностямъ Хорзелля, среди дымящихся развалинъ, въ обгорѣлыхъ лѣсахъ, подъ арками мостовъ, миль на двадцать въ окружности,—всюду шныряли патрули, снабженные гелиографами и готовые предупредить столицу о всякомъ движеніи марсіанъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, поняли, должно быть, опасность близкаго сосѣдства съ людьми и на милое не подпускали никого къ своимъ цилиндрамъ.

Большую часть времени въ воскресенье послѣ полудня, они употребили, кажется, на переноску различныхъ вещей изъ двухъ послѣднихъ цилиндровъ, (лежавшихъ около Адльстона и Пирфорда) въ свою главную квартиру, между Отгершоу, Хорзеллемъ и Уокингомъ. Къ вечеру всѣ они сошли съ

тrenoжниковъ и спустились въ главную яму, оставивъ одного часовымъ. Этотъ послѣдній всю почъ ходилъ взадъ и впередъ между Хорзеллемъ и Уокингомъ, но надо думать, что и остальная компанія не спала, такъ какъ изъ ямы попрежнему цѣлую почъ поднимались клубы зеленого дыма, виднѣвшіеся не только съ окрестныхъ холмовъ, но, говорятъ, будто бы даже изъ Банстѣда и Эпсома.

А пока марсіане, съ одной стороны, и люди—съ другой, приготовлялись къ отчаянной битвѣ, я съ большимъ трудомъ и лишеніями подвигался изъ сгорѣвшаго Уэйбриджа къ Лондону.

Увидавъ на рѣкѣ медленно плывшую по теченію пустую лодку, я сбросилъ съ себя часть платья, догналъ эту лодку и привелъ ее къ берегу. Весель на ней не было, но я рѣшилъ передвигаться, отталкиваясь палкой, насколько позволятъ обожженные руки, лишь бы только держаться на рѣкѣ, гдѣ могъ нырнуть въ случаѣ надобности.

Долгое время плылъ я, такимъ образомъ, по теченію, по временамъ отдыхая, а по временамъ пытаясь ускорить движеніе лодки самодѣльнымъ багромъ. Въ концѣ концовъ усталость превозмогла, тѣмъ болѣе, что солнце пекло невыносимо. Поравнявшись съ Уолтонскимъ мостомъ, я вышелъ на берегъ Миддлсекса и повалился въ тѣни деревьевъ на густую траву. Должно быть, въ это время было около четы-

рехъ или пяти часовъ. Отдохнувъ немного, я всталъ и пошелъ пѣшкомъ, но, не пройдя и полумили, опять легъ на траву, въ полномъ изнеможеніи. Мнѣ кажется, я даже бредилъ, говорилъ самъ съ собою и—что всего курьезнѣе—сердился за что-то на жену! Должно быть, все выдержанныя испытанія помutilи нѣсколько мой разумъ. Помню также, что мнѣ ужасно хотѣлось пить, но лѣнь было идти къ рѣкѣ, чтобы напиться.

Въ концѣ концовъ я, вѣроятно, задремалъ, такъ какъ положительно не помню, откуда взялся священникъ. Я замѣтилъ его уже сидящимъ рядомъ со мною, въ грязной рубашкѣ, съ засученными рукавами и съ чисто-выбритымъ лицомъ, обращеннымъ къ небу, покрытому перистыми облаками, слегка позолоченными закатомъ солнца.

Я сълъ, при чемъ онъ тотчасъ же повернулся и взглянулъ на меня.

— Пить ли у васъ воды?—спросилъ я, ни съ того, ни съ сего.

Онъ покачалъ головою.

— Да, послѣдніе полчаса вы все бредили водою,—отвѣчалъ онъ.

Съ минутой мы помолчали, разсматривая другъ друга. Должно быть, я былъ хорошъ—въ однихъ панталонахъ, безъ рубашки, обожженный и покрытый грязью. Его лицо выражало какую-то женственную слабость—худое, блѣдное, нервное, съ тонкими чертами, уходящимъ назадъ подбородкомъ, большими, наивными, голубыми широко раскрытыми глазами и бужолями бѣлокурыхъ волосъ надъ низкимъ лбомъ. Говорилъ онъ жидкимъ, отрывистымъ голосомъ, разсѣянно глядя въ пространство.

— Что это такое?—спросилъ онъ,—что это значитъ?

Я смотрѣлъ на него, не понимая.

Сдѣлавъ отчаянный жестъ своей тонкой бѣлой рукой, онъ продолжалъ, какъ бы оправдываясь:

— Зачѣмъ все это допущено? Чѣмъ мы согрѣшили? Я отслужилъ, какъ

слѣдуетъ, обѣдню, пошелъ прогуляться, чтобы приготовить вечернюю проповѣдь, и вдругъ... Пожаръ! Землетрясеніе! Смерть! Точно надъ Содомомъ и Гоморрой! Все пошло прахомъ... За что?.. Что такое эти марсіане?

— А что такое мы съ вами?—спросилъ я, прокашлявшись.

Онъ поджалъ колѣни, обхватилъ ихъ руками и взглянулъ на меня. Съ полминуты, по крайней мѣрѣ, продолжалось молчаніе.

— Я пошелъ прогуляться, чтобы обдумать проповѣдь,—повторилъ онъ еще разъ,—и вдругъ пожаръ, смерть!

Опустивъ голову на колѣни, онъ опять замолчалъ. Затѣмъ, внезапно, размахивая руками, началъ говорить горячо и быстро:

— Все пошло прахомъ!.. И воскресныя школы тоже... Что мы сдѣлали? Чѣмъ Уэйбриджъ согрѣшилъ? Все пошло прахомъ, все разрушено! Церковь! Вѣдь мы ее только три года тому назадъ перестроили! Ибѣть ея! Сметена съ лица земли! За что?!

Краткое молчаніе. Затѣмъ вновь сумасшедшіе жесты и крикъ:

— Дымъ ея пожара будетъ стоять укоромъ Провидѣнію на вѣки вѣковъ!

Глаза его блестя, а худой указательный палецъ протянулся по направленію къ Уэйбриджу.

Я началъ понимать. Это—тотъ самый священникъ, который сегодня утромъ такъ храбро служилъ обѣдню въ Уэйбриджѣ среди разгрома. Только-что окончившаяся трагедія свела его съ ума.

— А что, далеко мы отъ Сенбери?—спросилъ я дѣловымъ тономъ, чтобы отвлечь его нѣсколько.

— Что же намъ остается дѣлать?—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мой вопросъ.—Эти существа, стало быть, разсѣяны повсюду? Земля отдана въ ихъ владѣніе?

— Далеко ли отсюда до Сенбери?

— Утромъ еще я служилъ обѣдню...

— Ну, что дѣлать, обстоятельства перемѣнились,—сказалъ я.—Не надо падать духомъ. Мы можемъ еще надѣяться.

— Надѣяться?!

— Да, конечно. Не все еще потеряно, несмотря на такое разрушеніе.

Я началъ объяснять ему положеніе. Сначала онъ прислушивался, но потомъ вновь сталъ разсѣянно смотрѣть въ сторону.

— Это, должно быть, начало конца,—сказалъ онъ вдругъ, прерывая мою рѣчь. Конецъ! Великій день Страшнаго Суда Господня! Тотъ день, когда люди возопіютъ къ горамъ и скаламъ: „Падите на насъ и скройте насъ отъ грозныхъ очей Сидящаго на тронѣ!“

Видя, что его рѣчи конца не будетъ, я рѣшился дѣйствовать энергичнѣе; вскочилъ на ноги, положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Полноте, будьте мужчиной! Вы выбились изъ колеи. Религія должна укрѣплять человѣка, а не доводить его до отчаянія. Подумайте о томъ, сколько было до сихъ поръ потоковъ, землетрясеній, войнъ, эпидемій, а человѣчество все-таки цѣло. Господь хранилъ его до сихъ поръ. Почему же вы думаете, что Онъ сдѣлаетъ исключеніе какъ разъ теперь? Развѣ запасъ Его милосердія можетъ истощиться, подобно капиталъ страховыхъ обществъ?

Священникъ помолчалъ немножко.

— Но куда же намъ дѣваться?—спросилъ онъ вдругъ.—Вѣдь они повсюду, они неистребимы и безжалостны...

— Полагаю, что не болѣе насъ съ вами. Да и чѣмъ они могущественнѣе, тѣмъ осторожнѣе и мужественнѣе должны быть мы. Одинъ уже былъ убитъ на моихъ глазахъ, часа три тому назадъ; почему же и другихъ не можетъ постигнуть та же участь?

— Убить?!—воскликнулъ онъ, дико озираясь.—Да какъ же могутъ быть убиты посланники Божій?

— Ну, значить, онъ не посланникъ Божій. Я самъ видѣлъ, какъ его убили. Мы съ вами просто попали въ самую свалку, гдѣ слѣдовало бы быть только однимъ военнымъ, какъ и вообще на полѣ сраженія. Вотъ и все.

— А что это за пятнышки бѣгаютъ по облакамъ?—спросилъ онъ неожиданно.

Взглянувъ кверху, я увидалъ сигналы, подаваемые откуда-то гелиографомъ и постарался объяснить моему собесѣднику, въ чемъ дѣло, увѣряя его, что эти сигналы доказываютъ близость человѣческой помощи и заботу правительства объ устраненіи общественнаго бѣдствія.

— Мы теперь находимся какъ разъ между двумя враждующими сторонами, какъ бы мирны ни были окружающія насъ сцены. Пятнышки, бѣгающія по небу, указываютъ на приближеніе бури. Тамъ, въ той сторонѣ, сидятъ марсіане, а здѣсь, по направленію къ Лондону, вонъ на тѣхъ холмахъ, покрытыхъ деревьями, между Ричмондомъ и Кингстономъ, устроены укрѣпленія, поставлены боль-

шія пушки. Марсіане теперь опять пойдутъ этой дорогой...

Не успѣлъ я кончить фразы, какъ собесѣдникъ мой вскочилъ и остановилъ меня жестомъ.

— Слушайте!—сказалъ онъ.

Изъ-за низкихъ холмовъ, по той сторонѣ рѣки, доносились звуки отдаленной канонады и какой-то жалобный крикъ. Скоро, однако же, вновь наступила тишина. Стрекоза, шумя крыльшками, пронеслась надъ моей головой. Высоко, на западной сторонѣ небосклона, надъ заходившимъ солнцемъ

и густымъ дымомъ многочисленныхъ пожаровъ, стоялъ блѣдный и узкій серпъ молодой луны.

— Пойдемте-ка лучше въ Лондонъ,—сказалъ я священнику.

XIV. ВЪ ЛОНДОНѢ.

МОЙ младшій братъ находился въ Лондонѣ, когда марсіане спустились на землю. Будучи студентомъ медицины, онъ въ это время готовился къ экзаменамъ и жилъ очень уединенно, такъ что до самой субботы ничего не зналъ о происшествіяхъ въ Оттершоу. Субботнія газеты, помимо разныхъ подробностей о Марсѣ, заключали въ себѣ краткую, неопредѣленную и не совсѣмъ вѣрную, по тѣмъ не менѣе въ высшей степени сенсационную телеграмму изъ Уокинга.

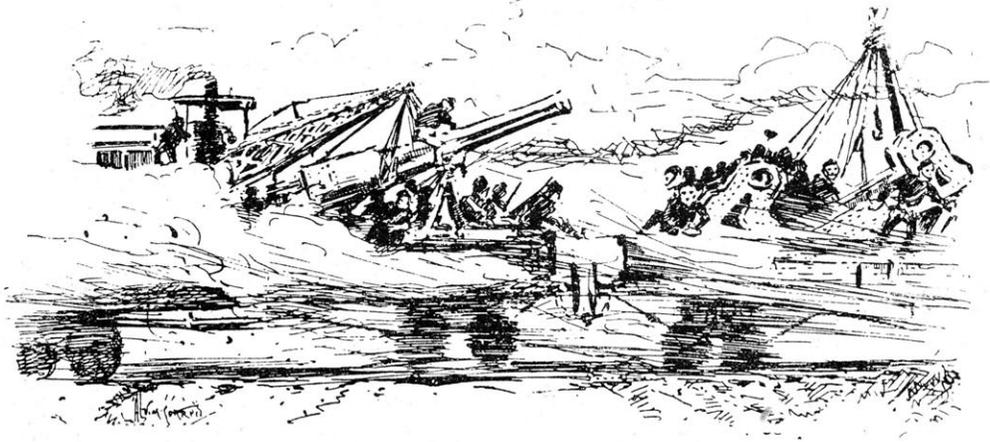
Въ этой телеграммѣ передавалось, что марсіане, испуганные приближеніемъ войскъ, убили сорокъ человѣкъ изъ скорострѣльной пушки неизвѣстнаго устройства. „При всемъ своемъ могуществѣ“, говорилось въ концѣ телеграммы, „марсіане не могутъ, должно быть, выйти изъ ямы, вслѣдствіе силы тяжести, которая на землѣ больше,

чѣмъ на Марсѣ“. Передовая статья газеты была цѣликомъ посвящена обсужденію вліянія этой энергіи на марсіанъ.

Все студенты, изучавшіе біологію, къ числу которыхъ принадлежалъ и мой братъ, были, конечно, очень заинтересованы появленіемъ интеллигентныхъ существъ съ другой планеты,—но заинтересованы чисто теоретически: никто никакихъ бѣдъ не ожидалъ.

Вечернія газеты того же дня говорили о передвиженіи войскъ о пожарахъ между Уокингомъ и Уэйбриджемъ, о прекращеніи телеграфныхъ сношеній съ мѣстомъ дѣйствія, что легко объяснялось тѣми же пожарами; но о битвѣ въ Лондонѣ никто ничего не зналъ, до одиннадцати часовъ вечера.

Прочитавъ въ газетахъ, что цилиндръ лежитъ миляхъ въ двухъ отъ Мейбери, братъ нисколько не безпокоился о на-

шей судьбѣ и собрался вечеромъ пріѣхать къ намъ, чтобы взглянуть на марсіанъ, пока они не всѣ еще перебиты. Въ четыре часа онъ далъ мнѣ знать объ этомъ телеграммой (которой я такъ и не получилъ), а самъ отправился въ какой-то концертъ.

Ночью, съ субботы на воскресенье, въ Лондонѣ также была гроза; братъ мой поэтому отправился на Ватерлооскую станцію не пѣшкомъ, какъ обыкновенно, а въ кабѣ. На платформѣ, съ которой отходитъ двѣнадцатичасовой поѣздъ, онъ узналъ, что, въ виду какого-то происшествія, сообщеніе съ Уокингомъ прервано. Въ чемъ состоитъ это происшествіе—никто доподлинно не зналъ. Станціонное начальство, предполагая, что путь между Байфлитомъ и Уокингомъ былъ просто загражденъ сошедшимъ съ рельсовъ поѣздомъ, нисколько не безпокоилось и занималось перестановкой обычныхъ поѣздовъ на кругныя пути—черезъ Гильдфордъ. Вообще никакого волненія на станціи не было. Почти никто не приписывалъ желѣзнодорожнаго несчастія марсіанамъ. Даже газетные репортеры, шнырявшіе повсюду, ничего не знали. Одинъ изъ нихъ, принявъ моего брата за какого-то редактора, имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ, въ которомъ тоже почти не упоминалось о марсіаныхъ.

Послѣ мнѣ много разъ приходилось читать въ газетахъ, что въ „воскресенье утромъ“ весь Лондонъ былъ наэлектризованъ извѣстіями изъ Уокин-

га!“ Но и это неправда. Большинство лондонскихъ жителей даже не читаетъ утреннихъ газетъ по воскресеньямъ, а кто и читаетъ, тотъ не сразу вѣритъ всему, что въ нихъ говорится. Надо думать, что множество народа въ Лондонѣ ничего не знало о марсіаныхъ до начала паники, то-есть до утра понедѣльника.

Наконецъ, лондонскіе жители до такой степени привыкли считать себя въ полной безопасности, что ихъ, вѣроятно, не очень тронетъ даже и такая телеграмма, которая была помѣщена въ воскресныхъ утреннихъ газетахъ.

Вотъ эта телеграмма:

„Вчера, въ семь часовъ вечера, марсіане, подъ прикрытіемъ металлическихъ щитовъ, вышли изъ ямы, разрушили станцію Уокингъ съ прилегающими домами и уничтожили батальонъ Кардиганскаго полка. Подробности неизвѣстны. Картечицы оказались безсильными противъ ихъ брони, а полевые пушки были ими сбиты. Въ Чертеи отправлены отряды гусаръ, такъ какъ марсіане, повидимому, намѣрены подвигаться въ этомъ направленіи. Въ Серри господствуетъ сильное волненіе. Для защиты Лондона наскоро воздвигаются земляныя укрѣпленія“.

Никто въ Лондонѣ не имѣлъ понятія ни о средствахъ передвиженія марсіанъ, ни объ ихъ страшномъ оружій. Всѣ думали, что эти уродливыя созданія „ползутъ по-черепаши“,—такое впечатление встрѣчается, по крайней мѣрѣ,

во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ. Надо думать, что телеграммы получались изъ третьихъ рукъ, а не отъ очевидцевъ. Какъ бы то ни было, но даже вечеромъ въ воскресенье газеты ничего еще не знали о происшествіяхъ въ Шепертонѣ и Уэйбриджѣ. Только уже совсемъ почти ночью вышли отдѣльныя прибавленія, весьма смутно и невѣрно рассказывавшія о разгромѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

Не найдя поѣзда, братъ мой отправился домой спать, а утромъ въ воскресенье пошелъ, по обыкновенію, къ обѣднѣ въ церковь Воспитательнаго дома, рѣшительно ничего не зная о происшедшемъ. Только въ проповѣди онъ услышалъ кое-какіе намеки на общественное бѣдствіе, а затѣмъ прослушала особую молитву объ избавленіи отъ этого бѣдствія. Возвращаясь изъ церкви, онъ купилъ номеръ „Sunday Sun“, гдѣ и прочелъ вышеприведенную телеграмму, конечно, очень его встревожившую, послѣ чего тотчасъ же опять отправился на Ватерлосскую станцію узнать, восстановлено ли сообщеніе съ Уокингомъ.

Улицы имѣли обычный видъ. Омнибусы, кэбы, велосипедисты сновали по всѣмъ направленіямъ, и безчисленная толпа народа, разодѣтая по-празднич-

ному, обращала весьма мало вниманія на новости, выкрикиваемыя продавцами газетъ. Если кто ими интересовался, то исключительно въ виду безопасности какихъ-нибудь родственниковъ или знакомыхъ, жившихъ въ окрестностяхъ Уокинга.

На станціи братъ въ первый разъ узналъ, что не только въ Уокингъ, но теперь уже и въ Виндзоръ и въ Чертси поѣзда не ходятъ. Носильщики сказали ему, что утромъ было получено нѣсколько важныхъ телеграммъ изъ Байфлита и Чертси, но что теперь телеграфное сообщеніе прекратилось. Въ общемъ, братъ мой изъ всѣхъ свѣдѣній, полученныхъ на стайціи вынесъ убѣжденіе, что „около Уэйбриджа дерутся“.

На этотъ разъ по платформѣ ходило много народа. Иные ждали родственниковъ изъ окрестностей и не дождались ихъ; другіе сами собирались ѣхать куда-нибудь и не нашли поѣзда. Какой-то старикъ осматривалъ компанію юго-западныхъ дорогъ проклятіями и обѣщаль „подтянуть“ ее.

Прибыли поѣзда изъ Ричмонда, Путни и Кингстона, привезшіе назадъ лондонскихъ обывателей, которые отправились было утромъ ловить рыбу, но, найдя страну оцѣпленной войсками и почувствовавъ въ воздухѣ панику, предпочли вернуться домой. Какой-то господинъ рассказалъ моему брату много странныхъ новостей.

— Массы народу, — говорил онъ, — идутъ и ѣдутъ изъ Мульси, Уэйбриджа и Уолтона въ Кингстонъ, совсѣмъ, съ пожитками. Они рассказывали, что около Чертси слышна была перестрѣлка и что кавалерія разослана повсюду, чтобы выводить жителей изъ домовъ, въ виду приближенія марсіанъ. Я самъ слышалъ пушечные выстрѣлы около Гемптонъ-Корта, но принялъ ихъ за громъ. Что это за чертовщина? Могутъ марсіане выходить изъ своей ямы или нѣтъ?

Братъ, конечно, ничего не могъ отвѣтить ему на этотъ вопросъ.

Немного позже безпокойство произошло и въ поѣзда подземной желѣзной дороги. Воскресные экскурсанты, отправлявшіеся въ Барнсъ, Уимблдонъ, Ричмондъ-Паркъ, Кью и проч., воротились назадъ гораздо раньше обыкновеннаго, хотя никто изъ нихъ ничего страшнаго не видалъ и ничего определеннаго не слыхалъ. Всѣ были, однако же, почему-то не въ духѣ.

Около пяти часовъ вечера толпа на станціи была удивлена открытіемъ движенія по соединительной вѣтви между юго-западными и юго-восточными желѣзными дорогами. По этой вѣтви прибыли войска и тяжелыя орудія изъ Вульвича и Чатама. Со всѣхъ сторонъ посыпались шутки: „Вотъ они — укротители звѣрей!“ или „Смотрите, чтобы васъ тамъ не съѣли!“ и тому подобное. Еще немного спустя на станцію прибылъ отрядъ полисменовъ съ порученіемъ очистить ее отъ публики. Въстѣ съ прочими ушелъ и мой братъ.

Въ церквахъ зазвонили къ вечернѣ, и на Ватерлоо-Родѣ братъ встрѣтилъ взводъ дѣвицъ изъ Арміи Спасенія, кото-

рая довольно стройно пѣли псалмы. На мосту груша людей разглядывала курьезную черную пѣну, пятнами плывшую по рѣкѣ. Солнце уже садилось, и башни Вестминстера каго аббатства красиво выдѣлялись на золотомъ фонѣ зари, мѣстами прорѣзанномъ фіолетовыми перистыми облаками. Болѣе мирную картину трудно себѣ вообразить, а между тѣмъ въ народѣ чувствовалось какое-то смут-

ное волненіе, какъ бы страхъ передъ грядущими бѣдствіями. Толковали о трупѣ, плывущемъ по рѣкѣ, о гелиографическихъ сигналахъ на небѣ... Становилось жутко...

На Веллингтонъ-Стритѣ братъ встрѣтилъ двухъ газетчиковъ, которые выкрикивали: „Ужасная катастрофа! Битва подъ Уэйбриджемъ! Полное описаніе! Марсіане отбиты! Лондонъ въ опасности!“

Купивъ за три пенса вечернюю газету, братъ тутъ только получилъ надлежащее понятіе о могуществѣ и жестокости переселенцевъ съ Марса. Онъ узналъ, что марсіане суть не какія-нибудь жалкія пресмыкающіяся, а могучія существа, сумѣвшія создать для себя металлическое тѣло, которое дозволяетъ имъ быстро двигаться и не бояться даже пушекъ. Въ депешѣ говорилось, что они имѣютъ видъ „громадныхъ, наукообразныхъ машинъ, футовъ во сто высоту, способныхъ двигаться быстрѣе курьерскаго поѣзда и стрѣляющихъ интенсивнымъ тепловымъ лучемъ“. Далѣе рассказывалось о замаскированныхъ батареяхъ между Хорзеллемъ и Уокингомъ, объ удачномъ выстрѣлѣ, о смерти одного изъ пяти марсіанъ, о гибели всей артиллеріи, о большихъ потеряхъ въ войскѣ, о разру-

шені Уэйбриджа и Шепертонa; но общій тонъ депешъ былъ все же оптимистическій.

Марсиане отброшены, одинъ изъ нихъ убитъ,—значить, нельзя ихъ считать неуязвимыми; они отступили къ Уокингу; яма оцѣплена со всѣхъ сторонъ гелиографическими сигнальными отрядами; тяжелыя орудія прибываютъ изъ Виндзора, Портсмута, Ольдершота и Вульвича,—между прочимъ даже длинныя, тяжелыя, девяностопятитонныя чудовища. Въ общемъ, сто шестьдесятъ орудій охраняютъ Лондонъ. Никогда прежде въ Англійи войска не мобилизовались такъ быстро и въ такомъ большомъ количествѣ.

Вновь падающіе цилиндры будутъ тотчасъ же разрушаемы динамитомъ, который спѣшно заготовляется въ большихъ количествахъ и будетъ разосланъ всюду, гдѣ встрѣтится въ немъ надобность. Нельзя не признать, что положеніе серьезно, такъ какъ марсиане дѣйствительно являются нешуточными противниками. Но публика не должна поддаваться неосновательному страху, памятуя, что все-таки ихъ не больше двадцати, противъ всей Англійи.

Все это было напечатано крупнымъ шрифтомъ, на огромномъ листѣ, только-что вышедшемъ изъ-подъ станка. Весь остальной текстъ газеты былъ

скомканъ на оборотѣ этого правительственнаго сообщенія.

Власти, несомнѣнно, имѣли право и даже должны были говорить такимъ образомъ, чтобы успокоить публику. Марсианъ, дѣйствительно, не могло быть больше двадцати, или даже пятнадцати, такъ какъ каждый цилиндръ, судя по наружнымъ размѣрамъ, могъ вмѣстить, много-много, пятерыхъ. Да еще неизвѣстно сколько ихъ погубило при канонадѣ. Наконецъ, всѣ мѣры для защиты Лондона были дѣйствительно приняты.

Какъ на Веллингтонъ-Стритѣ, такъ и на Стрэндѣ, по словамъ брата, сразу появилось множество газетчиковъ, выкрикивавшихъ новости, и публика жадно раскупала газету. Даже omnibusы останавливались, чтобы запастись ею. На окнахъ книжныхъ лавокъ повсюду были выставлены подробные планы юго-западныхъ окрестностей Лондона, и братъ самъ видѣлъ, какъ какой-то джентльменъ, во фракѣ и желтыхъ перчаткахъ (вѣроятно, собиравшійся на вечеръ), спѣшно наклеивалъ эти планы на стекло, изнутри своего магазина.

Идя черезъ Стрэндъ къ Трафальгаръ-Сквэру, съ газетой въ рукахъ, братъ встрѣтилъ бѣглецовъ изъ Серри—мужа съ женой и двумя мальчиками, катившими передъ собою ручную тележку съ разнымъ скарбомъ, и большой фургономъ, въ которомъ сидѣло пять или шесть человекъ и лежали чемоданы, а изъ-за нихъ выглядывала морда большой собаки. Испуганныя лица и рваная одежда всѣхъ этихъ людей представляли большой контрастъ съ празднично-разодѣтой толпой, наполнявшей самую фешенебельную улицу Лондона. Доѣхавъ до Сквэра, они остановились, какъ бы въ нерѣшимости, куда повернуть, и, наконецъ, направились внизъ по Стрэнду. Потомъ проѣхалъ еще рабочій на старинномъ трехколесномъ велосипедѣ. Измученное лицо его и грязная одежда показывали, что и онъ тоже бѣжалъ отъ марсианъ.

Повернувъ по улицѣ Викторіи, къ Вестминстеръ - Бриджу, братъ сталъ

встрѣчать бѣглецовъ на каждомъ шагѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ становилось все больше и больше, такъ что, наконецъ, вся улица приняла видъ Эпсомской дороги въ день скачекъ, и полиція должна была вмѣшаться для того, чтобы регулировать движеніе. Возбужденная толпа народа провожала этотъ странный поѣздъ, разспрашивая бѣглецовъ, горячо разсуждая и жестикулируя.

Въ виду смутной надежды встрѣтить и меня въ ихъ числѣ, братъ тоже сталъ приглядываться и разспрашивать, но точныхъ свѣдѣній получить не могъ. Одинъ рабочій заявлялъ, что марсіане суть „чайники на ножкахъ, очень быстро бѣгающіе“; другой сообщилъ, что они нѣчто въ родѣ большой черепахи, двигаться почти не могутъ, но зажигаютъ здания и жарятъ людей однимъ своимъ взглядомъ. Только желѣзно-дорожный рабочій изъ Уокинга могъ дать брату кое-какія правдоподобныя свѣдѣнія.

— Уокингъ весь разрушенъ еще вчера,—говорилъ онъ.—Теперь я иду изъ Байфлита. Сегодня утромъ намъ велѣли выбираться изъ домовъ. Гусары верхами пріѣзжали. На югѣ ничего не было видно, кромѣ дыма. А потомъ стали палить пушки между Чертси и Уэйбриджемъ. Народъ оттуда валомъ повалилъ. Вотъ и я за ними тоже увязался.

Возбужденная толпа, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, стала искать виноватаго, и виноватыми, опять-таки, какъ всегда, оказались общественныя власти, не успѣвшія или не умѣвшія предупредить, устранить, вообще избавить населеніе отъ безпокойства, тревоги и несчастья.

Часовъ въ восемь вечера до Лондона стали доноситься звукипушечныхъ выстрѣловъ. Проходя по бойкимъ улицамъ, братъ не слышалъ ихъ изъ-за шума, но въ тихихъ кварталахъ и около рѣчки они были ясно слышны.

Изъ Вестминстерскаго квартала въ два часа ночи братъ повернулъ къ своей квартирѣ

около Ридженъ-Парка. Теперь онъ сталъ уже очень безпокоиться на мой счетъ и, подобно мнѣ, настроился на военно-героическій ладъ. Въ его воображеніи рисовались молчаливо ожидающія пушки, спрятанныя въ лѣсу за брустверами, и готовые погибнуть, но не пропустить неприятеля, артиллеристы; онъ видѣлъ толпы цивилизованныхъ людей, сразу превратившихся въ номадовъ; старался представить себѣ „чайники на ножкахъ“ во сто футовъ высотой...

По Оксфордъ-Стриту и Мэрилебону тоже прошли нѣсколько повозокъ съ бѣглецами, но Ридженъ-Стритъ и Портландъ-Родъ какъ будто бы ничего еще не знали о бѣдствіи, готовомъ обрушиться на Лондонъ: по нимъ цѣлую ночь гуляла толпа, довольно спокойная, несмотря на то, что до нея доносились пушечные выстрѣлы, а въ полночь ясно былъ виденъ свѣтлый слѣдъ падашаго на югѣ метеора...

Долго братъ не могъ заснуть отъ безпокойства за нашу участь. Онъ попробовалъ было даже заниматься, несмотря на поздній часъ, но это ему не удалось. Повертѣвшись на своей постели почти до зари, онъ успѣлъ, наконецъ, задремать немного, но почти тотчасъ же былъ разбуженъ колокольнымъ звономъ и стукомъ въ двери, раздававшимся по всей улицѣ. Отраженія какого-то краснаго свѣта прыгали по потолку. Съ минутку братъ не могъ сообразить, гдѣ онъ находится, и въ

чемъ дѣло. Вспомнивъ, однако же, о марсіанахъ, онъ вскочилъ и бросился къ окну.

Комната его находилась въ выступѣ верхняго этажа, и потому изъ нея видна была улица въ обѣ стороны и на далекое разстояніе. Высунувшись изъ окна, онъ увидалъ, что по ней ходятъ полисмѣны и стучать въ двери, провозглашая: „Марсіане идутъ!“ Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производилъ этотъ возгласъ на людей, только-что оторванныхъ отъ спокойнаго сна! Улица пока еще пуста, но изъ всѣхъ домовъ, въ раскрытыя окна и двери, слышится звонъ разбиваемой второпяхъ посуды и стеколь, стукъ упавшей мебели, а больше всего крики, ругательства, рыданія и переходящій изъ устъ въ уста отчаянный возгласъ: „Марсіане идутъ!“

Съ колоколенъ всѣхъ церковей раздается безпорядочный набатъ; изъ казармъ на Альбани-Стритъ слышенъ звукъ рожковъ и барабановъ; кое-гдѣ зажигаются лампы и свѣчи; изъ всѣхъ оконъ торчатъ испуганныя головы обывателей, а съ южной части небосклона льется красноватый свѣтъ отдаленнаго зарева...

Сначала улица, какъ я уже сказалъ, была почти пуста. Только одни полисмѣны пробѣгали по ней изъ дома

въ домъ. Но вотъ по мостовой пронеслась закрытая карета, при чемъ стукъ колесъ какъ бы вдругъ вырвался изъ какого-то переулка, превратился въ оглушительный грохотъ какъ разъ подъ окномъ квартиры моего брата и понемногу замеръ въ отдаленіи. Немного спустя, за каретой проѣхали два кэба, а потомъ потянулась цѣлая вереница разнообразныхъ экипажей, направляющихся къ станціямъ сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Долго братъ мой не могъ оторваться отъ этого тяжелаго, духъ захватывающаго, но дающаго сильныя эмоціи зрѣлища, какъ вдругъ дверь сзади его отворилась и вошелъ сосѣдъ по комнатѣ, тоже студентъ, въ одномъ бѣльѣ, заспанный и растрепанный.

— Кой чортъ!—сказалъ онъ.—Пожаръ, что ли, гдѣ-нибудь? Чего это народъ бѣсится?

Подойдя къ окну, онъ тоже изъ него высунулся. Кромѣ экипажей, на улицѣ теперь были и пѣшіе люди, собиравшіеся группами на тротуарѣ.

— Да въ чемъ же, наконецъ, дѣло?—спросилъ сосѣдъ.

Братъ въ краткихъ словахъ объяснилъ ему положеніе, начавъ наскоро одѣваться и безпрестанно подбѣгая къ окну, чтобы не пропустить чего-нибудь интереснаго. А интереснаго, дѣйстви-

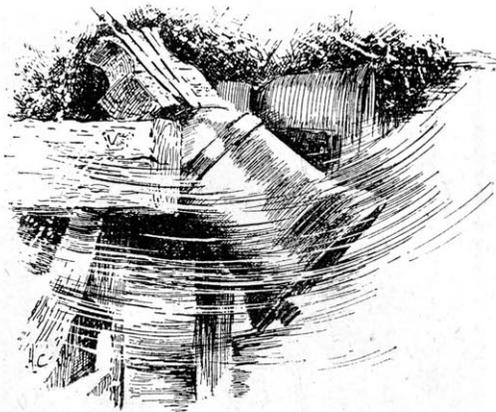
тельно, было очень много. Откуда-то уже успѣли появиться газетчики, размахивавшіе печатными листками и выкрикивавшіе:

— Лондонъ въ опасности! Кингстонскія и Ричмондскія укрѣпленія взяты марсіанами! Страшное избіеніе въ долину Темзы!

Весь громадный городъ отъ Илингъ до Иствъ-Хэма и отъ Кэмлеруэлла до Нордъ-Энда заволновался при этихъ извѣстіяхъ, какъ потревоженный муравейникъ. Повсюду только-что проснушіеся люди спѣшили одѣваться и бѣжать куда глаза глядятъ, не оцѣнивъ хорошенько опасности и не зная, какъ ея избѣжать. Лондонъ, заснувшій наканунѣ инертнымъ и беззаботнымъ, проснулся въ паническомъ страхѣ. Да, паника началась еще въ понедѣльникъ, до восхода солнца.

Одѣвшись, братъ мой вышелъ на крыльцо, какъ разъ въ то время, когда только еще начало свѣтать. Обезумѣвшія толпы народа, пѣшкомъ и въ экипажахъ, пронеслись мимо него съ крикомъ: „Черный дымъ, черный дымъ!“ Паника заразительна, и братъ, по всей вѣроятности, бросился бы бѣжать вмѣстѣ съ другими, самъ не зная куда, если бы толпа не загрозила улицы до такой степени, что трудно было сойти съ крыльца. Увидавъ газетчика, который даже и во время бѣгства не забывалъ продавать свои листки, по шиллингу каждый — забавная смѣсь паники съ жадностью — братъ взялъ у него одинъ изъ нихъ и прочелъ слѣдующую депешу главнокомандующаго войсками:

„Марсіане, при помощи ракетъ, распространяють

черный, ядовитый и удушливый дымъ. Они задушили имъ всю нашу артиллерию, разрушили Ричмондъ, Кингстонъ, Уимбольдонъ и медленно идутъ на Лондонъ, губя все встрѣчное“.

Только и всего. Но и того, конечно, достаточно, чтобы все шестимилліонное населеніе мірового города бросилось въ беспорядкѣ бѣжать къ сѣверу.

„Черный дымъ, черный дымъ!“ — кричала обезумѣвшая толпа, подъ звонъ колоколовъ, грохотъ экипажей и трескъ ломающихся въ разныхъ мѣстахъ колесъ, дверей и оконъ. Услышавъ сзади себя шаги по лѣстницѣ, братъ обернулся и увидаль свою квартирную хозяйку, закутанную въ пальто и

шаль. За нею слѣдовалъ ея мужъ, съ какими-то свертками и шкатулкой. Это напомнило брату, что нельзя же бѣжать съ пустыми руками, такъ какъ неизвестно, что можетъ случиться въ будущемъ. Вернувшись въ свою комнату, онъ захватилъ всѣ свои наличныя деньги (около десяти фунтовъ стерлинговъ), и выбѣжалъ снова на улицу!

*

XV. Что случилось въ Серри.

МАРСИАНЕ перешли въ наступленіе какъ разъ тогда, когда мы толковали со священникомъ подъ деревьями Халлифорда, и когда братъ смотрѣлъ на бѣглецовъ, двигавшихся по Вестминстеръ-Бриджу. Судя по рассказамъ, собраннымъ мною изъ разныхъ источниковъ, надо думать, что большинство марсіанъ оставалось въ ямѣ, около Хорзелли, занимаясь какими-то работами, — на это указывалъ густой зеленый дымъ, который многіе видѣли издали. Но часовъ въ восемь трое изъ нихъ пошли осторожно впередъ, черезъ Байфлитъ и Пирфордъ къ Рипли и Уэйбриджу, гдѣ и наткнулись на пушки. Марсіане шли въ одну линію, мили на полторы другъ отъ друга, переговариваясь при помощи сирены, постоянно мѣнявшей тонъ. Эти-то звуки вмѣстѣ съ пушечными выстрѣлами мы слышали, сидя со священникомъ у Халлифорда.

Около Рипли стояла полевая артиллерія, да вдобавокъ еще почти сплошь состоявшая изъ новобранцевъ, которыхъ на такое дѣло и посылать бы не

слѣдовало. Увидавъ марсіанъ, они еще издали дали по нимъ залпъ, оставшійся безъ всякаго результата, послѣ чего бросили пушки и бѣжали, такъ что марсіанамъ не пришлось даже пустить въ ходъ теплого луча. Послѣдніе, какъ говорятъ, внимательно осмотрѣвъ орудія, пошли далѣе и совершенно неожиданно напали на батарею въ Пэйнсхилль-Паркъ, которую быстро разрушили.

На Сентъ-Джорджъ-Хиллѣ стояла тяжелая артиллерія, снабженная опытной прислугой. Будучи скрыта деревьями, она подпустила къ себѣ передового марсіанина не болѣе какъ на тысячу ярдовъ и дала залпъ по тщательному прицѣлу. Тотчасъ послѣ этого залпа марсіанинъ, окруженный лопавшимися снарядами, покачнулся и упалъ, издавая пронзительный ревъ. Товарищи поспѣшили къ нему на выручку, такъ какъ у него, повидному, была переломлена только одна нога. Наскоро зарядивъ орудія, батарея дала другой залпъ по двухъ приближавшимся марсіанамъ, но артиллеристы впопыхахъ забыли, должно быть, переставить при-

цѣль, такъ что снаряды не донесло. Для третьяго залпа не оставалось уже времени: тепловой лучъ, пущенный изъ двухъ генераторовъ, расплавилъ пушки, взорвалъ зарядные ящики, зажегъ деревья и спалилъ всю прислугу, за исключеніемъ трехъ или четырехъ чело-вѣкъ, успѣвшихъ скрыться за валомъ.

Послѣ этого всѣ три марсіанина со-шлись вмѣстѣ, повидимому, на совѣтъ и простояли, по донесенію развѣдочной команды, около получаса. Раненый съ трудомъ выползъ при этомъ изъ своей брони (говорятъ, издали онъ на-поминалъ собою наука, копающагося надъ добычей) и занялся починкой сло-манной ножки. Должно быть, онъ успѣлъ въ этомъ, такъ какъ уже въ девять часовъ надъ лѣсомъ возвышались опять три неуклюжихъ клубука.

Около четверти десятаго къ тремъ передовымъ марсіанамъ присоеди-нились еще четверо, изъ коихъ каждый несъ по толстой черной трубкѣ. Такія же трубки были розданы и первымъ троицѣ. Затѣмъ всѣ семеро выстроились полукругомъ, между Сень-Джорджъ-Хиллемъ, Уэйбриджемъ, Сендомъ и Рипли.

Прежде чѣмъ они успѣли двинуться впередъ, со всѣхъ окрестныхъ холмовъ взвились ракеты, для того, чтобы пре-дупредить войска, стоявшія около Дит-тона и Эшера. Но въ то же самое время четверо марсіанъ, такъ же вооружен-

ныхъ и съ такими же трубками, пере-правились изъ Хорзелля черезъ рѣку въ Миддльсэксъ, и два нихъ прошли неподалеку отъ меня, когда мы со свя-щенникомъ ковыляли изъ Халлифорда къ сѣверу. Шли они очень тихо, и только по темнымъ силуэтамъ, рисо-вавшимся на свѣтломъ фонѣ неба и какъ бы плывущимъ надъ облаками (поля внизу были покрыты густымъ туманомъ), мы угадали, въ чемъ дѣло.

Священникъ страшно испугался и вскрикнувъ сдавленнымъ голосомъ, бро-сился бѣжать, а я, зная по опыту, что отъ такого врага не убѣжишь, легъ, на-противъ того, на землю и поползъ среди мокрыхъ отъ росы кустовъ тер-новника и крапивы, къ ближайшей канавѣ. Скоро и священникъ послѣдо-валъ моему примѣру.

Марсіане остановились. Ближайшій къ намъ повернулся къ Сенбери, а дальній, едва намъ видный,—къ Стэну.

Такимъ образомъ, вся линія марсіанъ представляла собою дугу миль въ двѣнадцать длиною. Ставъ на позиціи, они перестали перекликаться. Никогда, я думаю, со времени изобрѣтенія пороха, битвы не начинались среди такой абсолютной тишины. Какъ для насъ, такъ и для наблюдателя, нахо-дящагося въ Рипли, одиноко и непод-вижно стоявшіе марсіане должны были казаться единственными живыми суще-ствами на всей юго-западной окраинѣ

Лондона, освѣщенной въ это время только молодою луною, звѣздами да догорающими лучами зари.

Между тѣмъ повсюду, въ Стэнѣ, Хоунслоу, Диттонѣ, Эшерѣ, Окхэмѣ и другихъ мѣстахъ, скрываясь въ густой травѣ, за деревьями, домами и высокими насыпями, лицомъ къ марсіанамъ стояли пушки, окруженныя многочисленной прислугой. Сигнальныя ракеты давно уже разсыпались въ воздухъ, а тишина все-таки не прерывалась. Ожиданіе атаки дошло до крайняго напряженія. Стоитъ марсіанамъ войти въ сферу артиллерійскаго огня, и всѣ эти неподвижно стоящіе люди, всѣ эти сотни пушекъ, едва видныхъ въ темнотѣ, сразу оживутъ, наполняя воздухъ громомъ и превращая всю страну въ адъ кромѣшный, въ кашу изъ лопающихся снарядовъ, искръ, дыма и осколковъ, разлетающихся по всѣмъ направленіямъ...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для всѣхъ присутствовавшихъ, такъ же какъ и для меня лично, главной задачей было рѣшить вопросъ о томъ, насколько вѣрно марсіане насъ понимаютъ. Соображали ли они, что родъ человѣческой организованъ, дисциплинированъ, работаетъ сообща, по заранее обдуманному плану? Или они считаютъ насъ чѣмъ-то въ родѣ растревоженнаго улья пчель, въ которомъ каждый индивидуумъ инстинктивно дѣйствуетъ хотя и на общую пользу, но лишь по собственному крайнему разумѣнію? Ужъ не думаютъ-ли они истребить насъ въ концѣ (въ это время никто еще не зналъ, чѣмъ они питаются)? Тысячи такихъ вопросовъ вертѣлись въ моей головѣ, пока я наблюдалъ за молчаливымъ и неподвижнымъ гигантомъ, стоявшимъ неподалеку отъ меня. Затѣмъ мысли мои обратились въ другую сторону. Достаточно ли серьезно отнеслись къ дѣлу наши общественныя власти? Заготовили ли онѣ волчьи ямы и мины на пути марсіанъ? Достанетъ ли у лондонскаго населенія духа превратить свой городъ въ новую Москву, передъ нашествіемъ новаго антихриста?

Послѣ долгаго—безконечнаго, какъ намъ показалось—ожиданія послышался звукъ какъ бы отдаленнаго, одинокаго пушечнаго выстрѣла, донесшійся до насъ въ видѣ легкаго дуновенія, пробиравшагося черезъ стебли вереска. За нимъ послѣдовали другой, третій, четвертый—все ближе и ближе. Тогда стоявшій передъ нами марсіанинъ поднялъ свою трубу къверху и выстрѣлилъ изъ нея, какъ изъ пушки, съ такимъ сильнымъ громомъ, что земля вокругъ насъ задрожала. Минуту спустя, и товарищъ его сдѣлалъ то же. При этихъ выстрѣлахъ не было видно ни дыма, ни огня, а слышался только оглушительный и рѣзкій звукъ.

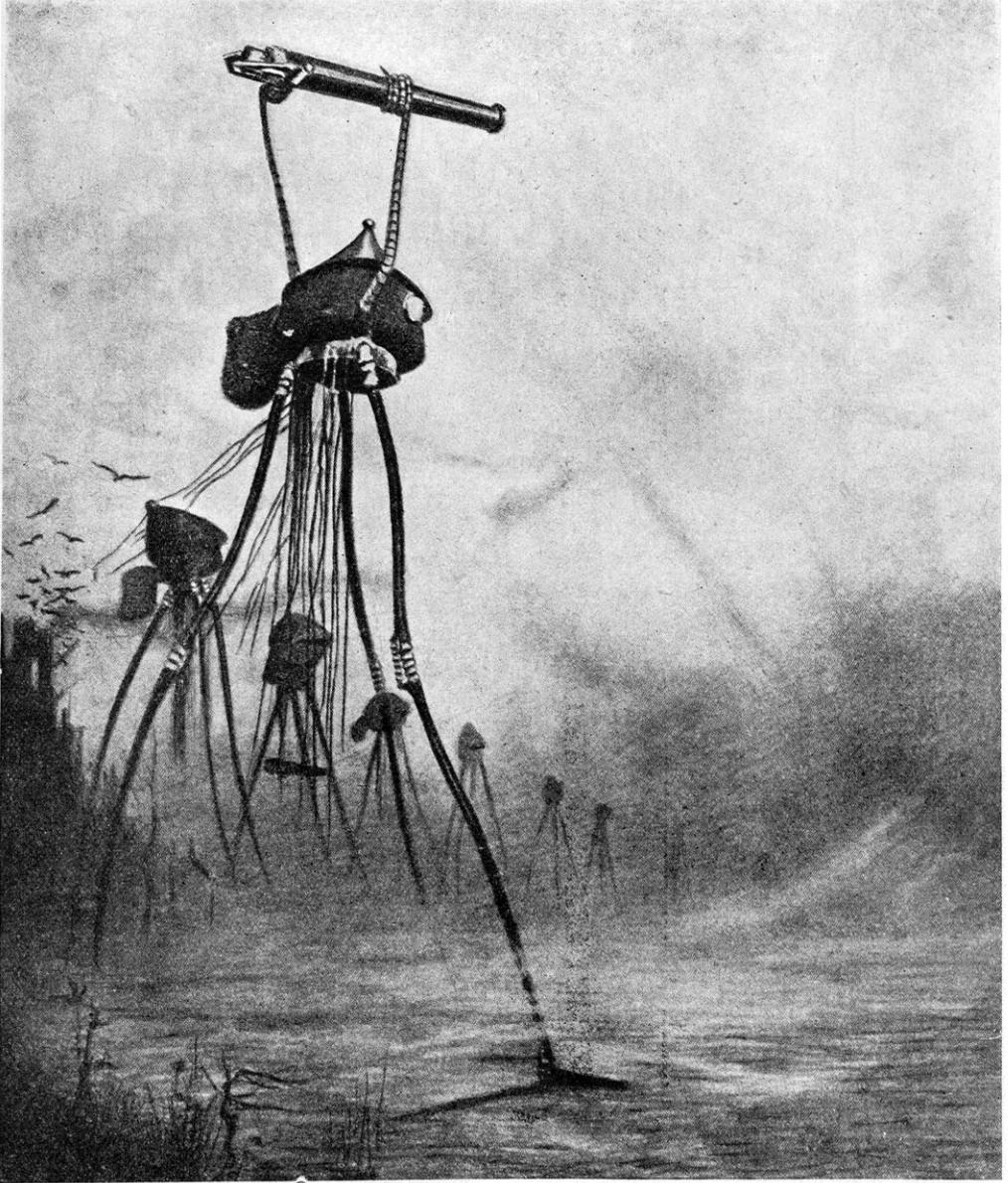
Я былъ такъ возбужденъ выстрѣлами, слѣдовавшими другъ за другомъ съ промежуткомъ въ одну минуту, что совсѣмъ забылъ о личной безопасности и о своихъ обоженныхъ рукахъ, выкарабкался изъ канавы и сталъ смотрѣть въ сторону Сенбери. Какъ разъ въ это время выстрѣлили второй марсіанинъ, и я слышалъ, какъ надъ моей головою, въ сторону Хоунслоу, пролетѣлъ какой-то тяжелый снарядъ,—но опять-таки ни дыма, ни огня я не видалъ и даже взрыва его на мѣстѣ назначенія не слышалъ. Все затихло вокругъ. Я видѣлъ только темно-синее небо, усѣянное звѣздами, да молочно-бѣлый туманъ, надъ которымъ едва видна была голова ближайшаго марсіанина. Такъ прошло минуты три.

— Что случилось?—прошептала священникъ, очутившійся рядомъ со мною.

— Богъ знаетъ!—отвѣчала я также шепотомъ.

Прошмыгнула летучая мышь и исчезла. Гдѣ-то вдали раздались крики и замолкли. Я взглянулъ на марсіанина и увидалъ, что онъ идетъ по берегу рѣки къ востоку.

Каждую минуту ждалъ я залпа какой-нибудь батареи, на которую онъ наткнется, но молчаніе не прерывалось. Фигура марсіанина становилась все меньше и, наконецъ, исчезла въ туманѣ. Въслѣдствіе бессознательнаго импульса, мы взобрались повыше на

Вся семеро марсианъ встроились полукругомъ...

холмъ, но и оттуда ничего не увидали. Въ сторонѣ Сенбери какъ бы выросло какое-то темное, коническое возвышеніе, мѣшавшее видѣть дальше. За рѣкою, надъ Уольтономъ, стояло другое такое возвышеніе, и оба они на нашихъ глазахъ какъ бы расплывались,

становясь ниже и шире. Взглянувъ на сѣверъ, я увидѣлъ и тамъ такое же расплывающееся коническое возвышеніе или тѣнь.

Все вдругъ сразу какъ-то еще болѣе затихло. Только на юго-востокѣ слышались перекликанія марсианъ, и

затѣмъ послѣдовали еще два или три выстрѣла ихъ пушекъ. Земныя пушки молчали.

Въ то время мы не могли, конечно, понять, въ чемъ дѣло, но позже я узналъ, что такое, въ сущности, были замѣченныя мною коническія возвышенія. Каждый изъ марсіанъ, стоявшихъ на линіи, по какому-то сигналу выпустилъ изъ своей пушкообразной трубки большой снарядъ, похожій на простую банку, прицѣливаясь въ такія мѣста—холмы, лѣса, зданія,—которыя могли служить прикрытіемъ для пушекъ. Иные изъ марсіанъ выпустили по два снаряда, а около Риши, по рассказамъ, было выпущено даже цѣлыхъ пять. Ударяясь о землю, снарядъ разбивался (безъ взрыва), выпуская громадное количество угольно-чернаго дыма или пара, который поднимался сначала кверху, а потомъ конусомъ падалъ внизъ, наводняя окрестности и пробираясь даже во всѣ трещины зданій. Дымъ этотъ, или паръ, былъ страшно ядовитъ и убивалъ все живое.

Изъ чего онъ состоялъ—мы до сихъ поръ не знаемъ. Извѣстно лишь, что въ составъ его входилъ какой-то новый элементъ, дающій, при спектральномъ анализѣ, четыре линіи въ голу-

бой части спектра. Но свойства его въ высшей степени замѣчательны и не встрѣчаются ни въ какомъ изъ земныхъ тѣлъ. „Черный дымъ“, во-первыхъ, былъ странно тяжелъ—тяжелѣе, чѣмъ какое-нибудь другое газообразное вещество, не исключая углекислоты и паровъ брома. Поднявшись вверхъ (да и то не очень высоко) послѣ разбитія банки, онъ тотчасъ же падалъ на землю и разстилался по ней тонкимъ слоемъ, стекавшимъ съ горъ въ долины, почти какъ настоящая жидкость. При соприкосновеніи его съ водою происходила какая-то химическая реакція, въ силу которой онъ тотчасъ же превращался въ тонкій черный порошокъ, плававшій въ родѣ пѣны и затѣмъ медленно тонувшій. Порошокъ этотъ оказался абсолютно нерастворимымъ въ водѣ и совершенно безвреднымъ: многіе пили воду, къ которой онъ былъ примѣшанъ. Самый дымъ, повидимому, совсѣмъ не подчинялся законамъ диффузіи газовъ,—изъ чего и слѣдуетъ заключить, что онъ дѣйствительно былъ дымъ, то-есть порошокъ, плавающій въ какомъ-то газѣ, можетъ быть, въ углекислотѣ. На ровныхъ мѣстахъ онъ собирался какъ бы въ лужи, медленно осѣдая на почву и измѣняясь при соприкосновеніи съ ея влагою.

Изъ этого описанія свойствъ „чернаго дыма“ видно, что стоило лишь влѣзть на дерево или подняться въ верхній этажъ дома, чтобы спастись отъ него. Послѣ я узналъ, что именно такъ многіе и поступали.

Одинъ человѣкъ, спасшійся такимъ образомъ на колокольнѣ церкви въ Кобгэмѣ, принужденъ былъ просидѣть въ своемъ заключеніи почти двое сутокъ безъ пищи и питья, на жгучемъ солнечномъ припекѣ. Все пространство внизу казалось ему какимъ-то чернымъ бархатнымъ моремъ, изъ котораго выступали бѣлыя стѣны и красныя крыши домовъ. Море это убывало очень медленно (Кобгэмъ стоитъ на ровной мѣстности), оставляя за собою чернѣйшій налетъ на всемъ, что закрывало.

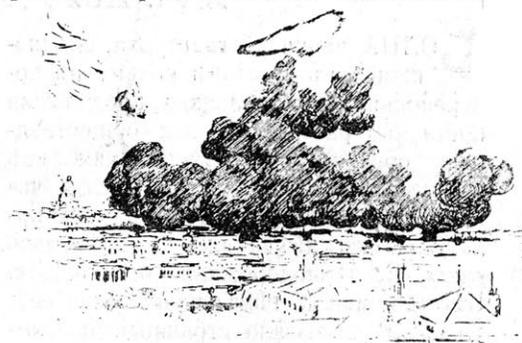
Но такъ было только въ Кобгэмѣ, гдѣ дымъ предоставленъ былъ своей участи до тѣхъ поръ, пока не измѣнился отъ соприкосновенія съ почвенной и атмосферной влагой. Въ другихъ мѣстахъ марсіане удаляли чернѣйшій дымъ тотчасъ же, какъ только роль его была кончена. Для этого стоило только пустить въ него струю водяного пара, какъ я самъ видѣлъ изъ окна одного брошеннаго обывателями дома, куда мы со священникомъ въ ту же ночь спрятались. Изъ того же окна видѣли мы электрической свѣтъ, направляемый съ батарей Ричмонда и Кингстона, для отысканія марсіанъ. Около одиннадцати часовъ услышали мы выстрѣлы тяжелыхъ орудій, стоявшихъ тамъ на позиціи. Стрѣльба продолжалась съ четверть часа, а затѣмъ она умолкла и электрической свѣтъ погасъ, замѣнившись заревомъ пожара.

Въ двѣнадцать часовъ ночи въ видѣ метеора упалъ четвертый цилиндръ, освѣтивъ все небо яркимъ зеленымъ свѣтомъ. Упалъ онъ, какъ послѣ намъ стало извѣстно, въ Бьюти-Паркъ. Немного раньше пушечныхъ выстрѣловъ съ Ричмонда и Кингстона мы слышали безпорядочную канонаду на дальнемъ юго-западѣ. Надо думать, что тамъ артиллерія стрѣляла наугадъ, пока чернѣйшій дымъ не задушилъ всю прислугу.

Такимъ образомъ, обдуманно, методически, какъ люди выкуриваютъ ось изъ ихъ ульевъ или лисицъ изъ норъ, марсіане выкурили подгородное населеніе Лондона. Концы дуги, образуемой ихъ фронтомъ, стали расходиться до тѣхъ поръ, пока она превратилась въ линію, идущую черезъ Хантуэлль, Кумбъ и Мальденъ. Наступленіе продолжалось цѣлую ночь. Съ тѣхъ поръ какъ одному изъ марсіанъ, подъ Сепъ-Джорджъ-Хиллемъ переломили ногу, ни одинъ изъ нихъ не подставлялъ себя подъ выстрѣлы артиллеріи. Гдѣ пушки были видны, тамъ онѣ уничтожались тепловымъ лучомъ, а гдѣ можно было только подозрѣвать ихъ присутствіе, туда марсіане пускали чернѣйшій дымъ.

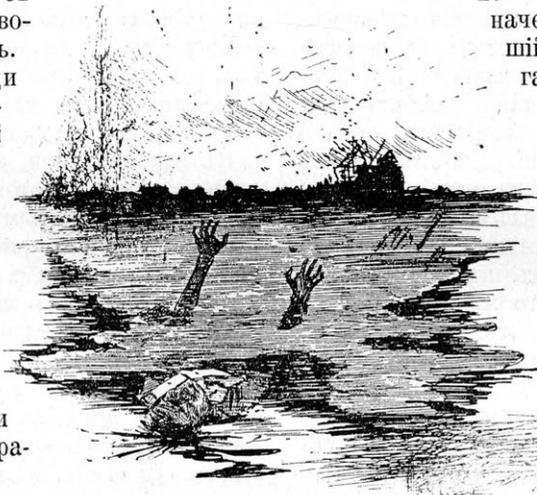
Въ полночь деревья, горящія на склонахъ Ричмонда и Кингстона, освѣтили передъ нашими глазами цѣлое море чернаго дыма, покрывавшаго всю долину Темзы, на сколько могъ охватить глазъ. По этому морю медленно расхаживали два марсіанина, поливая его, такъ сказать, струями пара.

Въ эту ночь они, очевидно, берегли тепловой лучъ,—потому ли, что запасъ матеріаловъ, нужнымъ для его произведенія, у нихъ истощился, или потому, что они не хотѣли въ конецъ разорить страну, а желали лишь преодолѣть наше противодѣйствіе. Последнее имъ, конечно, вполне удалось. Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ была послѣднею въ дѣлѣ организованнаго сопротивленія власти пришельцевъ съ Марса. Даже команды миноносковъ, введенныхъ въ Темзу съ запасами мивъ разнаго сорта, отказались повиноваться

и отвели свои суда обратно въ море. Единственными оборонительными мѣрами, которыя были приняты въ эту ночь, оказались закладки минъ и рытье волчьихъ ямъ,—но и то дѣлалось какъ-то судорожно, не систематично.

Можно себѣ представить судьбу батарей, погибшихъ отъ чернаго дыма! Очевидцевъ ни одного не осталось. Вообразите себѣ, въ какомъ строгомъ порядкѣ и съ какимъ напряженнымъ ожиданіемъ стояла команда, съ офицерами на опредѣленныхъ мѣстахъ, съ зарядными ящиками на опредѣленной дистанціи и съ группами постороннихъ зрителей на такомъ разстояніи, на какомъ имъ позволили стоять. Тутъ и фуры для раненыхъ, тутъ и госпитальныя палатки съ женевскими крестами на флагахъ и полахъ занавѣсокъ. Полусвѣтъ. Все тихо. Всѣ молчатъ или говорятъ шопотомъ. Вдругъ впереди слышится выстрѣлъ, незнакомый по темпу; пасть головами пролетаетъ снарядъ, незнакомый по звуку полета, и... сразу наступаетъ смерть, безпощадная смерть, причины которой тоже непонятны и незнакомы... Вообра-

зите себѣ также это внезапное напряженіе вниманія людей, видящихъ какъ къ нимъ быстро, но неслышно подкатывается,—можетъ быть, сзади, такъ что не всѣ ее замѣчаютъ,—волна чернаго дыма, при чемъ каждый захваченный ею падаетъ, даже не успѣвъ вскрикнуть. Кричатъ только тѣ, которые уже видѣли смерть своихъ товарищей, и бѣгутъ, бросая пушки, бѣгутъ отчаянно, чувствуя, что не убѣжать имъ отъ разливающегося чернымъ потокомъ дыма, какъ отъ воды, внезапно прорвавшейся плотину.

А затѣмъ — ночь, мракъ, пустота, молчаніе. Только груды тѣлъ лежатъ на землѣ, наполовину закрытыя волнующимся чернымъ бархатнымъ покровомъ, да чудовищныя пушки сумрачно смотрятъ въ небо, какъ бы сами не понимая своего предназначенія, разъ управлявшій ими интеллектъ погасъ...

Еще до разсвѣта волны чернаго дыма залили весь юго-западъ лондонскихъ предмѣстій, и выбитое изъ колеи правительство, въ видѣ послѣдняго, судорожнаго усилія, рекомендовало всему населенію міроваго города... бѣжать!

XVI. Исходъ изъ Лондона.

ВОЛНА паническаго страха, поднявшаяся въ Лондонѣ ночью, съ воскресенья на понедѣльникъ, продолжала постоянно расти, разрушая общественную организацію и уничтожая всѣ связи между людьми. Къ десяти часамъ утра въ городѣ не было уже полиціи, а къ двѣнадцати разстроилась даже желѣзнодорожная организація. Бѣгство, между тѣмъ, начавшееся еще до свѣта, вызывало страшныя скопле-

нія людей на пароходныхъ пристаняхъ, станціяхъ и вообще по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ сѣверу и востоку.

Въ полдень на желѣзнодорожныхъ станціяхъ происходили побоища изъ-за мѣстъ. Въ три часа такія побоища, сопровождаемыя выстрѣлами изъ револьверовъ, происходили даже на улицахъ, ведущихъ къ станціямъ и сплошь запруженныхъ народомъ. Между тѣмъ,

машинисты и прислуга поѣздовъ, разъ ушедшихъ изъ Лондона, не соглашались возвращаться туда, такъ что подвижного состава на лондонскихъ станціяхъ становилось все меньше и меньше. Въ довершеніе ужаса, въ Барнетъ, то-есть уже на границѣ самаго города, показался марсіанинъ, и черный дымъ затопилъ низкія мѣста нѣсколькихъ юго-восточныхъ кварталовъ, среди которыхъ только обыватели Кэстль-Хилля уцѣлѣли, но оказались отрѣзанными на своемъ холмѣ, не имѣя никакой возможности сойти съ него.

Послѣ безплодныхъ стараній попасть на одинъ изъ поѣздовъ съ Чокъ-Фэрмской станціи (гдѣ толпа чуть не убила машиниста на товарномъ локомотивѣ за то, что онъ пригрозилъ про па х а т ь сквозь нее путь для поѣзда), братъ вышелъ на Чокъ-Фэрмъ-Родъ, пробрался черезъ потокъ экипажей и былъ такъ счастливъ, что чуть не первымъ попалъ на разграбленіе магазина велосипедовъ. Вытащивъ нѣсколько попорченную машину черезъ окно и поплатившись при этомъ своими боками, онъ выбрался на Бельсайзъ-Родъ, такъ какъ иначе негдѣ было проѣхать: улицы завалены были сломанными экипажами и запружены народомъ. Изъ Бельсайзъ-Рода онъ повернулъ на Эджвэръ-Родъ, гдѣ уже было гораздо свободнѣе, такъ что часамъ къ семи, усталый и голодный, онъ достигъ Эджвэра, обогнавъ толпу, которая, впрочемъ, выйдя изъ Лондона, успокоилась понемногу. Люди останавливались, собирались въ группы, отдыхали, толковали между собою. Множество велосипедистовъ, нѣсколько верховыхъ и два автомобиля, обгоняя экипажи, ѣхали по одному направленію съ братомъ. За милю отъ Эджвэра машина его сломалась. Бросивъ ее на дорогѣ, братъ пошелъ пѣшкомъ. На главной улицѣ городка лавки были отперты, и жители толпились у оконъ и дверей, удивляясь странной процессіи, тянувшейся передъ ихъ глазами. Въ одномъ изъ трактирчиковъ братъ успѣлъ даже хорошо пообѣдать, слѣдя черезъ окно за бѣглецами.

Сначала мимо него проносились только велосипедисты и автомобили; затѣмъ поѣхали разнообразныя экипажи, поднявшіе страшную пыль. Толпа росла, но все же не до такой степени, какъ на лондонскихъ улицахъ. Никакихъ новостей никто изъ бѣглецовъ, конечно, не зналъ.

Отдохнувъ немного, братъ задумался о томъ, куда ему дѣваться. Вспомнивъ, что въ Чельмсфордѣ у него есть друзья, онъ рѣшилъ идти туда и съ этой цѣлью повернулъ въ переулочекъ, ведущій къ востоку, затѣмъ вышелъ на проселочную дорогу. Идя по ней, онъ миновалъ нѣсколько фермъ и маленькихъ городковъ, названія которыхъ даже не помнитъ. Бѣглецовъ теперь уже не встрѣчалось. Только у Хай-Барнета онъ догналъ двухъ дамъ, при чемъ попалъ какъ разъ во-время, чтобы спасти ихъ отъ разбойниковъ. Услышавъ издали какіе-то крики и повернувъ за уголъ длиннаго забора, онъ увидалъ, что какіе-то два оборванца стараются стащить дамъ съ пони-шэза, тогда какъ третій держитъ подъ уздцы испуганнаго пони. Одна изъ этихъ дамъ, маленькая, и бѣлокурая, отчаянно кричала, а другая—стройная брюнетка правой рукой изъ всѣхъ силъ била хлыстомъ по лицу оборванца, который тащилъ ее за лѣвую руку.

Братъ тотчасъ же съ крикомъ бросился на помощь. Одинъ изъ оборванцевъ оставилъ блондинку и повернулся къ нему лицомъ, засучивая

рукава. Будучи опытнымъ боксеромъ, братъ не отступилъ передъ дракой и первымъ же ударомъ свалилъ своего противника подъ колеса экипажа. Послѣ этого подвига онъ схватилъ, было, за шиворотъ другого оборванца, дравшагося съ брюнеткой, но въ это время послѣдняя задѣла его, вѣроятно, нечаянно хлыстомъ по лицу, а третій оборванецъ, бросивъ пони, ударилъ брата по переносицѣ, такъ что онъ чуть не упалъ и принужденъ былъ выпустить своего плѣнника, тотчасъ же пустившагося бѣжать. Пони въ это время понесъ дамъ вдоль по переулку, причемъ братъ видѣлъ, какъ экипажъ ихъ бросало изъ стороны въ сторону, съ ежеминутной опасностью опрокинуться.

Очнувшись немножко отъ удара, братъ замѣтилъ, что убѣжавшій было оборванецъ вновь возвращается и что ему, такимъ образомъ, придется имѣть дѣло съ двумя противниками. Чувствуя, что не справиться съ ними, онъ, въ свою очередь, побѣжалъ вслѣдъ за экипажемъ, но споткнулся и упалъ. Оборванцы готовы уже были напасть на него, при чемъ, конечно, брату пришлось бы раскаяться въ своемъ донкихотствѣ, но спасенная имъ брюнетка успѣла повернуть лошадь и мчалась теперь къ нему на помощь, съ револьверомъ въ рукахъ. Этотъ револьверъ былъ у нея, должно быть, гдѣ-нибудь въ карманѣ или подъ сидѣньемъ, и она не успѣла воспользоваться имъ при нечаянномъ нападеніи. Ярдахъ въ шести разстоянія отъ борющейся группы она выстрѣлила, при чемъ едва не убила брата. Выстрѣлъ этотъ, однако же, произвелъ магическое дѣйствіе на оборванцевъ: одинъ изъ нихъ тотчасъ же бросился бѣжать, а скоро и другой послѣдовалъ примѣру товарища, хотя и проклиная его трусость. Около третьяго оборванца, продолжавшаго лежать безъ чувствъ на дорогѣ, оба товарища остановились.

— Возьмите скорѣе револьверъ, — сказала брюнетка, выскакивая изъ пони.

— Садитесь назадъ въ экипажъ, — отвѣчалъ братъ, вытирая кровь изъ разсѣченной губы.

Оба они дрожали отъ волненія. Брюнетка послушно пошла назадъ къ толстой дамѣ, которая едва справлялась съ испуганной лошадыю.

Разбойники, вѣроятно, рѣшились отступить. Когда братъ оглянулся, они всѣ трое удалялись въ противоположную сторону.

— Я сяду здѣсь, если позволите, — сказалъ братъ, вскакивая на заднее сидѣнье.

Взглянувъ на него черезъ плечо, брюнетка взяла вожжи, щелкнула бичомъ, и черезъ минуту поле сраженія, на которомъ онъ чуть не погибъ, навсегда исчезло изъ глазъ брата.

Такимъ образомъ, совершенно неожиданно, весь въ крови и съ разсѣченной губой, онъ оказался спутникомъ и тѣлохранителемъ двухъ неизвѣстныхъ дамъ.

Скоро, впрочемъ, онъ узналъ, что одна изъ нихъ была женою, а другая — младшею сестрою одного врача, жившаго въ Стэнмурѣ. Возвращаясь ночью отъ больного, врачъ этотъ на какой-то станціи услышалъ о нашествіи марсіанъ поспѣшилъ домой, разбудилъ своихъ дамъ, уложилъ съ ихъ помощью (служанка ушла дня два тому назадъ) кое-какіе пожитки, сунулъ револьверъ подъ сидѣнье — къ счастью, для брата — и послалъ ихъ въ Эджвэръ, съ надеждою застать тамъ поѣздъ, а самъ остался изъ-за какихъ-то дѣлъ, надѣясь догнать дамъ къ половинѣ пятаго утра. Но вотъ теперь уже девять часовъ, а его все нѣтъ. Дамы не хотѣли оставаться въ Эджвэрѣ, среди сумятицы, которая тамъ царствуетъ, и поѣхали шажкомъ навстрѣчу своему кавалеру. Тутъ-то вотъ и напали на нихъ разбойники.

Вся эта исторія была рассказана моему брату отрывками на пути въ Нью-Барнетъ. Онъ обѣщалъ остаться съ дамами до прибытія доктора или хоть до того времени, когда онъ окончательно рѣшатъ, что съ собою дѣ-

лать, а для ихъ ободренія провозгласилъ себя чуть ли не первымъ стрѣлькомъ изъ револьвера во всей Англїи, хотя, кажется, никогда и въ рукахъ не держалъ этого полезнаго инструмента.

Не доѣзжая до Нью-Барнета, путешественники сдѣлали привалъ на травкѣ возлѣ дороги, гдѣ распряженный пони почувствовалъ себя совсѣмъ счастливымъ. Братъ разсказалъ дамамъ все, что зналъ, о марсіанахъ, описалъ панику въ Лондонѣ и свое изъ него бѣгство. Солнце къ тому времени поднялось уже высоко и сильно припекало; разговоръ понемногу истощился, и собесѣдникамъ стало почему-то неловко. Прошло нѣсколько пѣшеходовъ, у которыхъ братъ освѣдомлялся о новостяхъ, но ничего новаго не узналъ; несмотря на это, однако же, въ умѣ его постоянно оформливалась мысль о томъ, что не только Лондонъ, но и вся Англїя, можетъ быть, даже вся земля въ опасности и что необходимо теперь же бѣжать куда-нибудь подальше. Эту мысль онъ сообщилъ своимъ дамамъ.

— Деньги у насъ есть, — сказала брюнетка, какъ бы въ нерѣшимости.

— И у меня тоже, — замѣтилъ братъ.

При ближайшемъ разсмотрѣнїи оказалось, что у дамъ имѣется цѣлыхъ тридцать фунтовъ, кромѣ пятифунтовой ассигнаціи и мелочи. Съ этими деньгами онѣ намѣревались сѣсть на

какой-нибудь поѣздъ, добравшись до Сентъ-Альбани или Нью-Барнета. Но братъ полагалъ, что въ этихъ городкахъ будетъ такая же давка, какъ въ Лондонѣ, и думалъ, что слѣдуетъ ѣхать до Гарвича, а оттуда уже слѣдовать за границу.

Мистриссъ Эльфинстонъ — такъ звали бѣлокурую даму — ничего не хотѣла ни слушать, ни рѣшать безъ своего „Джорджа“; невѣстка ея, напротивъ того, относившаяся ко всему въ высшей степени спокойно и разумно, вполне согласилась съ братомъ. Поэтому вся компанія отправилась въ Барнетъ, намѣреваясь пересѣчь тамъ сѣверную дорогу. Братъ велъ пони въ поводу, чтобы сберечь его силы сколько можно.

Становилось невыносимо жарко. Мелкій бѣлый песокъ дороги положительно обжигалъ подошву. Придорожная трава была сѣра отъ пыли. По мѣрѣ приближенія къ Барнету, все слышнѣе становился шумъ голосовъ и экипажей. Начали встрѣчаться прохожіе въ большей части случаевъ утомленные дальней дорогой и измученные впечатлѣніями. Какой-то господинъ во фракѣ, но безъ шляпы, положительно походилъ на сумасшедшаго. Сначала онъ шелъ смирно, смотря на землю, а потомъ запустилъ одну руку къ себѣ въ волосы, а другою сталъ наносить удары какому-то невидимому врагу. Скоро, однако же, этотъ припадокъ злости прошелъ, и субъектъ во

фрактъ опять пошелъ потихоньку, бормоча что-то про себя.

На перекресткѣ, южнѣе Барнета, нашимъ путешественникамъ встрѣтилась женщина, съ ребенкомъ на рукахъ и двумя другими дѣтьми, державшимися за ея подолъ. Сзади шелъ

грязно одѣтый мужчина, съ толстой палкой и пледомъ. Затѣмъ, на поворотѣ переулка, между двумя хорошенькими виллами съ той и другой стороны, проѣхала телѣжка, запряженная взмыленнымъ пони и управляемая мальчишкой, который сталъ совсѣмъ сѣрымъ отъ пыли. Въ телѣжкѣ сидѣли три дѣвочки, вѣроятно, работницы съ Истъ-Эндскихъ фабрикъ, и двое маленькихъ дѣтей.

— Прѣдемъ мы здѣсь на Эджвэръ?— спросилъ запыленный возница и, не поблагодаривъ за отвѣтъ, ударилъ по лошади.

Въ это время братъ замѣтилъ легкій сѣренькій дымокъ, поднимавшійся изъ группы домовъ съ лѣвой стороны дороги и застилавшій широкую террасу одного изъ нихъ. Почти тотчасъ же мистриссъ Эльфинстонъ вскричала, что она видитъ и пламя, пробивающееся по одной изъ стѣнъ строенія.

Смутный шумъ, давно уже доносившійся до слуха путешественниковъ, сразу сталъ оглушительнымъ, когда они, завернувъ за уголъ забора, выѣхали на большую дорогу.

— Боже мой! — воскликнула мистриссъ Эльфинстонъ, — куда это мы заѣхали?

Да и въ самомъ дѣлѣ можно было задать такой вопросъ. Большая дорога была сплошь залита народомъ, какъ лондонскія улицы въ это утро. Кареты, коляски, фургоны разнаго рода, верховые, велосипедисты, пѣшие люди всѣхъ званий и возрастовъ текли по ней

широкимъ потокомъ, въ клубахъ густой пыли, не позволявшей ясно разглядѣть подробностей. Шумъ стоялъ невообразимый: стукъ колесъ по мостовой, крики кучеровъ, хлопанье бичей, стоны и проклятія стѣнной стояли въ воздухѣ. Вдобавокъ ко всему этому хаосу, одна изъ виллъ на большой дорогѣ, дѣйствительно, горѣла, посылая на толпу клубы черного дыма. А сверху немилосердно жгло солнце, и ни малѣйшій вѣтерокъ не относилъ пыли въ сторону и не освѣжалъ истомленныхъ путниковъ.

Братъ остановилъ лошадь. Прошли двое рабочихъ. Затѣмъ прошла грязная и рыдающая женщина съ какимъ-то узломъ на плечахъ. Затѣмъ проѣхала громадная собака, очевидно потерявшая хозяина. Свѣсивъ на сторону красный языкъ, съ котораго капала слюна, она стала обнюхивать пони, очевидно очень этимъ недовольнаго. Братъ хлопнулъ бичемъ, и собака убѣжала.

Людской потокъ, тѣмъ временемъ, несясь по большой дорогѣ, ни на минуту не останавливаясь.

— Дорогу! Дайте дорогу!— раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Взглянувъ по направленію къ Лондону, братъ видѣлъ только сплошную толпу грязныхъ, запыленныхъ и спѣшащихъ людей. Самыя разнообразныя фигуры, съ неясными отъ пыли очертаніями, сливались вдали въ какую-то сѣрую массу, которая, по приближеніи, распадалась на отдѣльныя личности, вновь сливавшіяся другъ съ другомъ, когда толпа проходила мимо.

— Дорогу! Дайте дорогу! Проходите!

Братъ, какъ очарованный, держа пони подъ уздцы, медленно велъ его по переулку, направляясь къ большой дорогѣ.

Въ Эджвэрѣ была суматоха; на Чокъ-Фермской станціи—давка, а здѣсь, здѣсь это былъ свободный потокъ, походъ цѣлаго населенія, переносащаго своихъ пенатовъ на другое мѣсто, въ другую страну. Нѣчто въ родѣ исхода евреевъ изъ Египта.

— Пропустите! Пропустите!—раздались вдруг крики въ толпѣ. Вотъ они! Пропустите!

Посреди толпы медленно двигалась открытая коляска, въ которой стоялъ слѣпой старикъ въ мундирѣ полковника Арміи Спасенія. Размахивая руками, онъ рѣзкимъ голосомъ кричалъ:

— Вѣчность! Вѣчность! Вѣчность предъ нами!

Крикъ этотъ слышался даже и тогда, когда коляска скрылась изъ вида, исчезнувъ въ облакахъ пыли. Кромѣ нѣсколькихъ личностей, пѣшкомъ сопровождавшихъ коляску, народъ, впрочемъ, мало обратилъ на нее вниманіе. Иные, сидя въ своихъ экипажахъ, тупо смотрѣли на процессію, другіе толкались и ссорились между собою, а нѣкоторые, дойдя до полного изнеможенія, лежали по краямъ дороги въ какомъ-то полузабытьѣ.

— Пропустите! Пропустите! Вѣчность! Вѣчность!—слышалось издали.

Оборванцы, хорошо одѣтыя дамы и дѣти, клерки, приказчики, рабочіе, солдаты, лица въ спортсменскихъ костюмахъ, омнибусы, почтовые телѣжки, платформы ломовыхъ извозчиковъ, даже коробъ для вывоза нечистотъ, съ надписью: „Приходъ Св. Панкратія“,— все это, нагруженное людьми, валомъ валило мимо брата съ его дамами, стоявшихъ теперь у самаго выѣзда на большую дорогу.

Несмотря на разнообразіе состава, на всей толпѣ лежалъ одинъ и тотъ же отпечатокъ страха и крайней усталости. Всѣ спѣшили уйти какъ можно подальше отъ опасности, очевидно не думая о томъ, куда идти и что ихъ ждетъ въ будущемъ. Запекшіяся отъ жажды уста, налитые кровью глаза, ускоренное, тяжелое дыханіе,—все показывало, что каждый въ этой толпѣ заботится теперь только о своей безопасности и готовъ бы былъ столкнуть въ канаву отца родного, лишь бы очистить себѣ путь. Подъ вліяніемъ паническаго страха, пыли жары и усталости, цивилизованное человѣчество какъ бы одичало...

Нѣкоторые сворачивали въ переулокъ, въ которомъ стоялъ мой братъ, отчасти добровольно, желая отдохнуть, а отчасти выбрасываемые чѣмъ-то въ родѣ человѣческаго водоворота, образовавшагося въ этомъ мѣстѣ. Большая дорога была такъ переполнена идущими и ѣдущими, что крайніе выталкивались съ нея въ переулокъ. Такіе, впрочемъ, тотчасъ же опять окунались въ водоворотъ, а добровольно свернувшіе оставались въ переулкѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, на примѣръ, какой-то господинъ со сломанной ногою, котораго двое друзей (счастливецъ, у него и въ это время нашлись друзья!) принесли на пледъ и уложили на травку. Неподалеку отъ этой группы сидѣлъ старикъ военнаго вида, съ сѣдыми усами, приковылявшій въ переулокъ, сильно хромя, и теперь вынимавшій изъ праваго сапога мелкіе камешки, которые до крови рестерли ему ногу. Прибѣжала дѣвочка лѣтъ восьми или девяти и съ плачемъ бросилась на траву, восклицая:

— Я не могу больше идти! Не могу!

Братъ поднялъ ее и понесъ къ мистриссъ Эльфинстонъ, при чемъ она тотчасъ же замолчала, повидимому, испугавшись.

Не успѣлъ онъ, однако же, донести дѣвочку до экипажа, какъ изъ толпы выскочила плачущая женщина и бросилась къ нимъ съ крикомъ: „Элленъ! Элленъ!“ При этомъ крикъ дѣвочка чуть не вырвалась изъ рукъ брата, крича въ свою очередь: „Мама!“

Проскакалъ какой-то господинъ верхомъ на лошади, что-то бормоча и, очевидно, самъ не понимая, зачѣмъ онъ свернулъ въ переулокъ. Наконецъ, туда же свернула закрытая карета, съ дышломъ, но съ одной только лошадыю.

— Прочь съ дороги! — кричалъ кучеръ.

Братъ едва успѣлъ своротить свой экипажъ и поставить его вплотъ къ забору, какъ карета остановилась рядомъ съ нимъ. Сквозь ея запыленные окна онъ съ трудомъ разсмотрѣлъ двухъ людей, которые осторожно выносили черезъ дверцу съ другой стороны кого-то третьяго и положили его на травку.

Одинъ изъ этихъ людей, обѣжавъ вокругъ кареты, подошелъ прямо къ брату.

— Гдѣ бы достать воды?—спросилъ онъ.—Это лордъ Гаррикъ. Почти умираетъ и страшно хочетъ пить...

— Лордъ Гаррикъ! — воскликнулъ братъ.—Верховный судья королевской скамьи?!

— Но гдѣ же достать воды?

— Въ какомъ-нибудь изъ этихъ домовъ есть, вѣроятно, кранъ,—сказалъ братъ,—но я не могу оставить дамъ. А у насъ нѣтъ воды въ запасѣ.

Человѣкъ побѣжалъ сквозь толпу, къ воротамъ ближайшаго дома.

— Проходите! Проходите! Не задерживайте!—кричали ему со всѣхъ сторонъ.

Затѣмъ вниманіе моего брата было привлечено какимъ-то господиномъ съ большой бородой и орлинымъ носомъ, который пробивался сквозь толпу, держа въ рукѣ маленькій кожаный сакъ, я вдругъ уронилъ его. Сакъ раскрылся при паденіи, и изъ него посыпались золотые соверены, раскатываясь во всѣ стороны, подъ ноги людей и лошадей. Бородастый господинъ стоялъ, тупо глядя на свои деньги. Въ это время кэбъ, проѣзжавшій мимо, толкнулъ его оглоблей въ плечо, такъ, что онъ зашатался и отскочилъ въ сторону, но при этомъ чуть не попалъ подъ колеса фургона.

— Прочь съ дороги! Проходите!—кричали кругомъ ему.

По, должно быть, страхъ не убиваетъ жадности. Какъ только кэбъ проѣхалъ надъ сакомъ съ деньгами, бородастый господинъ бросился собирать ихъ и совать въ свои карманы, ползая по мостовой на четверенькахъ. Еще минута—и онъ очутился подъ копытами лошади, везшей тяжело нагруженную фуру.

— Стой! Стой!—вскрикнулъ братъ, бросаясь въ толпу, чтобы схватить эту лошадь подъ уздцы, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ пробраться къ ней, колесо фуры уже переѣхало черезъ спину бородача, валявшагося въ пыли, среди своихъ денегъ, и не могшаго подняться, такъ какъ позвоночный столбъ его былъ, вѣроятно, переломленъ и ноги не дѣйствовали.

Братъ подошелъ поближе и сталъ охранять лежавшаго отъ толпы и отъ другихъ экипажей. Какой-то хорошо одѣтый господинъ, ѣхавшій верхомъ на вороной лошади, взялся помогать брату.

— Оттащите его въ сторону,—сказалъ онъ.

Послушавшись совѣта, братъ схватилъ бородача за шиворотъ и потащилъ его къ переулку, но бородачъ, не желая, должно быть, разставаться со своимъ золотомъ, колотилъ брата по рукѣ, смотря на него злыми, налитыми кровью глазами.

Верховой сталъ со своею лошадью поперекъ пути, защищая брата отъ напора толпы.

— Дайте дорогу! Проходите, чортъ васъ возьми!—кричали на нихъ со всѣхъ сторонъ.

Видно было, что верховой долго не выдержитъ, такъ какъ съ другой стороны на него напирала экипажи, сталкивавшіеся отъ внезапной остановки. Дѣйствительно не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ вороная лошадь метнулась въ сторону отъ удара чьего-то бича, а на мѣсто ея передъ глазами брата появилось дышло какого-то экипажа; въ то же время бородачъ, повернувъ голову, укусилъ ему руку. Выпустивъ воротникъ и едва

увернувшись отъ дышла, братъ завертѣлся въ толпѣ и очутился, наконецъ, прижатымъ къ забору, недалеко отъ поворота въ переулочъ, такъ что съ трудомъ добрался до него.

Онъ нашель своихъ дамъ разстроеными. Миссъ Эльфинстонъ сидѣла, закрывъ лицо руками, мистриссъ Эльфинстонъ плакала навзрыдь, а дѣвочка, посаженная на заднемъ сидѣннн экипажа, но не оставявшая руки своей матери, широко раскрытыми глазами смотрѣла на покрытую кровью сѣрую массу, которая только-что была бородатымъ господиномъ, обладателемъ мѣшка съ червонцами, а теперь валялась въ пыли, прижатая къ углу забора.

— Поѣдемте назадъ, — сказалъ братъ, подходя къ дамамъ и поворачивая пони. Я не повезу васъ въ этотъ... адъ.

Проѣзжая мимо мѣста, гдѣ лежалъ лордъ Гаррикъ, они увидали его блѣдное, помертвѣвшее лицо, покрытое холоднымъ потомъ. За поворотомъ переулка, откуда уже нельзя было болѣе видѣть большой дороги, братъ вновь остановился. Дамы молча плакали. Мистриссъ Эльфинстонъ позабыла даже о своемъ „Джорджѣ“. Братъ былъ въ нерѣшимости, такъ какъ теперь только, потерявъ изъ вида большую дорогу, понялъ, что назадъ ѣхать некуда и что волей-неволей надо пересѣчь толпу поперекъ, какъ это прежде было рѣшено, или, по крайней мѣрѣ, хоть вмѣшаться въ нее. Подумавъ немного, онъ повернулся къ миссъ Эльфинстонъ и сказалъ ей рѣшительно:

— Во что бы то ни стало, нужно пересѣчь большую дорогу!

Молодая дѣвушка во второй разъ въ этотъ день выказала необыкновенное присутствіе духа, безмолвно, но немедленно согласившись съ братомъ. Послѣдній повернулъ пони и вновь довель его, подъ уздцы, до конца переулка. Выѣзжая на большую дорогу, онъ долженъ былъ на первомъ же шагу вступить въ пререканіи съ кучеромъ кэба, уговаривая его подождать, пока онъ проведетъ свой экипажъ передъ носомъ его лошади. Кучеръ согласился,

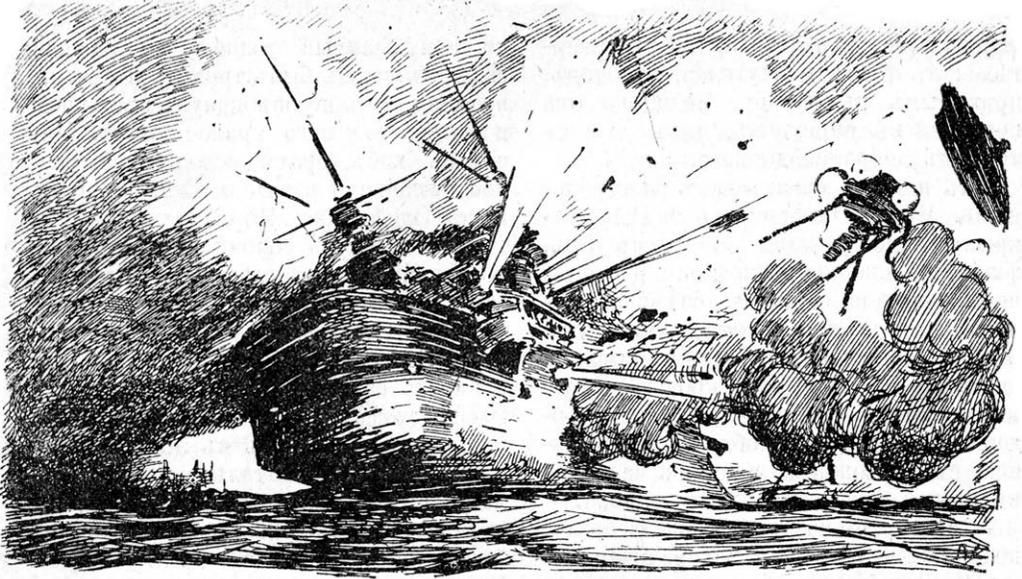
но, понуждаемый толпою, напиравшей сзади, долженъ былъ тронуться раньше времени, чуть не опрокинувъ пони-шеза и оторвалъ у него правое крыло. Минувавъ кэбъ, братъ вскочилъ на заднее сидѣнье и взялъ вожжи изъ рукъ миссъ Эльфинстонъ. Но было уже поздно: толпа повернула голову пони впередъ, по теченію, и понесла вдолъ по дорогѣ, такъ что свернуть въ сторону не было уже никакой возможности.

— Цѣльтесь въ тѣхъ, кто будетъ напирать сзади, — сказалъ братъ миссъ Эльфинстонъ, передавая ей револьверъ, или, лучше, цѣльтесь въ лошадь.

Затѣмъ онъ обратилъ все свое вниманіе на дорогу, отыскивая случая свернуть влѣво. Но разъ понавъ въ потокъ, приходилось съ нимъ слиться. Проѣхали Барнетъ, проѣхали еще околмили и только тогда, благодаря множеству перекрестковъ, по которымъ толпа разсѣивалась, оказалось возможнымъ выѣхать изъ нея, свернувъ на противоположную сторону дороги.

На первомъ же перекресткѣ братъ съѣхалъ съ этой дороги, по направленію къ востоку, черезъ Хадли. Тутъ тоже была толпа, хотя уже сильно разрѣженная. Доѣхавъ до небольшой, грязной рѣчки, наши путешественники увидали, что оба ея берега были устѣяны народомъ, жадно пившимъ, припавъ къ самой водѣ. Многіе пробивали себѣ дорогу къ ней кулаками. Далѣе, съ вершины Истъ-Барнетскаго холма, они увидѣли два поѣзда Большой Сѣверной желѣзной дороги, тихо двигающихся одинъ за другимъ и настолько переполненныхъ, что пассажиры стояли и на платформахъ, и на тендерѣ, и на локомотивѣ. Нѣкоторые сидѣли даже на крышахъ вагоновъ. Братъ полагаеть, что поѣзда эти брали пассажировъ на пути, такъ какъ въ Лондонѣ, при тамошней сумятицѣ, едва ли вообще возможно было отправленіе какихъ бы то ни было поѣздовъ.

Около этого мѣста братъ рѣшилъ сдѣлать приваль. Всѣ были слишкомъ измучены для того, чтобы ѣхать далѣе, а день уже склонялся къ вечеру.

XVII. „Громящій“.

ЕСЛИ бы марсіане стремились только къ разрушенію и уничтоженію, то они легко могли бы въ понедѣльникъ погубить сразу все населеніе Лондона, густыми толпами вытекавшее по всѣмъ сѣвернымъ и восточнымъ путямъ, ведущимъ изъ столицы. Тѣ сцены, которыя братъ мой видѣлъ около Барнета, повторялись повсюду.

Наблюдателю, находящемуся на воздушномъ шарѣ, представилась бы весьма странная картина. Всѣ улицы и дороги сѣверо-восточной части Лондона казались бы ему сплошь запруженными народомъ, двигавшимся въ одну сторону. Ни легендарные походы готовъ и гунновъ, ни исходъ евреевъ изъ Египта, ни набѣги татаръ на сѣверо-востокъ Европы не могли бы сравниться съ этимъ великимъ исходомъ населенія мірового города, какъ по количеству участвующихъ—ихъ было болѣе шести милліоновъ,—такъ и по особенностямъ движенія, имѣвшаго самый беспорядочный, чтобы не сказать—безцѣльный, характеръ. Шесть милліоновъ людей, безъ оружія, безъ припасовъ, безъ надеждъ и упованій, шли,—пѣтъ, не шли, а бѣжали—куда глаза глядятъ, никакой обѣтованной земли впереди не имѣя.

Это былъ не исходъ, не набѣгъ, не переселеніе, а просто агонія цивилизаціи, начало конца роду человѣческому.

Взглянувъ немного южнѣе, наблюдатель увидалъ бы съ воздушнаго шара громадную сѣть совершенно пустыхъ улицъ, обставленныхъ совершенно пустыми домами. Церкви, дворцы, сады, скверы, парки—все цѣло, но все пусто, какъ на планѣ или на архитектурномъ проектѣ. Лишь изрѣдка пробѣжить гдѣ-нибудь собака, потерявшая хозяевъ, или кошка, вообще привыкающая больше къ мѣсту, чѣмъ къ людямъ. Только валяющіеся по улицамъ обломки экипажей и мебели, да разбитыя стекла въ открытыхъ настежь окнахъ и дверяхъ нарушаютъ сходство покинутаго города съ планомъ, указывая именно на то, что онъ брошенъ жителями.

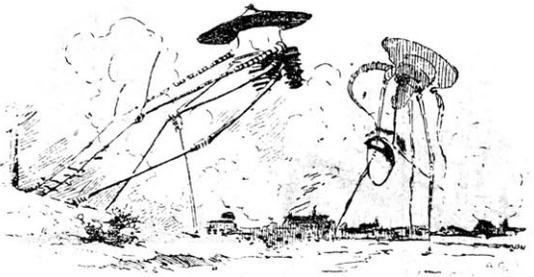
Перенеся свой взоръ еще болѣе къ югу, наблюдатель еще сильнѣе удивился бы, увидавъ, что вся югозападная часть города, между Илингомъ, Ричмондомъ и Уимблѣдономъ, залита какъ бы чернилами. Чернильные волны тихо ползутъ по улицамъ, обходя возвышенныя мѣста, скопляясь на низменныхъ, скатываясь въ углубленія и растекаясь все дальше и дальше.

А еще дальѣ, на южномъ берегу Темзы, онъ увидаль бы странныя, блестящія фигуры марсіанъ, спокойно двигавшіяся по полямъ, между деревьями, и методически разливавшія свой черный дымъ для того, чтобы послѣ, когда онъ исполнить свое губительное предназначеніе, смести и его при помощи водяного пара.

Марсіане, очевидно, не имѣли намѣренія истребить родъ человѣческой, а хотѣли только деморализовать его, лишить способности къ сопротивленію и подчинить своей волѣ. Они перерѣзывали телеграфныя проволоки, портили желѣзныя дороги, взрывали пороховыя склады, гдѣ находили ихъ. Марсіане не спѣшили, повидимому, распространять свои владѣнія, такъ какъ въ теченіе всего понедѣльника не перешли на сѣверъ отъ центра Лондона. Легко можетъ быть, что многіе лондонскіе жители даже уцѣлѣли, оставаясь въ своихъ домахъ, хотя большинство оставшихся, несомнѣнно, погибло отъ черного дыма.

До полудня лондонскій портъ представлялъ собою удивительное зрѣлище. Громадное количество пароходовъ и судовъ всякаго рода стояло тамъ безъ всякаго дѣла, запрашивая сумасшедшія цѣны съ лицъ, которые желали бы уѣхать изъ Лондона водою.

Много нашлось, конечно, такихъ, которые платили эти цѣны, не торгуясь, но у большинства не хватало средствъ на

это, а хозяева судовъ, разлакомившись первымъ успѣхомъ, подняли цѣны еще выше. Въ результатъ оказалось, что наполовину пустыя суда не хотѣли двинуться съ мѣста, не набравъ полного комплекта пассажировъ, а комплектъ этотъ все не составлялся. Говорятъ, будто многіе бросались съ берега, къ пароходамъ, вылавы, но были отталкиваемы баграми и тонули. А когда, около часа пополудни, первое облако черного дыма показалось подъ арками Блэкфрайерскаго моста, то все суда сразу, толкая и топя другъ друга, двинулись къ Тоуэръ-Бриджу, при чемъ на нихъ съ берега и, говорятъ, будто бы даже прямо съ моста—прыгали люди...

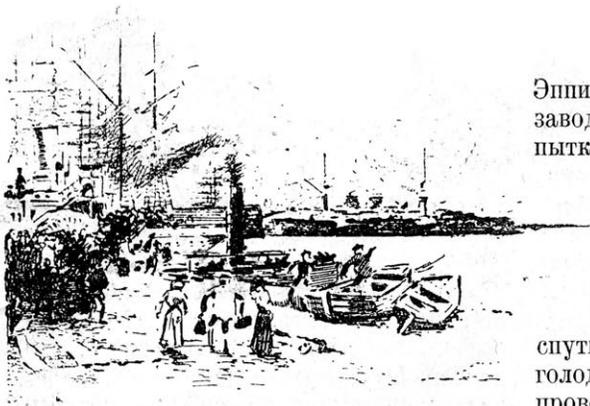
Когда одинъ изъ марсіанъ, спустя часъ послѣ этого, появился за Клокъ-Тоуэромъ, то онъ ничего уже не нашель на рѣкѣ, кромѣ обломковъ.

Въ ночь съ понедѣльника на вторникъ въ Уимблдонѣ упаль шестой цилиндръ. Братъ мой, стоявшій часовымъ на луку, гдѣ отдыхали его спутницы, прекрасно видѣль блестящую полосу на небѣ, далеко, за холмами, къ югу. Во вторникъ утромъ вся компанія, порѣшившая переѣхать на континентъ, отправилась по направленію къ Кольчестеру. Слухи о томъ, что марсіане завладѣли уже всемъ Лондономъ, подтвердились. Ихъ видѣли около Хайгета и даже въ Нисдонѣ, но брату до самой среды не приходилось встрѣчаться съ ними.

Во вторникъ между бѣглецами, усѣявшимися сѣверо-восточныя окрестности Лондона, недостатокъ жизненныхъ припасовъ сталъ уже сильно сказываться, а голодъ заставилъ ихъ небрежно относиться къ праву собственности. Фермеры принуждены были съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои стада, амбары и жатвы.

*

Многіе изъ бѣглецовъ, съ голода, стали возвращаться даже въ Лондонъ, но это были, большею частію, жители сѣверныхъ предмѣстій, только слыхавшіе о черномъ дымѣ, но воочію его не видавшіе.

Ходили слухи, что правительство основалось теперь въ Бирмингамѣ и что тамъ готовится громадное количество взрывчатыхъ веществъ, для того чтобы окружить Лондонъ со всѣхъ сторонъ минами. Говорили также, что правильное движеніе желѣзныхъ дорогъ къ сѣверу и востоку возстановилось теперь въ С.-Альбани и что не болѣе какъ черезъ сутки хлѣбъ будетъ доставленъ изъ сѣверныхъ провинцій, въ которыхъ существуютъ громадные его запасы.

Всѣ эти утѣшительные слухи (которые, кажется, такъ и остались слухами) не отклонили, однако же, брата и его спутницъ отъ разъ принятаго намѣренія переселиться на континентъ, и потому пони-шезъ настойчиво продолжали подвигаться къ Кольчестеру.

Въ ночь со вторника на среду около Примрозъ-Хилля упалъ седьмой цилиндръ. Его видѣла миссъ Эльфинстонъ, которая теперь стояла на часахъ поочередно съ братомъ.

Въ среду утромъ наши трое бѣглецовъ, проведеніе ночь въ пшеничномъ полѣ, достигли Чельмсфорда, гдѣ группа жителей, провозгласившая себя Комитетомъ общественнаго продовольствія, конфисковала у нихъ пони, въ качествѣ „провіанта“, и не дала ничего взамѣнъ, кромѣ обѣщанія доли въ этомъ провіантѣ. Здѣсь уже носились слухи о томъ, что марсіане дошли до

Эппинга, и что Вальтгамскій пороховой заводъ разрушенъ при неудачной попыткѣ взорвать одного марсіанина.

Скопившіеся въ Чельмсфордѣ бѣглецы не двигались далѣе въ ожиданіи обѣщаннаго провіанта и, отъ скуки лазали на колокольни слѣдить за приближеніемъ марсіанъ. Къ счастью, братъ мой и его спутницы, несмотря на мучившій ихъ голодъ, не соблазнились такимъ времяпровожденіемъ и въ тотъ же день отправились пѣшкомъ къ морю. Въ полдень они прошли черезъ Тиллингемъ, въ которомъ встрѣтили только мародеровъ, занятыхъ отыскиваніемъ по пустымъ домамъ чего-либо съѣстнаго. Тотчасъ же за Тиллингемомъ, съ высоты холма, наши путешественники увидали море, покрытое громаднымъ количествомъ судовъ разнаго рода.

Не имѣя возможности войти въ Темзу, шкипера приставали теперь къ берегамъ Эссекса — въ Горвицъ, Уолтонъ и Клактонъ, а позднѣе — въ Фаульнессъ и Шуберри. Расположенные въ видѣ громаднаго серпа, суда покрывали почти весь видимый горизонтъ моря, а по сторонамъ терялись въ отдаленіи. У самаго берега стояло множество рыбацкихъ парусныхъ шкунъ, англійскихъ, шотландскихъ, французскихъ, голландскихъ и шведскихъ. Немного дальше видны были мелкія паровыя суда—рѣчные пароходы, яхты, электрическіе боты; за ними стояли крупныя коммерческіе корабли: транспортныя, угольныя, нефтяныя, пассажирскіе пароходы, даже такъ называемыя „океанскія борзья“, сѣрвыя съ бѣлымъ громадины, поддерживавшія сообщеніе Европы съ Америкой. Все пространство, занятое ими, было затянуто дымомъ и паромъ, среди котораго виднѣлись кипація въ великомъ множествѣ и наполненныя народомъ лодки всѣхъ размѣровъ и формъ.

Миляхъ въ двухъ отъ берега виднѣлся броненосецъ, борта котораго едва возвышались надъ водою, почти какъ у мониторовъ. Это былъ миноносецъ „Громящій“—единственное воен-

ное судно, стоявшее на рейдѣ, хотя далеко вправо видѣлся цѣлый рядъ дымковъ надъ эскадрой Ламанша, которая, находясь постоянно подъ парами, крейсировала передъ входомъ въ Темзу, но не могла принять дѣятельнаго участія въ борьбѣ съ марсіанами.

При видѣ моря мистриссъ Эльфинстонъ, несмотря на увѣщанія своей невѣстки, дала волю своимъ чувствамъ: она никогда прежде не выѣзжала изъ Англии; она готова скорѣе умереть, чѣмъ жить безъ друзей въ чужой странѣ, и прочее и тому подобное. Повидимому, она, несчастная, воображала, что между французами и марсіанами итъ большой разницы, да и вообще, за два дня утомительнаго путешествія, сдѣлалась страшно нервной и капризной. Она вернется въ Стенморъ... Въ Стенморѣ всегда покойно жилось и не можетъ быть, чтобы ему предстояла какая-нибудь опасность... Наконецъ, въ Стенморѣ они найдутъ „Джорджа“.

Насилу-насилу уговорили ее сойти на берегъ, гдѣ братъ уже взялъ, за тридцать шесть фунтовъ, три мѣста на колесномъ пароходѣ, отходящемъ въ Остенде.

Было уже два часа пополудни, когда братъ со своими спутницами и ихъ багажемъ благополучно добрался до этого парохода. На немъ можно было

даже пообѣдать, хотя за неслыханныя цѣны. Всѣ трое воспользовались этимъ случаемъ и закусывали, сидя на носу.

Кромѣ брата съ компаніей, каютныхъ пассажировъ было еще дюжины двѣ, а палубныхъ такое множество, что становилось страшно за цѣлость парохода, но капитанъ все еще ждалъ новыхъ и рѣшился двинуться только часовъ въ пять вечера, да и то лишь потому, что на югѣ слышались пушечные выстрѣлы.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти выстрѣлы, „Громящій“ выпалилъ изъ сигнальной пушки и весь расцвѣтился флагами. Изъ трубъ его пошелъ дымъ.

Нѣкоторые пассажиры думали, что канонада доносится изъ Шуберри, но она, очевидно, приближалась. Въ то же самое время далеко, на юго-востокѣ стали показываться изъ-за горизонта окутанныя дымомъ мачты и рангоуты трехъ военныхъ судовъ.

Пароходъ теперь шелъ уже на всѣхъ парахъ къ востоку, но, хотя берега Эсекса начинали заволакиваться туманомъ передъ глазами его пассажировъ, а все-таки изъ залива онъ выйти еще не успѣлъ. Какъ разъ въ эту минуту, въ сторонѣ Фаульнесса показался марсіанинъ, шедшій отъ берега наперерѣзъ пароходу. Издали онъ казался маленькимъ и совсѣмъ ничтожнымъ, но капитанъ, тѣмъ не менѣе, тутъ только понялъ, насколько былъ неостороженъ, оставаясь такъ долго у береговъ Англии. Онъ стоялъ на мостикѣ, страшно испуганный, и бранился во все горло. Но брань, оче-

видно, мало помогала: пароходъ какъ будто тоже струсилъ и замедлилъ свой ходъ. Пассажиры стояли на скамейкахъ и нѣкоторые влѣзли даже на трубу, чтобы получить разглядѣть марсіанина, который шелъ по морю, какъ бы подпрыгивая.

Братъ видѣлъ марсіанина въ первый разъ и былъ больше заинтересованъ, чѣмъ испуганъ. Вскорѣ со стороны Круча показался другой выходецъ съ Марса, который тоже сталъ заходить наперерѣзъ пароходу, но далеко выдающейся и сильно блестящей мели. За нимъ, вдалекѣ, на берегу былъ виденъ третій. Всѣ они направлялись къ морю, какъ бы для того, чтобы оцѣпить всю бухту и блокировать находящіяся въ ней суда.

Несмотря на усиленное пыхтѣніе пароходика и на массу пѣны, выскакивавшей изъ-подъ его колесъ, всѣ пассажиры ясно сознавали, что онъ двигается слишкомъ медленно для того, чтобы выйти въ открытое море раньше, чѣмъ марсіане выполнятъ свой планъ.

Взглянувъ на сѣверо-западъ, къ берегу, братъ замѣтилъ, что и всѣ суда, стоявшія въ гавани, почувяли уже опасность и тоже струсилъ. Движеніе между ними началось усиленное, но безтолковое: всѣ свистали, отчаянно дымили и переходили съ мѣста на мѣсто, по-видимому, безъ всякой опредѣленной цѣли. Зрѣлище это такъ заняло брата, что онъ, на время, пересталъ смотрѣть въ сторону открытаго моря. Вдругъ быстрое и неожиданное движеніе парохода (онъ долженъ былъ круто свернуть, чтобы избѣжать столкновенія) заставило брата потерять равновѣсіе и упасть со скамейки, на которой онъ стоялъ. Лежа на палубѣ, онъ слышалъ кругомъ себя страшную суматоху, топотъ ногъ, и наконецъ, об-

щій привѣтственный крикъ, на который откуда-то издали донеслось отвѣтное привѣтствіе.

Братъ вскочилъ на ноги и увидаль со стороны стирборта, ярдахъ во ста отъ парохода, что-то въ родѣ огромнаго стального плуга, съ страшной быстротой рѣжущаго воду и раскидывающаго ее громадными волнами по сторонамъ, такъ что одно колесо безпомощно качаемаго парохода жалкимъ образомъ вертѣлось на воздухѣ, а противоположный бортъ чуть не погрузился въ море.

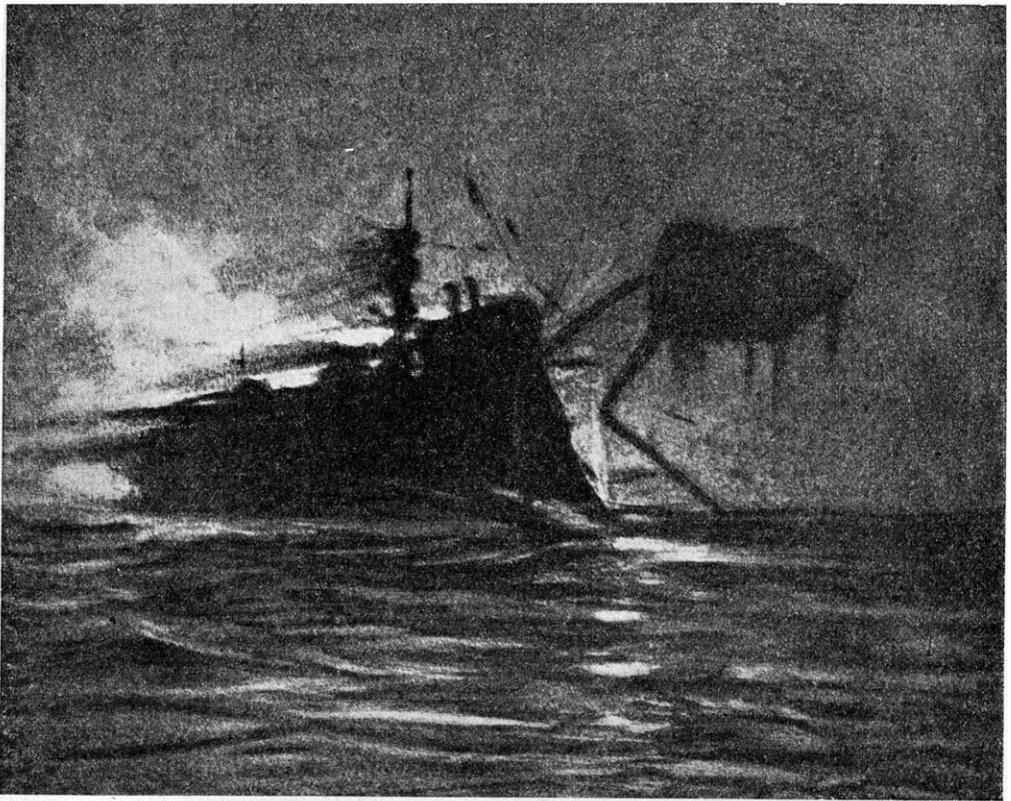
Братъ протеръ глаза, заслѣпленные брызгами, и, посмотрѣвъ въ слѣдъ стальному чудовищу, увидаль на немъ башню съ одной большой пушкой и двѣ низенькихъ трубы, выбрасывавшихъ клубами густой дымъ: миноносецъ „Громящій“ поднявъ пары елико возможно, спѣшилъ на выручку беззащитнаго стада паровыхъ судовъ.

Едва ступая по качающейся палубѣ и придерживаясь за ванты, братъ перешелъ на носъ взглянуть, что выйдетъ изъ столкновенія „Громящаго“ съ марсіанами. Эти послѣдніе сошлись теперь вмѣстѣ и стояли на такой глубинѣ, что только однѣ головы торчали изъ воды, представляя собою что-то до-нельзя маленькое и ничтожное по сравненію съ несшимися на нихъ гигантомъ. Онъ долженъ былъ казаться имъ чѣмъ-то въ родѣ нихъ самихъ, только въ гораздо большемъ видѣ.

„Громящій“ несся на всѣхъ парахъ, не стрѣлая, что, вѣроятно, и спасло его, дозволивъ подойти къ марсіанамъ на близкое разстояніе. Одинъ выстрѣлъ—и марсіане пустили бы его ко дну своимъ тепловымъ лучемъ; теперь же они не знали, какъ къ нему отнестись.

Минуту спустя „Громящій“ казался уже на полпути отъ цѣли. Еще немного—и передній марсіанинъ

„Громящій“ наскочилъ на марсіанина и смялъ его...

пустилъ въ него банку чернаго дыма, но ее перенесло, и съ парохода видно было, какъ эта банка разорвалась за его кормою. Черный дымъ закрылъ сначала „Громящаго“ отъ взоровъ публики, а потомъ, разостлавшись по водѣ, быстро исчезъ. „Громящій“ же продолжалъ мчаться впередъ и, повидимому, находился уже среди марсіанъ, хотя судить объ этомъ было трудно, такъ какъ солнце свѣтило прямо въ глаза пассажирамъ парохода, издали наблюдавшимъ за происшествіями.

Сухія фигуры марсіанъ разступились и начали понемногу ретироваться къ берегамъ, все болѣе и болѣе выставляясь изъ воды по мѣрѣ оступленія. Одинъ изъ нихъ поднялъ надъ головою камеру теплового луча и направилъ послѣдній косвенно внизъ. Клубы пара тотчасъ же поднялись отъ воды въ мѣстѣ его соприкосновенія съ нею,

и мѣсто это, обозначаемое паромъ, стало быстро подвигаться къ „Громящему“. Еще секунда—и тепловой лучъ проткнетъ стальную броню миноносца, какъ раскаленный гвоздь—листъ бумаги.

Но въ это время среди пара показался вдругъ снопъ пламени, а влѣдъ за нимъ громадный столбъ воды, сопровождаемый страшнымъ взрывомъ, закрылъ на мгновение всю сцену. Когда она опять открылась, то марсіанина съ тепловымъ лучемъ уже не видно было надъ поверхностью воды, а „Громящій“, измѣнивъ направленіе, несся на одного изъ его товарищей, систематически цѣля изъ большихъ орудій, при чемъ снаряды ударялись иногда о воду около парохода и, рикошетируя, неслись по направленію къ берегу.

Никто, однако же, не обратилъ на это никакого вниманія. При видѣ ис-

Ничто большое и плоское вылетѣло на свѣтлый фонъ зари...

чезновенія одного марсіанина и цѣлости „Громящаго“, который казался теперь черной сигарой, изрыгающей дымъ и пламя, капитанъ и пассажиры парохода не могли удержаться отъ радостныхъ криковъ, повторенныхъ трижды и подхваченныхъ всей эскадрой, стоявшей у берега.

Радоваться, однако же, было рано. „Громящій“, правда, уцѣлѣлъ, машина его, очевидно, работала, но второй марсіанинъ также поднялъ камеру теплового луча... Минута, — и вся верхняя часть миноносца со страшнымъ трескомъ, въ столбъ пламени взлетѣла на воздухъ. Подводная его часть, однако же, продолжая двигаться по инерціи, наскочила на марсіанина и смяла его, какъ картонный домикъ.

— Второй! — проревѣлъ капитанъ.

Радостный крикъ вновь пронесся по пароходу и по всей эскадрѣ, хотя судьба храброй команды „Громящаго“ была для всѣхъ несомнѣнна. Парь, впрочемъ, скрылъ отъ глазъ зрителей не только мѣсто побоища, но и третьяго марсіанина, стоявшаго въ отдаленіи. А когда этотъ парь сталъ разсѣиваться, то появился черный дымъ, равнымъ образомъ помѣшавшій разсмотрѣть что-либо; да, наконецъ, парходикъ, на которомъ ѣхалъ мой братъ съ компаніей, такъ далеко ушелъ уже отъ берега и отъ мѣста побоища (онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поскорѣе выйти въ открытое море), что съ него теперь ясно были видны только три военныхъ судна, пришедшихъ съ юга и заслонившихъ собою берегъ.

Солнце начинало уже заходить. Парь, черный дымъ и дымъ отъ пароходовъ заволакивали легкой вуалью весь западъ горизонта. Парходикъ безпрятственно стремился теперь къ востоку, какъ вдругъ на западѣ опять слышались пушечные выстрѣлы. Клубы дыма скрыли заходящее солнце; какія-то громадные черныя тѣни задвигались вдаль, но что, собственно, тамъ происходить — рѣшить были трудно.

Зашло, наконецъ, солнце; потемнѣло небо; начали загораться звѣздочки. На западномъ горизонтѣ стояла сплошной туманъ, а надъ нимъ была видна еще красная полоса зари. Тишина стояла полная. На пароходѣ всѣ успокоились и, забывая понемногу о прошлыхъ бѣдствіяхъ, стали задумываться о будущемъ. Но вдругъ капитанъ, стоявшій на мостикѣ, вскрикнулъ и показалъ рукою на западъ. Взглянувъ по указанному направленію, братъ увидалъ, какъ нѣчто большое, плоское и широкое, вылетѣвъ изъ тумана на свѣтлый фонъ зари, поднялось высоко въ воздухъ и затѣмъ, описавъ дугу, опять опустилось внизъ, становясь все меньше и меньше...

Затѣмъ вновь все успокоилось, окутавшись ночнымъ мракомъ.

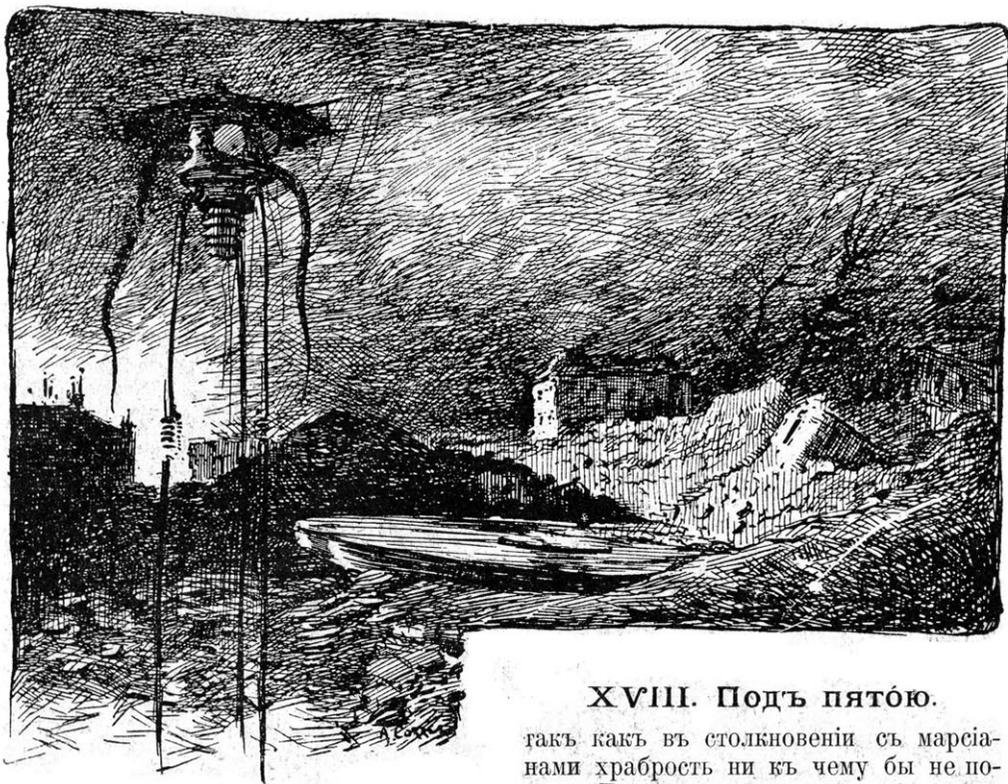
Конецъ первой части.

Три рома и Юли

Т. Уэльсъ

БОРЬБА
МИРОВОЗ

ПОДЪ ВЛАСТЬЮ
МАРСΙΑНЪ
Часть II

РАЗСКАЗЫВАЯ приключенія моего брата, я отвлекся отъ своихъ собственныхъ и забылъ даже упомянуть, что мы со священникомъ цѣлыхъ два дня — воскресенье и понедѣльникъ — просидѣли въ пустомъ домѣ, въ Халлифордѣ, отрѣзанные отъ остального міра чернымъ дымомъ. Намъ ничего больше не оставалось, какъ ждать, что будетъ дальше.

Я страшно безпокоился о женѣ, которая находилась въ Лидерхедѣ, считая меня, вѣроятно, погибшимъ, а, можетъ быть, и сама переживая тяжелыя испытанія. Цѣлыми часами я ходилъ по комнатамъ пустого дома, громко рыдая при мысли объ опасностяхъ, которыя могли угрожать ей, и о невозможности раздѣлить ихъ съ нею. Родственникъ, у котораго она жила, былъ человѣкъ достаточно храбрый и рѣшительный, но онъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ и не предусмотрителенъ. А при данныхъ обстоятельствахъ нужна была именно предусмотрительность,

XVIII. Подъ пятою.

такъ какъ въ столкновении съ марсіанами храбрость ни къ чему бы не повела. Единственнымъ утѣшеніемъ для меня могло служить лишь то, что марсіане двигались на Лондонъ, то-есть въ противоположную отъ Лидерхеда сторону.

Забота сдѣлала меня раздражительнымъ. Эгоистичное отчаяніе священника, постоянныя его жалобы и восклицанія положительно бѣсили меня. Сначала я пробовалъ его успокаивать, но потомъ бросилъ и удалился въ другую комнату, служившую, вѣроятно, учебной, такъ какъ въ ней стоялъ глобусъ, по стѣнамъ были развѣшаны карты, а на столахъ валялись тетради. Скоро, однако же, священникъ нашелъ меня и тамъ. Тогда я поднялся на чердакъ дома и заперъ за собою дверь.

Все воскресенье и утро понедѣльника мы были окружены волнами черного дыма и могли только изъ оконъ наблюдать за всѣмъ происходившимъ вокругъ. Въ соседнемъ домѣ, должно быть, тоже кто-нибудь скрывался, такъ какъ въ воскресенье вечеромъ мы слышали тамъ стукъ затворяемой две-

ри, видѣли слабый свѣтъ, гдѣ-то въ отдаленной комнатѣ, и одинъ разъ даже, въ открытомъ окнѣ, мелькнуло чье-то лицо. Въ понедѣльникъ, однако же, мы никого уже тамъ не видали, и я до сихъ поръ не знаю, кто это былъ и какая судьба его постигла.

Черный дымъ все время текъ мимо нашего дома къ рѣкѣ, не поднимаясь выше оконъ перваго этажа. Въ понедѣльникъ, около полудня, появился марсіанинъ, заливавшій его перегрѣтымъ паромъ. Сильная струя послѣдняго съ шумомъ ударялась о стѣны дома, била стекла и обожгла руку священника, прятавшагося за простѣнкомъ. Когда марсіанинъ удалился и мы вновь выглянули изъ окна, то вся страна, къ сѣверу отъ нашего дома, казалась покрытой чернымъ снѣгомъ, который по склону къ рѣкѣ имѣлъ красноватый оттѣнокъ. Въ первую минуту мы не сообразили, насколько положеніе наше измѣнилось, но я скоро увидаль, что теперь, когда черный дымъ весь осѣлъ, мы можемъ свободно уйти, куда хотимъ, и потому сейчасъ же сталъ собираться въ Лидерхедъ. Но со священникомъ трудно было сговориться: онъ окончательно потерялъ всякую волю.

— Намъ здѣсь покойно. Мы здѣсь въ безопасности,—повторялъ онъ, тупо глядя мнѣ въ глаза.

Я уже рѣшилъ идти одинъ (и какъ бы это было хорошо!) и сталъ, по примѣру пріятеля моего, артиллериста, запасаться на дорогу всѣмъ, что только могъ найти годнаго въ оставленномъ домѣ. Добылъ масла и тряпокъ, чтобы перевязать мои ожоги, взялъ шляпу и фланелевую фуфайку, найденныя въ одной изъ спаленъ, и вышелъ уже на крыльцо. Увидавъ, что я не на шутку намѣреваюсь оставить его одного, священникъ тоже вдругъ рѣшился идти со мною, такъ что часовъ въ пять вечера мы вмѣстѣ тронулись по дорогѣ въ Сенбери, совершенно черной отъ осѣваго дыма.

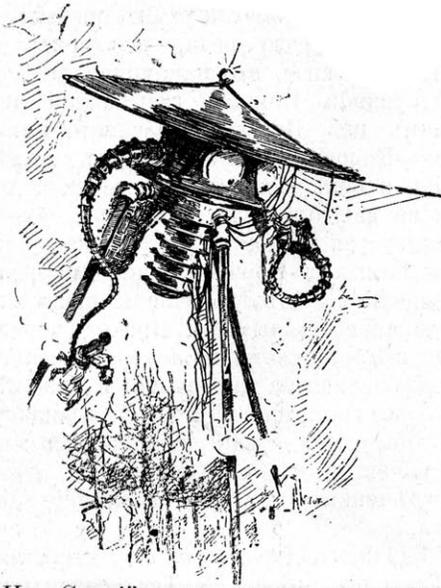
Какъ въ Сенбери, такъ и всюду по пути, разбросаны были трупы людей

и лошадей, опрокинутыя повозки и багажъ разнаго рода,—все покрытое черною пылью, что напомнило мнѣ о разрушеніи Помпей, засыпанной пепломъ изъ Везувія. До самаго Гемптонъ-Корша дошли мы, никого не встрѣтивъ и безъ всякихъ приключеній, хотя на каждомъ шагу озирались, боясь наткнуться на какую-нибудь опасность. Въ Гемптонъ-Коршѣ въ первый разъ увидали мы свѣжую зелень, пощаженную чернымъ дымомъ. Проходя черезъ Беши-Паркъ, видѣли оленей, испуганно прятавшихся за деревьями, и даже нѣсколькихъ мужчинъ и одну женщину, которые осторожно пробирались въ Твиккенгемъ. Это были первые люди, встрѣченные нами за послѣдніе два дня...

Вдали, за дорогой, около Питерсгэма лѣса еще горѣли, но Твиккенгемъ не пострадалъ ни отъ чернаго дыма, ни отъ теплового луча, такъ что въ немъ собралось довольно много народа, хотя никто не могъ сообщить намъ ничего новаго. Большинство, подобно намъ самимъ, были прохожіе, старавшіеся пробраться куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Въ нѣкоторыхъ домахъ, впрочемъ, сохранились и коренные обыватели,—слишкомъ трусливые, должно быть, даже для того, чтобы увлечься всеобщимъ бѣгствомъ, слѣды котораго здѣсь также встрѣчались по всѣмъ дорогамъ, въ видѣ изломанныхъ экипажей, велосипедовъ и разбросанныхъ вещей разнаго рода. Я и теперь какъ будто вижу передъ собою три велосипеда, лежавшіе кучей и переломанные экипажами, которые по нимъ проѣхали.

Въ половинѣ девятаго мы перешли черезъ Ричмондскій мостъ. Какъ ни спѣшно мы черезъ него переходили (въ виду черезчуръ открытаго его положенія), но я все-таки успѣлъ замѣтить какія-то большія красныя массы, плившія по рѣкѣ. Не зная, что это такое, и не имѣя времени разсмотрѣть подробности, я принялъ ихъ за окровавленные трупы,—что, однако же, впоследствии не оправдалось.

*

На Серрийскомъ берегу мы опять встрѣтили черную пыль и груды мертвыхъ тѣлъ (у самой станціи), но дальѣе, къ подошвѣ Ричмондъ-Хилля, слѣдовъ чернаго дыма уже не встрѣчались.

На вершинѣ холма Ричмондъ горѣлъ. По пустыннымъ его улицамъ, къ низу, иногда бѣжали люди, по двое или по трое.

Приближаясь къ Кью, мы встрѣтили цѣлую толпу такихъ бѣглецовъ, и почти тотчасъ же надъ домами, не дальѣе какъ во ста ярдахъ отъ насъ, показалась голова марсіанина на треножникѣ. Пораженные ужасомъ, мы сначала остановились, а затѣмъ спрятались въ маленькомъ сарайчикѣ, стоявшемъ среди какого-то сада.

Если бы марсіанинъ взглянулъ внизъ, то мы бы навѣрное погибли, такъ какъ были совсѣмъ у него подъ ногами.

Священникъ забился въ уголокъ сарая и плакалъ, отказываясь идти дальше, но я не могъ забыть о женѣ и спусти нѣсколько минутъ попробовалъ опять выйти на улицу, пользуясь наступившей темнотою.

Кое-какъ, пробираясь сквозь кусты и прячась по задворкамъ, я успѣлъ добраться до большой дороги въ Кью, гдѣ почти тотчасъ же догналъ меня

и священникъ, боявшійся остаться въ одиночествѣ.

Признаюсь, что эта вторая попытка продолжать путь къ Лидерхеду была въ высшей степени неблагоприятна, такъ какъ кругомъ повсюду бродили марсіане.

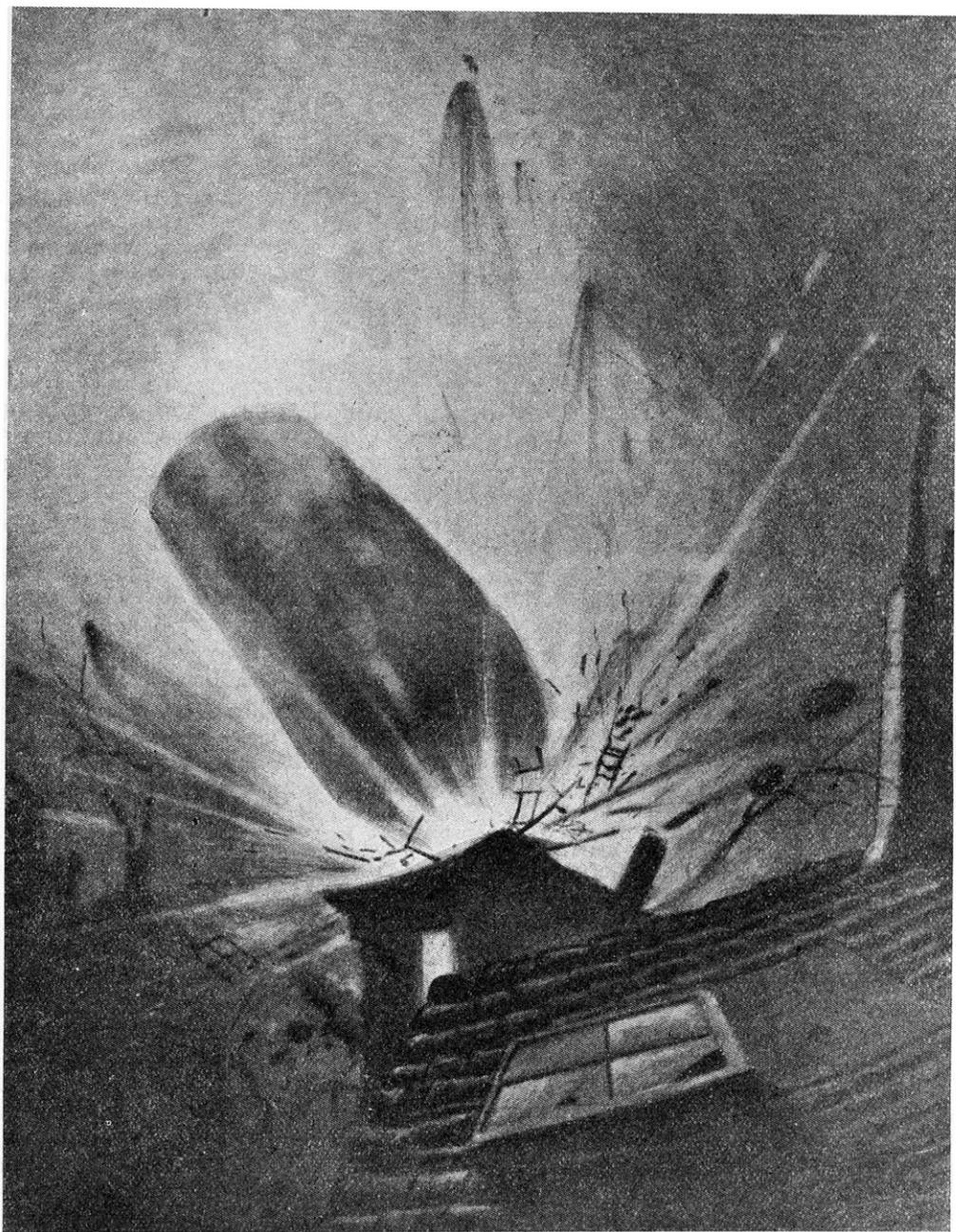
Не успѣлъ священникъ догнать меня, какъ одинъ изъ нихъ уже показался на лугу въ сторонѣ Кью-Лоджа. Онъ по видимому, гнался за четырьмя или пятью человѣческими фигурами, бѣжавшими отъ него по разнымъ направленьямъ. Убѣжать они, конечно, не могли, такъ что марсіанинъ переловилъ ихъ всѣхъ поодиночкѣ и бросилъ въ корзину, находившуюся сзади его тѣла, на вершинѣ треножника.

Здѣсь мнѣ въ первый разъ пришло въ голову, что марсіане вовсе не имѣютъ въ виду уничтожить людей, а хотѣть воспользоваться ими для какихъ-то особыхъ цѣлей. Страшно испуганные, мы бросились въ чей-то садъ, огороженный заборомъ, и притаились въ канавѣ, очень кстати оказавшейся поблизости. Не смѣя не только перекинуться словомъ, но даже вздохнуть въ этой канавѣ, мы пролежали часовъ, я думаю, до одиннадцати. Небо было, по крайней мѣрѣ, уже усыпано звѣздами, когда мы рѣшились, наконецъ, изъ нея вылезти.

По дорогѣ мы, впрочемъ, уже не пошли, а стали пробираться по садамъ и огородамъ, перелѣзая черезъ плетни или скользя, какъ тѣни, вдоль заборовъ. Марсіане чудились вамъ повсюду, да и въ самомъ дѣлѣ были недалеко. Въ одномъ мѣстѣ мы наткнулись на цѣлый валъ изъ мертвыхъ людей и лошадей, погибшихъ отъ тепловаго луча. Труны ихъ въ беспорядкѣ лежали на землѣ, окруженные еще не остывшей золой.

Футахъ въ пятидесяти отъ этого вала стояли обломки четырехъ лафетовъ, съ разорвавшимися пушками и взорванными зарядными ящиками.

Странно, что у людей были обожжены только головы и туловища, а руки и ноги совсѣмъ не тронуты.

Пятый цилиндр съ Марса попалъ въ домъ ..

Городокъ Шинъ, повидимому, избѣжалъ разрушенія, но былъ совершенно пустъ. Здѣсь мы не встрѣтили на улицѣ ни одного труна, хотя, можетъ

быть, они и лежали гдѣ-нибудь въ темныхъ переулочкахъ. Въ Шинѣ мой спутникъ вдругъ почувствовалъ себя дурно отъ голода и жажды. Порѣшили

искать чего-нибудь съдобнаго въ брошенныхъ жителями домахъ.

Въ первомъ изъ нихъ — отдѣльно стоящей маленькой виллѣ — мы не нашли ничего кромѣ куска засохшаго сыра да воды. Кромѣ того, я взялъ съ собой оттуда топоръ, могущій намъ понадобится въ дорогѣ.

Перейдя черезъ площадь, къ тому мѣсту, гдѣ дорога поворачиваетъ на Мортлекъ, мы нашли въ кладовой одного дома огромный запасъ всякаго рода пищи: двѣ большихъ ковриги хлѣба, кусокъ сырого мяса, годный для ростбифа, и цѣлый окорокъ. На полкѣ стоялъ рядъ бутылокъ съ пивомъ, лежала зелень и два мѣшка гороха. Въ большой, чистой кухнѣ, помѣщавшейся рядомъ съ кладовою, находился запасъ дровъ, а въ шкапу, около печи, мы нашли дюжину бутылокъ бургонскаго, различные консервы и двѣ жестяныхъ коробки съ бисквитами. Я потому такъ подробно перечисляю всю найденную нами провизію, что намъ пришлось питаться ею цѣлыхъ двѣ недѣли.

Усѣвшись въ кухнѣ, безъ огня, конечно, чтобы не привлечь вниманія марсіанъ, мы стали ѣсть хлѣбъ съ ветчиной, запивая свой ужинъ пивомъ. Священникъ, продолжавшій сильно трусить и безпокоиться, даже ѣлъ какъ-то тупо и нерѣшительно. Я сталъ его успокаивать и уговаривалъ поѣсть поплотнѣе, чтобы подкрѣпить свои силы. Какъ разъ въ это время случилось нѣчто, обусловившее наше продолжительное заключеніе въ той кухнѣ, въ которой мы находились.

— Двѣнадцать часовъ, должно быть, еще нѣтъ, — сказала я, но не успѣлъ еще договорить этой фразы, какъ вдругъ вся кухня освѣтилась яркимъ

зеленымъ свѣтомъ. На одно мгновеніе стало свѣтло, какъ днемъ, но затѣмъ вновь наступилъ мракъ, при чемъ послышался страшный грохотъ; стекла въ окнахъ, звеня, разсыпались, стѣны треснули, штукатурка цѣлыми кусками падала съ потоло-

ка, и одинъ ея осколокъ задѣлъ меня по головѣ.

Что было потомъ — я не помню, такъ какъ упалъ и потерялъ сознание.

Когда я пришелъ въ себя, то кругомъ было совсѣмъ темно, и священникъ, съ лицомъ, мокрымъ отъ крови, благодаря большому ранѣ на лбу, поливалъ мою голову водою. Нѣсколько минутъ я никакъ не могъ припомнить, гдѣ нахожусь и что со мною случилось. Мало-по-малу, однако же, сознание вернулось ко мнѣ окончательно. Я вспомнилъ, въ какихъ условіяхъ мы находимся.

— Лучше ли вамъ? — спросилъ священникъ.

Несмотря на сильную головную боль, я все-таки могъ отвѣчать на этотъ вопросъ и даже приподнялся немного.

— Не двигайтесь, — сказала священникъ шепотомъ. Полъ покрытъ осколками стекла и посуды. Малѣйшее движеніе вызоветъ шумъ, а между тѣмъ, я думаю, они близко, тутъ же за стѣною...

Оба мы замолчали, такъ что могли слышать дыханіе другъ друга. Кругомъ стояла абсолютная тишина, среди которой, по временамъ, до насъ доносились слабые звуки паденія небольшихъ кусковъ штукатурки съ потолка, да какое-то позвякиваніе металлическихъ цѣпей за стѣною, снаружи дома.

— Слышите? — спросилъ священникъ шепотомъ, когда оно повторилось.

— Слышу,—сказалъ я.—Что же это такое?

— Марсіанинъ!

Я прислушался. Стукъ, очевидно, происходилъ отъ прикосновенія какихъ-то металлическихъ предметовъ къ стѣнѣ кухни. Я вспомнилъ о томъ, какъ треножникъ марсіанина ударился о колокольню Шеппертонской церкви...

Положеніе наше было до такой степени опасно и неопредѣленно, что до самой зари, то-есть часа три-четыре, мы едва смѣли шевелиться. Наконецъ, стало понемногу разсвѣтать. Но свѣтъ проходилъ къ намъ не черезъ окно, остававшееся попрежнему темнымъ, а черезъ щель, которая образовалась между потолкомъ и стѣною. Когда стало немножко посвѣтлѣе, то мы увидели, что окно кухни завалено снаружи землею; она попала черезъ него и въ кухню, разсыпавшись по столу, около котораго мы ужинали. Полъ былъ весь покрытъ кусками штукатурки и обломками разнаго рода. Измятая и скрюченная дождевая труба просунулась, сквозь землю, въ окно. Потолокъ внутренняго угла кухни соѣлъ, такъ что вся остальная часть дома была, очевидно, разрушена. Наружный же уголъ, прилегающій къ окну, остался нетронутымъ. Свѣтлозеленый шкафъ, съ прекрасно вычищенной мѣдной и оловянной посудой, стоявшій въ этомъ углу, равно какъ и стѣна, оклеенная обоями, изображавшими синія и бѣлыя кафли въ шахматномъ порядкѣ, представляли яркій контрастъ съ развалинами противоположнаго угла, загроможденнаго какой-то кашей и зъ обломковъ. Въ щели этого угла ясно были видны металлические ноги марсіанина, вѣроятно, стоявшаго на часахъ при цилиндрѣ, который упалъ на нашъ домъ.

Сообразивъ все это какъ-то вдругъ когда стало немножко посвѣтлѣе, мы инстинктивно поползли въ самый темный, уголъ кухни.

— Пятый цилиндръ,—прошенталъ я. Пятый выстрѣлъ съ Марса попалъ въ этотъ домъ и похоронилъ насъ въ его развалинахъ!..

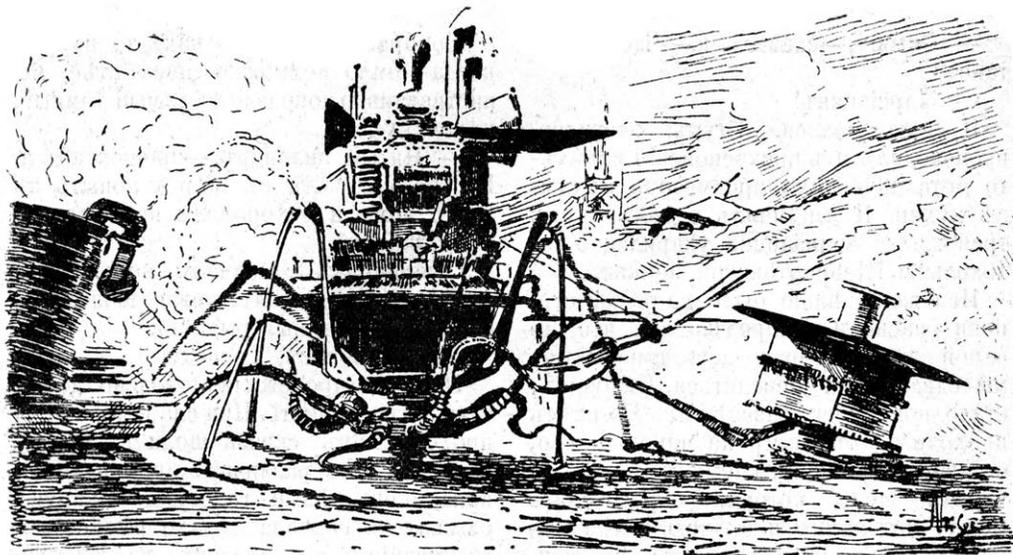
Священникъ помолчалъ немножко и затѣмъ проговорилъ, тоже шопотомъ, сквозь сдержанныя рыданія:

— Спаси насъ, Господи!

Такъ мы пролежали довольно долго, едва смѣя дышать. При слабомъ свѣтѣ, проходившемъ сквозь щели въ стѣнѣ, я съ трудомъ различалъ лицо священника и его бѣлый галстухъ. Снаружи слышалось сначала только рѣдкое постукиваніе металлическихъ частей треножника, затѣмъ раздался громкій ревъ, и, наконецъ, шипѣніе какъ бы паровой машины. Всѣ эти трудно-объяснимые звуки замѣнились, въ концѣ концовъ, рѣзкимъ скрипомъ, отъ котораго посуда въ шкапу дрожала и звенѣла, какъ при землетрясеніи. По временамъ отверстія, сквозь которыя проходилъ къ намъ свѣтъ, заслонялись чѣмъ-то, такъ что въ кухнѣ становилось совсѣмъ темно.

Много часовъ пролежали мы такимъ образомъ, скорчившись и не смѣя повернуться, въ своемъ углу. Сначала вниманіе наше было страшно напряжено, а затѣмъ напряженіе мало-по-малу смѣнилось усталостью, и мы со священникомъ крѣпко уснули...

Проснулся я, должно быть, уже поздно и очень голодный. Голодъ былъ такъ силенъ, что заставилъ меня пренебречь осторожностью и шумѣть, отыскивая себѣ пищу. Священникъ сначала не отвѣчалъ на приглашеніе раздѣлить се со мною, но потомъ соблазнился, вѣроятно, слушая, какъ я жую,—и самъ поползъ въ кладовую.

ХІХ. Въ разрушенномъ до мѣ.

ПОБВИШИ, мы вновь отползли въ темный уголъ, гдѣ я, должно быть, опять задремалъ, такъ какъ, очнувшись, оказался въ одиночествѣ. Священника около меня не было, а скрипъ продолжался попрежнему. Позвавъ нѣсколько разъ своего сожителя и не дождавшись отвѣта, я отправился на поиски, къ дверямъ кухни.

Выглянувъ изъ нихъ, я увидалъ, что священникъ лежитъ на полу почти совершенно разрушенной верхней комнаты и смотритъ въ треугольную щель стѣны. Головы его не было видно, а только сгорбленные плечи, полузакрытыя обломками, разбросанными по полу.

Черезъ отверстіе до меня доносился шумъ работавшей машины, и съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, видны были верхушки деревьевъ, позолоченныя заходящимъ солнцемъ, и клочекъ синяго неба.

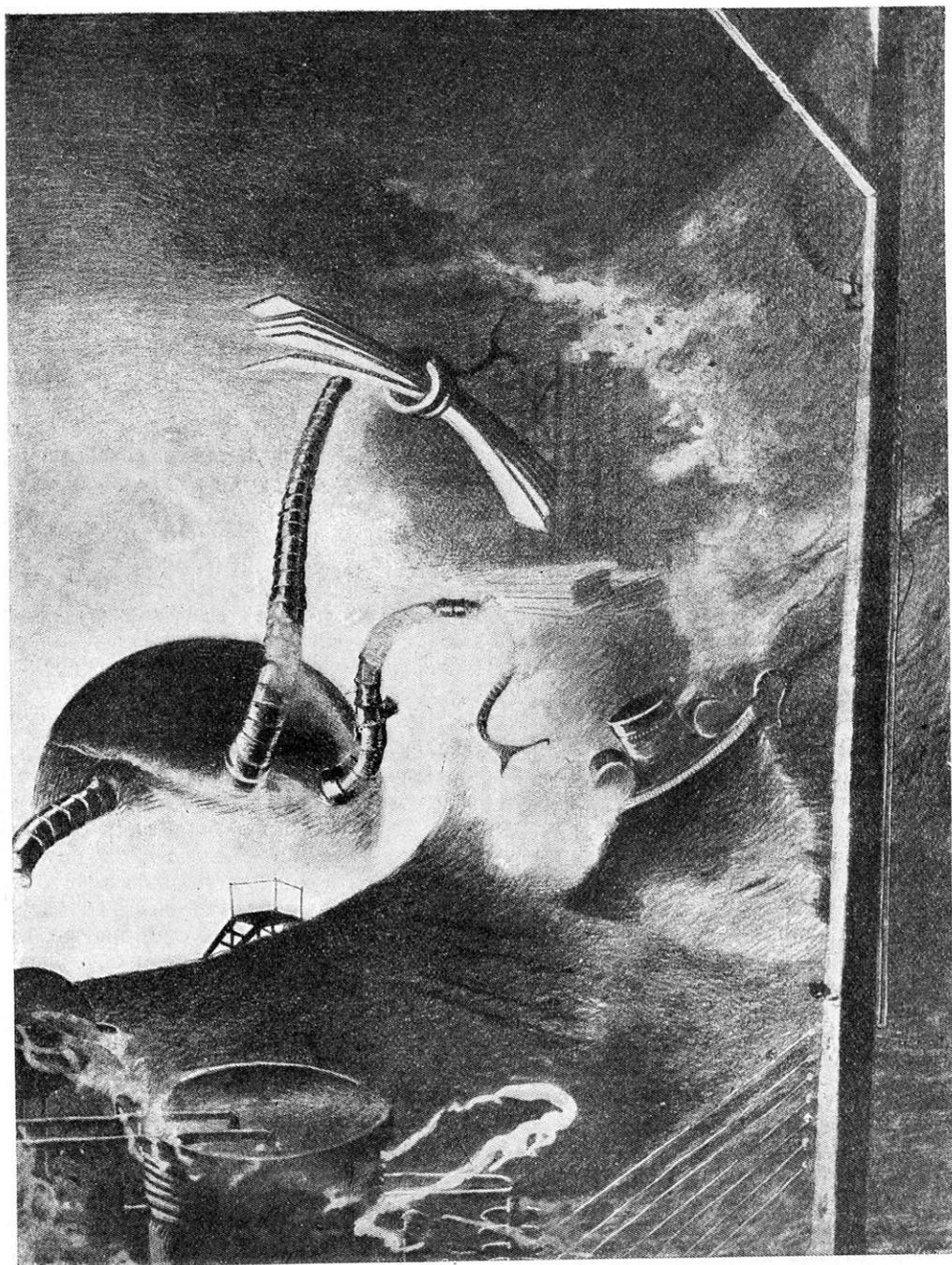
Съ минуту простоялъ я въ нерѣшимости, а затѣмъ, подойдя поближе, тронулъ священника за ногу, при чемъ онъ такъ быстро обернулся и сдѣлалъ такое рѣзкое движеніе, что съ наружной стѣны дома отпалъ большой кусокъ штукатурки, съ шумомъ шлепнувшись гдѣ-то внизъ. Оба мы страшно

испугались и притаились на нѣсколько времени за толстой балкой. Отпавшая штукатурка оставила за собою большую вертикальную щель въ стѣнѣ, такъ что я могъ смотрѣть наружу, даже не поднимаясь на цыпочки.

Громадная перемѣна произошла въ такъ недавно еще тихомъ и покойномъ мѣстечкѣ. Пятый цилиндръ упалъ какъ разъ на ту маленькую, отдѣльно стоявшую виллу, въ которую мы накануне заходили. Отъ этой виллы слѣда не осталось,—она была стерта въ порошокъ, и пятый цилиндръ сидѣлъ въ землѣ гораздо глубже, чѣмъ первый, тотъ, который я видѣлъ въ окрестностяхъ Уокинга. Ударившись о землю, онъ разбросалъ ее во все стороны, какъ большой камень, брошенный въ глубокую и густую грязь.

Все окрестные дома были въ большей или меньшей степени разрушены и завалены землею, въ томъ числѣ и нашъ, весь освѣщенный назадъ, за исключеніемъ той части, въ которой находилась кухня. Эта часть, заваленная при основаніи землею и полуразрушенная, стояла теперь на самомъ краю ямы, такъ что мы свободно могли видѣть все, что происходить на днѣ послѣдней.

Когда я заглянулъ внизъ, откуда къ

Это была многорукая машина марсиань...

намъ доносился шумъ работавшей машины и поднимались клубы зеленого дыма, то увидѣль, что цилиндръ, на-

ходившійся въ центрѣ ямы, уже открытъ, а надъ его отверстиемъ стоялъ механизмъ, который, главнымъ обра-

зомъ, и привлечь къ себѣ мое вниманіе.

Съ перваго взгляда я даже принялъ его за какое-то особое животное, за пятиногого паука, снабженнаго множествомъ суставчатыхъ рукъ или щупалець, которыми онъ весьма быстро вытаскивалъ изъ цилиндра различные металлическіе шесты, платформы, корзины, ящики и проч. Это была, теперь уже хорошо нами изученная и получившая на землѣ такое разнообразное приложеніе, многоручная машина. Только послѣ внимательнаго наблюденія и спустя нѣкоторое время я замѣтилъ на вершинѣ ея знакомую уже мнѣ форму марсіанина, который легкими движеніями своихъ щупалець направлялъ ходъ машины.

Вскорѣ я различилъ и другихъ марсіанъ, съ трудомъ ползавшихъ въ ямѣ и занимавшихся, повидимому, складываніемъ частей другой какой-то машины. Противъ меня, прислоненный къ противоположному боку ямы, стоялъ пустой треножникъ. По дну ямы, нисѣмъ не управляемый, циркулярно бѣгалъ маленькій аппаратъ, углублявшій, расширявшій и обравнивавшій ея бока. Этотъ аппаратикъ шипѣлъ и пускалъ клубы зеленого дыма.

Со времени нашествія марсіанъ много было издано книгъ и брошюръ, въ которыхъ описывались формы ихъ тѣла, бытъ, привычки и машины, ими употреблявшіяся. Но всѣ эти описанія, иногда иллюстрированныя, въ большей части случаевъ невѣрны, такъ какъ авторы ихъ судили только по остаткамъ жизни марсіанъ на землѣ, и никто изъ нихъ самъ этой жизни, воочию, не видѣлъ.

Только я одинъ, кажется, могу считать себя очевидцемъ, долго ее наблюдавшимъ при различныхъ обстоятельствахъ,—а потому и могу рассказать въ точности все, какъ было.

Освоившись съ работою многоручной машины и различивъ марсіанина, ею управляющаго, я прежде всего сталъ съ любопытствомъ вглядываться въ наружность и повадки ему подобныхъ.

Только теперь я могъ хорошо изучить эту наружность, такъ какъ около Уокинга, при первомъ взглядѣ на выльзавшаго изъ цилиндра марсіанина, я даже не успѣлъ въ него хорошенько вглядѣться, да и былъ тогда слишкомъ испуганъ, для того чтобы замѣчать подробности.

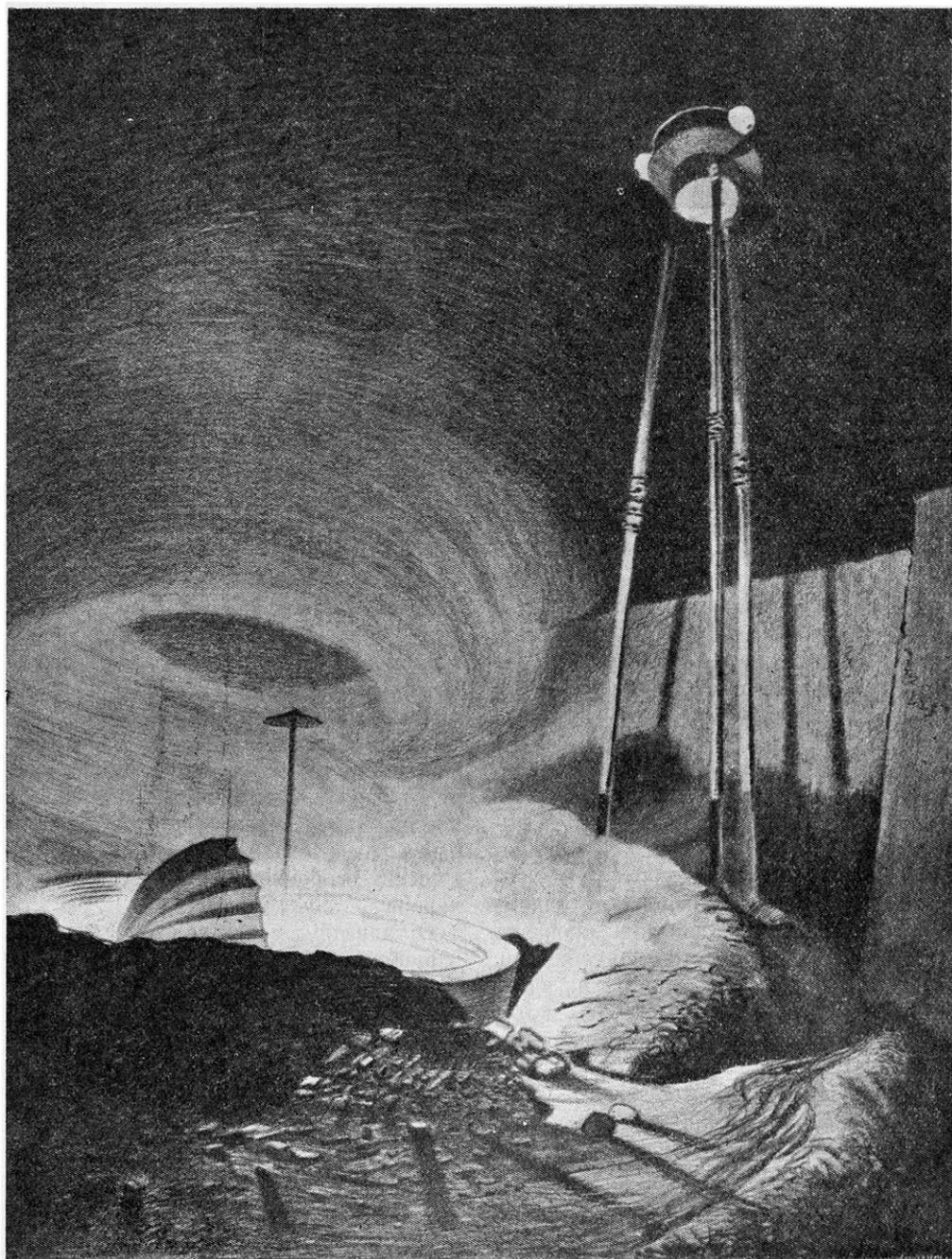
Мы, земные жители, едва ли можемъ себѣ представить что-либо подобное фигурѣ марсіанина,—до такой степени она необычна.

Собственно говоря, марсіанинъ—это одна только голова, четырехъ футовъ въ діаметрѣ, покрытая толстой, голой, блестящей темно-бурой кожей. Спереди у этой головы имѣется нѣкоторое подобіе лица: два большихъ темныхъ глаза, мясистый наростъ между ними, въ родѣ носа, но безъ ноздрей (марсіане лишены, должно быть, чувства обонянія), а подъ носомъ V-образный ротъ. Сзади головы, такъ сказать, на затылкѣ, небольшое отверстіе, затянутое перепонкой, какъ въ послѣдствіи оказалось—ухо.

По бокамъ рта—двѣ группы щупалець, по восьми въ каждой группѣ. Знаменитый анатомъ, профессоръ Хоусъ не совсемъ справедливо называетъ эти щупальцы руками, такъ какъ они ни по строенію, ни по назначенію не похожи на эти наши чисто-земные органы. Въ нихъ, во-первыхъ, совсѣмъ нѣтъ костей, а, во-вторыхъ, они предназначены не только для различныхъ работъ, какъ наши руки, но и для передвиженія. Надо думать, что на своей родной планетѣ марсіане очень быстро на нихъ ползаютъ и только здѣсь, на землѣ, принуждены были прибѣгать къ треножникамъ; впрочемъ, и управленіе послѣдними было для нихъ очень затруднительно, какъ и всякая мышечная дѣятельность.

Анатомическое строеніе организма марсіанъ, какъ это въ послѣдствіи было доказано многочисленными вскрытіями, очень просто.

Большую часть ихъ мясистаго тѣла занимаетъ громадный мозгъ, посылающій толстые нервные стволы къ орга-

Прислоненный къ боку ямы, стоялъ пустой треножникъ...

намъ чувствъ и щупальцамъ. Кромѣ мозга, найдены были легкія съ бронхами, начинающимися прямо отъ рта,

сердце и сосуды. Только и всего. Ни скелета, ни пищеварительныхъ, ни кро-вообразовательныхъ, ни выдѣлительныхъ

органовъ (кромѣ потовыхъ железъ, во множествѣ разсѣянныхъ по кожѣ) не было найдено.

Какъ это ни странно для насъ, земныхъ жителей, привыкшихъ видѣть, что все живое питается при помощи пищеварительныхъ органовъ, перерабатывающихъ и ассимилирующихъ пищевыя вещества, у марсіанъ такихъ органовъ, дѣйствительно, не было. Дѣло въ томъ, что они не ѣли, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Они питались кровью живыхъ существъ, впрыскивая ее прямо въ свои вены. Я самъ много разъ видалъ, какъ это дѣлается, но не стану описывать всю процедуру, на которую мнѣ даже смотрѣть было противно...

Да, собственно говоря, и описывать нечего: человѣческая кровь, на моихъ глазахъ, просто переливалась шпателью въ особое отверстіе на тѣлѣ марсіанина,—только не въ ротъ, который у нихъ служитъ единственно для дыханія.

Самая идея о такомъ способѣ питанія имѣетъ въ себѣ что-то отталкивающее, хотя, въ сущности, чѣмъ же онъ хуже мясояденія? Что бы подумалъ о послѣднемъ интеллигентный кроликъ или баранъ? Между тѣмъ удобство и выгоды переливанія крови, по сравненію съ нашимъ земнымъ способомъ питанія, неоспоримы. Сколько времени и жизненной энергіи тратится нами на одно только перевариваніе пищи! Какую громадную часть всей массы на-

шего тѣла составляютъ пищеварительныя органы! Какъ сильно влияетъ пищевареніе на нашу психику! Можно почти сказать, что счастье и несчастье человѣка зависитъ отъ состоянія его желудка и печени, а марсіане отъ этого избавлены,—у нихъ совсѣмъ нѣтъ ни печени, ни желудка.

Надо замѣтить, однако, что, благодаря этому обстоятельству, выборъ пищи долженъ быть очень для нихъ затрудненъ. Не имѣя возможности перерабатывать пищевыя вещества, приспособляя ихъ къ потребностямъ своего организма, марсіане должны для своего пропитанія подыскивать такихъ животныхъ, кровь которыхъ, по составу и морфологическимъ элементамъ, похожа на ихъ собственную. Здѣсь, на землѣ, они питались исключительно кровью людей, да и на Марсѣ, должно быть, пользовались для этого существами человѣкоподобными. По крайней мѣрѣ, впоследствии, въ оставленныхъ ими ямахъ были найдены трупы и скелеты двуногихъ и двурукихъ существъ, шести футовъ ростомъ, очевидно, взятыхъ въ запасъ, на дорогу, съ Марса. Скелеты эти были очень похожи на человѣческіе, но отличались строеніемъ костей, почти сплошь губчатыхъ, слабымъ развитіемъ мускулатуры и нѣкоторыми особенностями въ устройствѣ черепа.

Организанція марсіанъ отличалась отъ нашей еще и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, они не нуждались въ одышѣ, въ снѣ, такъ же какъ сердце человѣческое никогда въ немъ не нуждается. Зависѣло это, по всей вѣроятности, отъ того, что мышечная дѣятельность марсіанъ очень незначительна. Даже здѣсь, на землѣ, гдѣ она по необходимости должна была усиливаться, я все-таки никогда не видалъ, чтобы марсіане отдыхали или спали. Они работали двадцать четыре часа въ сутки, какъ муравьи.

Во-вторыхъ, марсіане, повидимому, суть существа безполюя, такъ что полювыя эмоціи совсѣмъ имъ незнакомы

и не отвлекаютъ ихъ отъ дѣла. Одинъ молодой экземпляръ родился на землѣ,— это не подвержено никакому сомнѣнiю,—и онъ былъ найденъ на тѣлѣ своего родителя, въ видѣ нароста,—такъ что марсиане, надо думать, размножаются почкованiемъ, какъ нѣкоторыя низшiя животныя. Этотъ способъ размноженiя надо считать первобытнымъ у насъ, на землѣ, а на Марсѣ, должно быть, имѣла мѣсто обратная эволюцiя.

Слѣдуетъ замѣтить, что задолго до нашествiя марсианъ, еще въ прошломъ столѣтiи, въ ноябрѣ или декабрѣ 1893 года, сколько помнится, одинъ остроумный писатель предсказывалъ, въ шутовомъ тонѣ, конечно, что человѣчество, благодаря прогрессу цивилизаци и обширному приложенiю машинъ разнаго рода, должно измѣниться въ анатомическомъ отношенiи: мозгъ и нервная система его должны сильно развиться, а скелетъ и мускулатура—подвергнуться регрессивной метаморфозѣ. По мнѣнiю этого писателя (статья его появилась тогда въ „Pall Mall Budget“ и „Punch“, я помню, помѣстилъ карикатурное изображенiе будущаго существа), ноги, носъ, волосы и зубы человѣка должны исчезнуть со временемъ, а руки должны развиться, но не въ сторону силы, а въ сторону ловкости.

Какъ видно изъ примѣра марсианъ (если только они суть результатъ эволюцiи человѣка), писатель этотъ былъ очень не далекъ отъ истины, но онъ только не предугадывалъ психической стороны проектированнаго имъ существа. По его мнѣнiю, существо это, лишаясь понемногу „плоти“ и связанныхъ съ нею чувствъ, должно было становиться все болѣе и болѣе духовнымъ. На самомъ же дѣлѣ отсутствiе плотскихъ эмоцiй (въ составъ которыхъ входитъ, вѣдь, и

милосердiе, и жалость, и снисходительность къ ошибкамъ, и самая любовь) повело лишь къ образованiю высоко-развитыхъ, но абсолютно эгоистичныхъ и самодовольныхъ интеллектовъ, какими мнѣ представляются марсиане.

Наблюдая за ними довольно долго, я ни разу не могъ замѣтить ни единого признака какихъ-либо чувствъ, которыя бы соединяли даже ихъ-то самихъ другъ съ другомъ. Всѣ сношенiя между ними, вся ихъ общественная жизнь основана, повидимому, на одномъ только расчетѣ, на взаимной выгодѣ совмѣстнаго существованiя (въ старые годы, въ половинѣ прошлаго столѣтiя, были и у насъ на землѣ мыслители, признававшiе взаимную выгоду единственнымъ звеномъ, связывающимъ человѣчество воедино, но взглядъ этотъ давно брошенъ, какъ невѣрный). Да надо признаться, что и сношенiя-то эти — по крайней мѣрѣ, насколько мнѣ пришлось замѣтить—очень ограничены.

Въ книгахъ, трактующихъ о нашествiи марсианъ и о нихъ самихъ, говорится обыкновенно, что они сносились другъ съ другомъ при помощи звуковъ и жестовъ. Но я могу сказать утвердительно, что это неправда. Шестъ или семь марсианъ, на моихъ глазахъ, по нѣскольку сутокъ работали вмѣстѣ надъ составленiемъ самыхъ сложныхъ машинъ, приходили и уходили, не мѣняясь ни звуками, ни жестами. Единственный звукъ, который они при мнѣ издавали (за исключенiемъ рева механической сирены, употребляемой ими для сношенiй на большихъ разстоянiяхъ), состоялъ изъ какого-то противчатаго писка, всегда предшествовавшаго принятию пищи и обусловленнаго мнѣ, кажется, простымъ выпусканiемъ воздуха изъ легкихъ, для того, чтобы удобнѣе было всасывать кровь...

Будучи знакомъ нѣсколько съ психологiей, я положи-

тельно убѣдился, что всѣ сношенія марсіанъ другъ съ другомъ идутъ путемъ телепатическимъ. Читатели могутъ повѣрить мнѣ въ этомъ на слово, если припомнятъ мои психологическія статьи, въ которыхъ я, до нашествія марсіанъ, высказывался относительно телепатіи крайне недовѣрчиво. Марсіане меня окончательно убѣдили въ возможности передачи не только чувствъ, но даже идей безъ помощи какихъ бы то ни было наружныхъ знаковъ.

Одежды марсіане никакой не носили, и я заключаю изъ этого, что организмъ ихъ гораздо легче переноситъ всевозможныя перемѣны температуры, чѣмъ нашъ. Не нося, однако же, одежды и имѣя, вѣроятно, совершенно отличныя отъ нашихъ понятія объ этикѣ и эстетикѣ, они далеко превзошли насъ въ разработкѣ понятій о пользѣ и удобствѣ. Если человѣкъ теперь научился обострять свои способности и удовлетворяетъ потребностямъ при помощи разнообразныхъ механическихъ приспособленій, то про марсіанъ можно сказать, что они, будучи почти единственно только интеллектами, дошли до искусства облекать эти интеллекты въ такой механической организмъ, какой только въ данную минуту и для выполнения данной задачи требуется. Я не механикъ, и не мое дѣло подробно описывать тѣ въ высшей степени остроумныя и сложныя машины, которыя они привезли съ собою на землю; но я не могъ не замѣтить, что эти машины гораздо болѣе похожи на живыя существа, чѣмъ сами ихъ изобрѣтатели, марсіане. Интересно, между прочимъ, что во всѣхъ этихъ механизмахъ (какъ и въ самой природѣ, надо замѣтить) совершенно отсутствуетъ идея колеса, безъ котораго не можетъ, кажется, обойтись ни одна наша земная машина. И не только колеса, положительно избѣгаемаго марсіанами (нельзя же предположить, что они не имѣютъ о немъ понятія), а даже всякаго кругообразнаго движенія въ одной плоскости они, почему-то, не любятъ. Всѣ сочлененія въ ихъ машинахъ устроены по

образу плечевого и бедрнаго суставовъ въ тѣлѣ человѣка, а движущей силой является электричество, дѣйствующее на мускулоподобныя сочетанія металлическихъ дисковъ, заключенныхъ въ эластическую оболочку. При прохожденіи тока диски эти поляризуются и сближаются между собою, дѣйствуя на рычаги совершенно такъ же, какъ мышца. Потому-то машины марсіанъ всѣ паукообразны и такъ походятъ на живыя существа, что съ перваго взгляда ихъ трудно отличить отъ живыхъ громадныхъ пауковъ. Во всякомъ случаѣ, эти машины проявляли гораздо больше жизни и энергіи, чѣмъ сами марсіане, которые здѣсь, на землѣ, по крайней мѣрѣ, едва двигались, угнетаемые слишкомъ высокимъ атмосфернымъ давленіемъ и непривычной обстановкой. Надо думать, что, приготовляясь къ переселенію на землю, они все это предвидѣли, и потому заранее запаслись огромнымъ количествомъ машинъ и ихъ частей. Присутствуя при выгрузкѣ запасовъ изъ пятаго цилиндра, я былъ пораженъ обиліемъ привезенныхъ съ Марса рычаговъ электрическихъ мышцъ.

Говоря о запасахъ, привезенныхъ марсіанами съ родной имъ планеты, нельзя не упомянуть о сѣменахъ, которыя они, можетъ быть, даже случайно, захватили съ собою. Судя по растеніямъ, весьма быстро выросшимъ изъ этихъ сѣмянъ, надо думать, что на

Марсѣ вся растительность окрашена не въ зеленый, какъ у насъ, а въ ярко-алый цвѣтъ. По крайней мѣрѣ, я на второй уже день своего заключенія въ полуразрушенномъ домѣ былъ пораженъ появленіемъ красныхъ пятенъ на внутреннихъ бокахъ ямы, а на четвертый день вся она уже заросла высокими, ярко-алыми кактусообразными кустами, между которыми стлалась мелкая, тоже ярко-алая, мягкая травка. Последняя весьма быстро завяла, — должно быть, не вынесла земныхъ условий существованія.

Что же касается упомянутого кактусообразнаго растенія, то оно акклиматизировалось у насъ, на землѣ, и всѣмъ теперь извѣстно подъ именемъ

красной травы, въ мокрыхъ мѣстахъ заглушающей всякую другую растительность.

Я такъ засмотрѣлся на невиданное зрѣлище, что совсѣмъ забылъ о священникѣ, который рѣшился, наконецъ, напомнить о своемъ существованіи и сильно дернулъ меня за руку. Пришлось уступить ему очередь наблюденія за марсіанами, такъ какъ треугольная дыра, въ которую мы глядѣли, была слишкомъ мала для двоихъ.

Когда я потомъ опять изъ нея взглянулъ, то вторая многоручная машина марсіанъ была уже совсѣмъ голова, а шипящій аппаратикъ все продолжалъ бѣгать по ямѣ, углубляя и обравнивая ея дно.

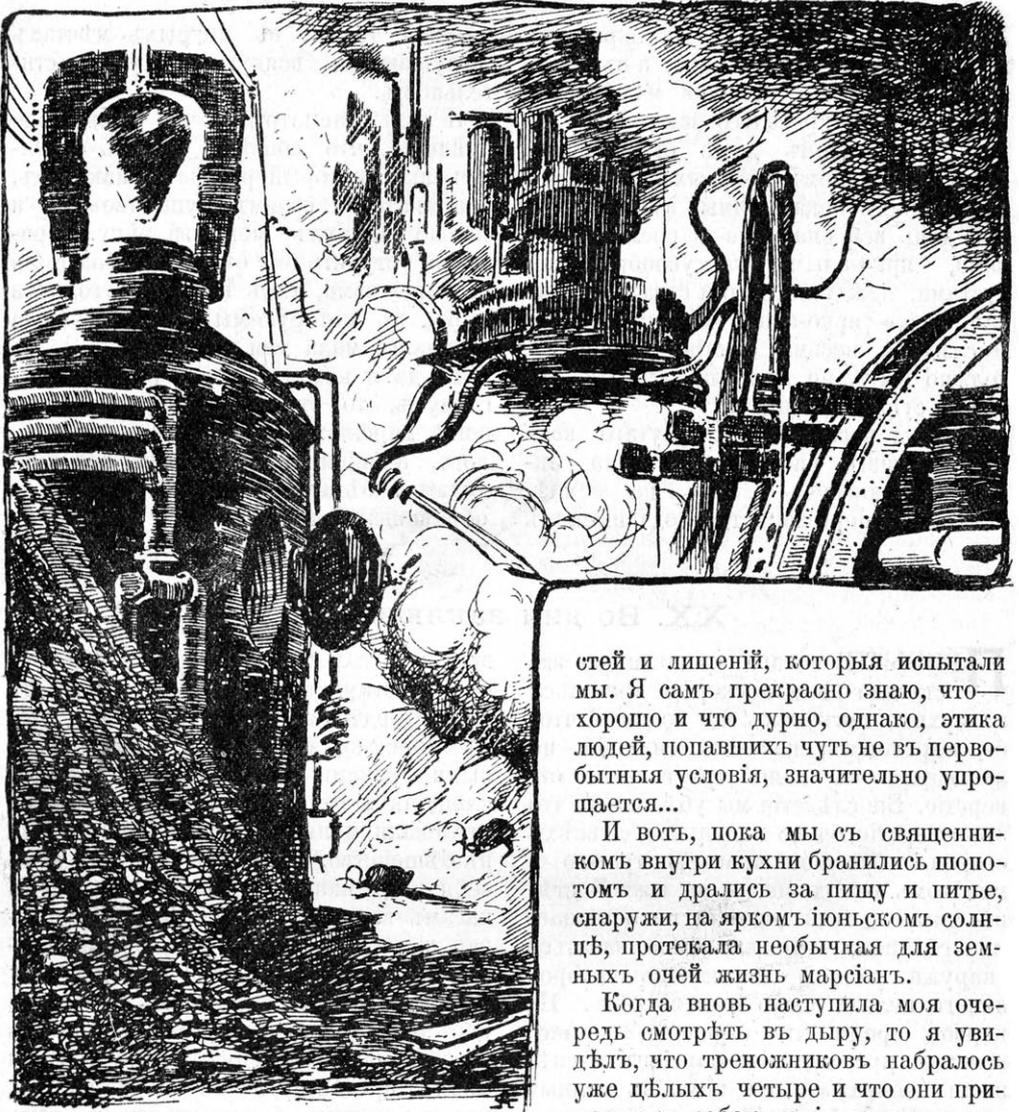
XX. Во дни заключенія.

ПРИБЫТИЕ новаго треножника заставило насъ поскорѣе прятаться въ кухню, такъ какъ мы боялись, чтобы марсіанинъ, на немъ сидящій, не заглянулъ въ наше треугольное отверстіе. Впослѣдствіи мы убѣдились, что это отверстіе, очень маленькое, со всѣхъ сторонъ обросшее красною травкою и при томъ находящееся на южной стѣнѣ ямы, то-есть никогда не освѣщаемое солнцемъ, — должно было казаться снаружи темною дырою, въ которой ничего нельзя было разсмотрѣть. Но первое время мы страшно пугались всякаго приближенія марсіанъ и спѣшили забиваться отъ нихъ въ темный уголъ. Какъ бы ни былъ, однако же, великъ нашъ страхъ, но любопытство оказалось сильнѣе его. Живя среди постоянныхъ опасеній умереть съ голода или быть съѣденными, мы съ священникомъ все же чуть не дрались за право смотрѣть въ щель и держались въ этомъ отношеніи строгой очереди.

Какъ ни смѣшно теперь вспомнить, но право это дѣйствительно возбудило въ насъ нѣкотораго рода вражду другъ къ другу. Я полагаю, впрочемъ, что натуры наши были вообще несовмѣстимы, а насильственное уединеніе

вдвоемъ только рѣзче выказало эту несовмѣстимость. Священникъ уже въ Халлифордѣ сталъ мнѣ противенъ своею тупостью, безсиліемъ и высокопарными фразами. Его безпрестанныя восклицанія и отчаянные монологи только отвлекали меня отъ дѣла и приводили въ бѣшенство. Въ заключеніи онъ велъ себя какъ капризная баба — по цѣлымъ часамъ плакалъ и причиталъ, выматывая изъ меня душу. И, что всего досаднѣе, причитанія эти казались ему дѣломъ, должнымъ служащимъ избавить насъ отъ опасности. При этомъ ѣлъ онъ гораздо больше, чѣмъ я, не слушая моихъ предостереженій на счетъ того, что мы должны беречь провизію, такъ какъ неизвѣстно, сколько намъ еще остается пробыть въ заключеніи, которое могло кончиться только съ уходомъ марсіанъ. Спалъ онъ, однако же, очень мало.

Съ теченіемъ времени, его тупая беззаботность по отношенію къ запасамъ провизіи и страстная охота разглагольствовать, забывая, что слова его могутъ быть услышаны марсіанами, заставили меня обращаться съ нимъ довольно круто, прибѣгая не только къ угрозамъ, но и — стыдно сказать — къ

пинкамъ. Это сдерживало его на время, но очень не надолго. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ слабыхъ и лицемерныхъ натуръ, лишенныхъ всякой гордости, вялыхъ, анемичныхъ трусливыхъ, которыя не могутъ не лгать и Богу, и людямъ, и себѣ самимъ.

Мнѣ неприятно вспоминать объ этомъ, но, во имя истины, я молчать не могу. Многіе упрекнуть меня, конечно, въ жестокости, несдержанности, даже варварствѣ, но упрекать легко, особенно тому, кто не испытывалъ тѣхъ опасно-

стей и лишений, которыя испытали мы. Я самъ прекрасно знаю, что—хорошо и что дурно, однако, этика людей, попавшихъ чуть не въ первобытныя условія, значительно упрощается...

И вотъ, пока мы съ священникомъ внутри кухни бранились шопотомъ и дрались за пищу и питье, снаружи, на яркомъ юньскомъ солнцѣ, протекала необычная для земныхъ очей жизнь марсианъ.

Когда вновь наступила моя очередь смотрѣть въ дыру, то я увидѣлъ, что треножниковъ набралось уже цѣлыхъ четыре и что они принесли съ собою какія-то новыя машины и приспособленія, разставленныя теперь, въ особомъ порядкѣ, вокругъ цилиндра. Вторая многоручная машина была уже совсѣмъ готова и занималась какимъ-то дѣломъ, котораго я сначала никакъ не могъ осмыслить.

Вглядываясь пристальнѣе, я различилъ большой котель, стоявшій надъ круглымъ резервуаромъ, который находился на землѣ. Со дна котла, изъ особаго отверстия, постоянно сыпался въ резервуаръ какой-то бѣлый порошокъ, а надъ котломъ висѣлъ груше-

образный сосудъ, приводимый въ оез-
престанное дрожательное движеніе.

Одна изъ многоручныхъ машинъ
двумя лопатовидными руками своими
копала тутъ же, со дна ямы, желтую
глину и бросала ее въ грушевидный
сосудъ, постоянно качая его третьею
рукою, а четвертою отворяя по вре-
менамъ боковую дверцу котла и вы-
гребая оттуда что-то въ родъ блестя-
щаго спекшагося шлака, цѣля кучи
котораго были уже навалены около.
Пятая рука той же машины направляла
бѣлый порошокъ изъ резервуара, по
желобу, куда-то за кучи шлака, гдѣ
работала другая многоручная машина
и откуда поднимался зеленый дымокъ.

Отъ времени до времени первая ма-
шина протягивала нѣчто въ родъ щу-
пальца, удлиняющагося наподобіе под-
зорной трубки, доставала изъ-за кучи
шлака блестящій, очевидно, только-что
отлитый или выкованный алюминіевый
шестъ и ставила его къ одному изъ
боковъ ямы. Отъ заката солнца до на-
ступленія полной темноты такихъ алю-
миніевыхъ шестовъ было понадѣлано
больше сотни — и все это прямо изъ
весьма плохой и нечистой глины.

Такая дихорадочная дѣятельность
машинъ представляла удивительный
контрастъ съ неподвижностью марсі-
анъ, ими управлявшихъ. Послѣдніе
какъ бы дѣйствительно играли роль
мозга въ организмѣ, размѣры и устрой-
ство котораго могутъ быть измѣняемы
согласно надобности.

Понаблюдавъ нѣсколько времени за
вышеописанной
работой, я усту-
пилъ свое мѣсто
около щели свя-
щеннику. Долго
спокойствіе наше
ничѣмъ не на-
рушалось, какъ
вдругъ сожитель
мой отскочилъ на-
задъ и бросился
ко мнѣ съ жеста-
ми неописаннаго
ужаса. Забив-

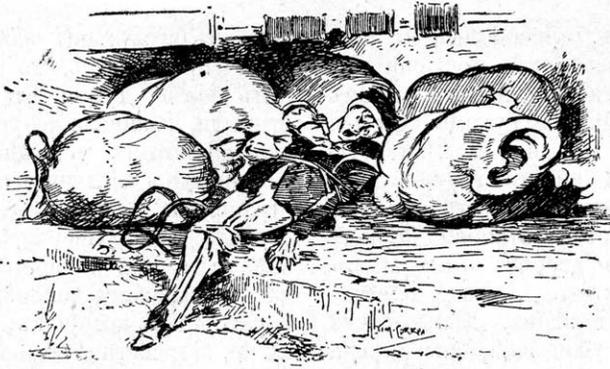
шись въ уголь, онъ закрылъ лицо ру-
ками и прошепталъ, что не можетъ смот-
рѣть болѣе. Думая, что марсіане насъ
открыли, я сначала испугался не меньше
его, но потомъ успокоился понемногу
и осторожно выглянулъ въ щель. Ничего
страшнаго, повидимому, не было. На-
ступила ночь. Вверху слабо мерцали
звѣзды, а яма по временамъ освѣща-
лась вспышками зеленого огня изъ ла-
бораторіи, въ которой выплавлялся алю-
миній. Марсіанъ не было видно; всѣ они
собрались, должно быть, въ этой лабо-
раторіи, которая теперь совершенно за-
слонила отъ моихъ глазъ кучами шла-
ка. Въ воздухѣ рѣяли летучія мыши,
не обращающія никакого вниманія на
необычность обстановки. Въ одномъ изъ
угловъ ямы стоялъ на поджатыхъ нож-
кахъ треножникъ, который сначала
показался мнѣ пустымъ, но потомъ,
при вспышкахъ зеленого огня, я раз-
личилъ на немъ лоснящуюся кожу мар-
сіанина.

Все было спокойно, повидимому, но,
спустя нѣсколько времени, сквозь шумъ
и дребезжаніе машинъ, я сталъ раз-
личать какіе-то слабые звуки, напоми-
навшіе человѣческіе голоса. Вдругъ
одна изъ рукъ треножника поднялась
кверху, закинулась, такъ сказать, за
его плечо и вынула изъ находившейся
тамъ корзины какой-то движущійся
предметъ, очертанія котораго на фонѣ
ночного неба были очень неясны. Въ
то же время послышался раздрающій
и на этотъ разъ несомнѣнно человѣ-
ческій вопль. Когда рука треножника

съ находящимся
въ ней предме-
томъ опустилась
книзу, то при свѣ-
тѣ зеленого огня
я совершенно яс-
но разглядѣлъ,
что предметъ
этотъ былъ весь-
ма прилично одѣ-
тый и очень оса-
нистый господинъ
среднихъ лѣтъ,
дня три тому на-

задь игравшій, можетъ быть, не послѣднюю роль въ своемъ приходѣ. Въ настоящую минуту онъ кричалъ и усиленно отбивался, напоминая пойманнаго за уши зайца. Золотая цѣпочка

его часовъ блеснула на мгновение передъ моими глазами, и затѣмъ онъ исчезъ за кучами плака, откуда послышался радостный пискъ марсіанъ, предшествующій у нихъ, какъ я узналъ послѣ, всякому принятію пищи...

Подобно священнику, я отскочилъ отъ щели и, зажимая уши, бросился въ кухню, куда послѣдовалъ за мною и мой сожитель, боявшійся остаться въ одиночествѣ.

Цѣлую ночь мы просидѣли, колеблясь между страхомъ и желаніемъ взглянуть, что дѣлается снаружи. Я чувствовалъ потребность быть дѣятельнымъ и строилъ планы побѣга, которые, однако же, при свѣтѣ дня, оказались несбыточными и разлетѣлись какъ дымъ. Посовѣтоваться мнѣ было не съ кѣмъ, такъ какъ священникъ, благодаря постоянно испытываемому страху, сталъ совершенно неспособенъ разсуждать и проявлялъ себя только безсвязными порывами. Въ сущности онъ опустился до уровня безсловеснаго животнаго, реагирующаго на внѣшнія раздраженія только рефлективно. Но я, что называется, обѣими руками держался за жизнь и разумъ. Какъ бы ни было ужасно наше положеніе, оно не казалось мнѣ безвыходнымъ. Легко можетъ случиться, что марсіане, изготовивъ все, что имъ требуется, уйдутъ изъ ямы, а при скорости, съ которою они работаютъ, это должно случиться—много—черезъ два-три дня. Наконецъ, если бы они даже остались жить въ ямѣ надолго, то вѣдь будутъ же они уходить изъ нея, не оставляя караулъ-

щика, совершенно ненужнаго при данныхъ обстоятельствахъ. А разъ мы останемся одни, то побѣгъ будетъ вполне возможенъ. Между прочимъ, мы могли бы даже прокопать се-

бѣ выходъ и бѣжать ночью, если бы только у меня былъ болѣе надежный товарищъ. Страшная злоба противъ послѣдняго кипѣла въ моей душѣ при этой мысли.

Я рѣшился копать одинъ и провелъ за этимъ занятіемъ весь второй день, но, прокопавъ небольшой ходъ, фута на два въ длину, вызвалъ этимъ сползваніе наружной земли, сопровождавшееся некоторымъ шумомъ, который могъ обратить на себя вниманіе марсіанъ. Кромѣ того, сползшая земля засыпала и мой ходъ, такъ что пришлось совсѣмъ отказаться отъ мысли о бѣгствѣ при помощи подкопа.

На третій день я видѣлъ всѣ подробности переливанія крови, отъ которыхъ у меня и теперь при одномъ воспоминаніи морозъ подираетъ по кожѣ. Послѣ этого я день или два пролежалъ въ темномъ углу безъ всякой мысли и безъ движенія. На пятую, кажется, ночь я неожиданно услышалъ что-то въ родѣ отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Это была прекрасная лунная ночь. Марсіане ушли куда-то, унеся съ собою одну изъ многоручныхъ машинъ и бѣгающій ашарагицъ. Въ ямѣ осталась только другая машина, работавшая что-то такое какъ разъ подъ нашей обсерваторіей, такъ что я не могъ ее видѣть, и часовой на треножникѣ, который стоялъ въ противоположномъ углу. Луна освѣщала только верхнюю часть стѣнъ ямы и голову треножника, на которой ярко блестѣла кожа марсіанина, точно смазанная масломъ.

Дно ямы было покрыто мракомъ, изрѣдка освѣщавшимся слабыми вспышками зеленого огня въ многоручной машинѣ. Однообразный шумъ послѣдней да рѣдкое погромыхиваніе металлическихъ частей треножника одни только нарушали величественную тишину ночи. Луна, окруженная миллиардами звѣздъ, казалось, царствовала во вселенной. Даже на мою измученную душу величіе этого зрѣлища подѣйствовало успокоительно. Я забылъ на время, гдѣ нахожусь и что меня окружаетъ,

перенесясь мысленно во дни моей юности, когда такія ночи, возбуждая жажду жизни, дѣйствовали бодрящимъ образомъ на всю мою нервную систему.

Спустя нѣсколько времени гдѣ-то поблизости завyla собака. Этотъ привычный звукъ еще болѣе отвлекъ мое вниманіе отъ дѣйствительности. Я сталъ внимательно прислушиваться—и вотъ тутъ-то ясно разслышалъ выстрѣлы изъ большихъ пушекъ. Ихъ было шесть. Затѣмъ, послѣ долгаго промежутка, еще шесть. А потомъ все смолкло.

XXI. Смерть священника.

НА шестой день нашего заключенія, смотря въ щель на яму, я какъ-то обернулся назадъ и увидаль, что священникъ не стоитъ, но обыкновенію, около меня, дожидаясь своей очереди, а ушелъ въ кухню. Пораженный внезапной мыслью, я отправился потихоньку туда же. Уже при входѣ слышно было, что сожитель мой пьетъ что-то такое, громко булькая. Я протянулъ руку въ темнотѣ и наткнулся на бутылку бургонскаго. Съ минуту продол-

жалась борьба между нами, а затѣмъ бутылка упала на полъ и со звономъ разбилась, при чемъ оба мы замолкли, сильно струсивъ. Когда страхъ мой прошелъ, то я твердо заявилъ своему сожителю, что съ пищей впредь надо обращаться осмотрительно и что я буду неуспшно наблюдать за тѣмъ, чтобы никто изъ насъ не ѣлъ и не пилъ больше опредѣленной порціи, такъ какъ иначе мы рискуемъ умереть съ голода. Священникъ покорно выслушалъ мое

распоряженіе, но вечеромъ того же дня сдѣлалъ попытку украсть ломоть ветчины. Я дремалъ въ это время, но тотчасъ же проснулся и помѣшалъ ему исполнить намѣреніе. Цѣлую ночь послѣ этого просидѣли мы другъ противъ друга, онъ—плача и жалуясь на голодь, а я—упорно сторожа наши запасы. Эта ночь показалась мнѣ длиннѣе всего времени нашего заключенія.

Такимъ образомъ, наша взаимная несовмѣстимость окончилась открытой враждой. Два дня мы провели въ этой враждѣ.

Были минуты, когда я положительно приходилъ въ бѣшенство, ругалъ и билъ моего сожителя чѣмъ попало. Разъ я чуть не убилъ его бутылкой бургонскаго, которую онъ старался вырвать изъ моихъ рукъ. Но ни строгость, ни побои, ни уговоры, ни ласка, съ которой я къ нему иногда обращался, не помогали. Священникъ положительно сходилъ съ ума и съ каждымъ днемъ становился все шумливѣе, забывая даже страхъ передъ марсіанами.

Въ концѣ концовъ онъ совсѣмъ пересталъ сдерживаться, такъ что и я отказался отъ всякихъ попытокъ образумить его, видя, что имѣю дѣло съ человѣкомъ сумасшедшимъ.

Надо замѣтить, что и самъ я былъ не совсѣмъ нормаленъ — спалъ плохо и бредилъ иногда во снѣ. Какъ это ни странно, но мнѣ кажется, что сумасшествіе священника спасло мой собственный разумъ,—въ силу необходимой реакціи.

На восьмой день нашего заключенія сожитель мой, ототкнувъ фонтанъ своего краснорѣчія, сталъ болтать безпрерывно и уже не шопотомъ, а вслухъ.

— Справедливъ Ты, Господи! — восклицалъ онъ, тупо смотря въ потолокъ.—Справедливъ Ты и многомилостивъ! На мнѣ и на родѣ моемъ лежитъ проклатіе Твое! Грѣшенъ я, грѣшенъ превѣше всѣхъ овецъ стада Твоего, ввѣреннаго моему храненію! Горе, бѣдность и печаль царствовали

въ мѣрѣ. Богатые угнетали бѣдныхъ, а я, многогрѣшный, молчалъ! Я проповѣдывалъ терпѣніе несчастнымъ, вмѣсто того, чтобы громить нечестивыхъ, склоняя ихъ къ раскаянію и борясь съ ними до конца живота моего!.. Угнетатели бѣдныхъ и нуждающихся... Виноградникъ Божій...

Поболтавъ такимъ образомъ нѣсколько времени, онъ вновь бросался на пищу, плакалъ, просилъ, дрался со мной, постоянно возвышая голосъ. Сначала я уговаривалъ его, грозя марсіанами, но потомъ онъ сообразилъ, что я боюсь послѣднихъ, и сталъ, въ свою очередь, угрожать мнѣ своимъ крикомъ, могущимъ привлечь вниманіе нашихъ враговъ.

Эта угроза меня дѣйствительно испугала, однако же дѣлать изъ-за нея поблажки священнику я не намѣревался, такъ какъ онъ, въ такомъ случаѣ, все равно, съѣлъ бы сразу всѣ наши запасы, и намъ пришлось бы умереть съ голода. Ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій онъ не приводилъ въ исполненіе своей угрозы, хотя болталъ довольно громко, но на десятый день, только что успѣвъ проснуться, сталъ орать такъ громко, что марсіане легко могли слышать его крики.

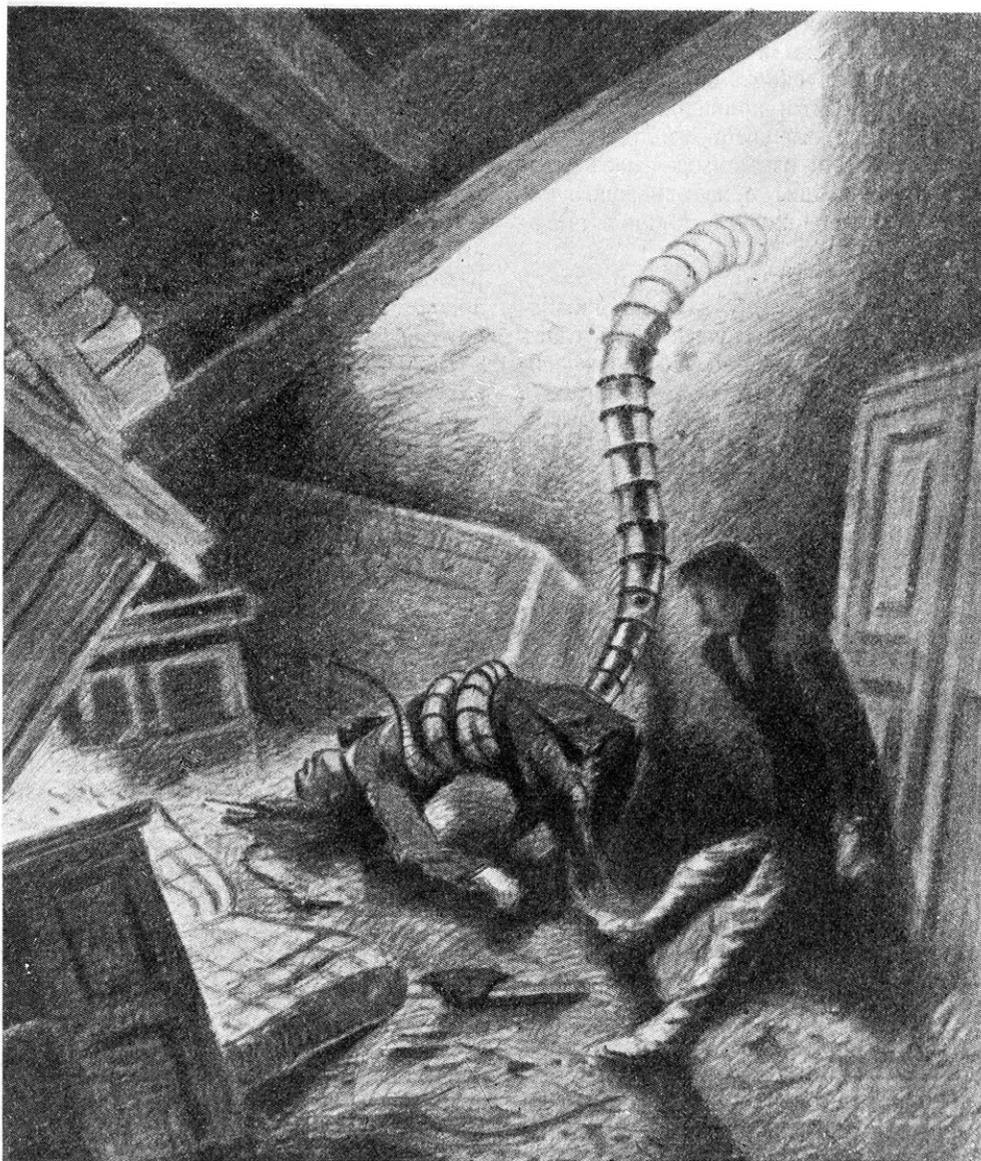
— Замолчите, ради Бога! — сказалъ я ему, но онъ, отстранивъ меня величественнымъ жестомъ, всталъ на ноги и сказалъ нарочно такимъ тономъ, чтобы слышно было въ ямѣ:

— Я долго молчалъ, а теперь на мнѣ лежитъ обязанность свидѣтельствовать передъ Господомъ! Горе граду сему! Горе! Горе! Горе всему роду человѣческому, ибо прозвучала труба...

— Да замолчите ли вы! — сказалъ я энергичнымъ шопотомъ, схватывая священника за руку,—вѣдь они услышатъ...

— Отыди! — заревѣлъ священникъ, становясь въ позу и простирая руки кверху.—Я долженъ говорить! Такъ великъ Господь!

Въ три прыжка онъ былъ уже у двери кухни, гдѣ продолжалъ громко кричать:

Рука поволокла къ отверстию тяжелое тѣло

— Я долженъ свидѣтельствовать о Господѣ! Иду! Я слишкомъ долго молчалъ!

Я схватилъ большой кухонный ножъ, лежавшій на столѣ, и бросился за своимъ сожителемъ. Страхъ сдѣлалъ меня жестокимъ.

Догнавъ священника, я схватилъ его за руку и ударилъ рукояткой

ножа по головѣ; въ то же время онъ споткнулся, упалъ и остался лежать молча, а я, остановившись въ дверяхъ кухни, сталъ прислушиваться.

Почти немедленно вслѣдъ за этимъ снаружи послышалось бряцаніе треножника и стукъ откальиваемой штукатурки. Взглянувъ издали сквозь щель, я увидалъ нижнюю поверхность платфор-

мы съ лежащимъ на ней марсіаниномъ и длинную металлическую руку, просовывающуюся сквозь обломки. Затѣмъ противъ отверстія появилось что-то въ родѣ зеркала, въ которомъ я ясно увидалъ отраженіе страшныхъ глазъ марсіанина, очевидно, осматривавшаго такимъ образомъ наше потаенное помѣщеніе.

Испуганный, оторопѣлый, дрожа съ головы до ногъ, я все же не могъ двинуться съ мѣста, при видѣ этихъ глазъ и этой руки, шарившей по полу, подвигаясь все ближе и ближе ко мнѣ. Потребовалось большое усиліе воли, чтобы повернуться назадъ и броситься бѣжать въ кухню. Я чуть не вскрикнулъ при этомъ усилии. Добѣжавъ до двери въ угольный погребъ, я отворилъ ее и забился въ самый темный уголь, не переставая, однако же, смотрѣть и прислушиваться. Видѣлъ ли меня марсіанинъ, когда я бѣжалъ отъ него, и что онъ теперь дѣлаетъ?

Сначала я слышалъ только покойное позвякиваніе металлической руки, обшаривавшей полъ и стѣны. Затѣмъ эта рука поволокла къ отверстию тяжелое тѣло—я хорошо зналъ какое... Не въ силахъ удержаться, я выглянулъ въ дверь и увидѣлъ, что марсіанинъ со вниманіемъ осматриваетъ голову священника, лежавшую теперь у самой щели, на дневномъ свѣтѣ. По оставшемуся на ней знаку отъ удара онъ догадается, конечно, о присутствіи здѣсь другого человѣка...

При этой страшной мысли я затворилъ дверь погреба и сталъ поспѣшно и, по возможности, безшумно закапываться въ уголь, по временамъ оставившаяся и прислушиваясь.

Сначала наступила тишина, но затѣмъ позвякиваніе металлической руки возобновилось. Вотъ она пробралась въ кухню и ощупываетъ тамъ стѣны... Хватить ли ея длины, чтобы добраться до погреба?.. Я сталъ горячо молиться...

Вотъ рука царапнула по двери погреба... Вотъ она трогаетъ щеколду... Неужели марсіане имѣютъ понятіе о

щеколдахъ и дверныхъ запорахъ?! Прошла, повидимому, цѣлая вѣчность борьбы между страхомъ и надеждой, но послѣдняя, наконецъ, совѣтъ померкла: металлическая рука справилась со щеколдой и отворила дверь... Я даже могъ видѣть ее въ полусвѣтѣ: нѣчто похожее на слоновый хоботъ, сдѣланный изъ металлическихъ колець,—сѣрая змѣя, поводящая своей слѣпой головой по сторонамъ, излѣдывая полъ, потолокъ и стѣны погреба.

Вотъ она коснулась моей ноги... Я закусилъ свою руку, чтобы не вскрикнуть... На минутку все утихло. Я уже думалъ, что руки нѣтъ болѣе въ погребѣ. Но вотъ опять слышно позвякиваніе... Рука захватила и тащить что-то, на этотъ разъ, очевидно, уже вонъ изъ погреба.

Я не вѣрилъ своему счастью и продолжалъ страстно молиться. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Должно быть, рука захватила кусокъ угля, котораго марсіанинъ, вѣроятно, еще не видывалъ.

Я осторожно перемѣнилъ положеніе, становившееся очень неловкимъ, и хотѣлъ было уже встать, но опять слышится ужасное позвякиваніе, сначала въ кухнѣ, а потомъ все ближе и ближе къ погребу... Покрытый холоднымъ потомъ, я прислушивался. Пошаривъ немножко по кухнѣ, рука затворила дверь погреба и направилась къ кладовой. Я слышалъ, какъ гремѣли бутылки и жестяные ящики съ бисквитами. Затѣмъ послышался сильный ударъ въ дверь погреба, и все замолкло...

Исчезла ли рука?

Подождавъ немного, я рѣшилъ, что исчезла.

Дѣйствительно, погромыханія больше слышно не было, но я, тѣмъ не менѣе, пролежалъ весь десятый день въ темнотѣ, зарывшись въ уголь и не смѣя даже проползти въ кухню, чтобы напиться, хотя жажда мучила меня нестерпимо.

Только черезъ сутки рѣшился я, наконецъ, выйти изъ своего заключенія.

XXII. Т и ш и н а.

ПЕРВЫМЪ моимъ дѣломъ, когда я вышелъ въ кухню, было затворить дверь изъ нея къ той комнатѣ, въ которой находилась наша обсерваторія. Затѣмъ я направился въ кладовую, но она была пуста. Марсианинъ наканунѣ все изъ нея выбралъ. Это открытіе привело меня въ отчаяніе, такъ какъ отнынѣ я былъ осужденъ на голодную смерть. Дѣйствительно, два слѣдующіе дня я просидѣлъ безъ питья. Гортань моя пересохла и распухла отъ жажды. Все время я сидѣлъ неподвижно въ темномъ углу кухни, мечтая объ ѣдѣ. Мнѣ казалось, что я оглохъ, такъ какъ никакіе звуки до меня снаружи не доносились; посмотрѣть же на яму я не рѣшался, такъ какъ при настоящей моей слабости не могъ бы сдѣлать этого безшумно.

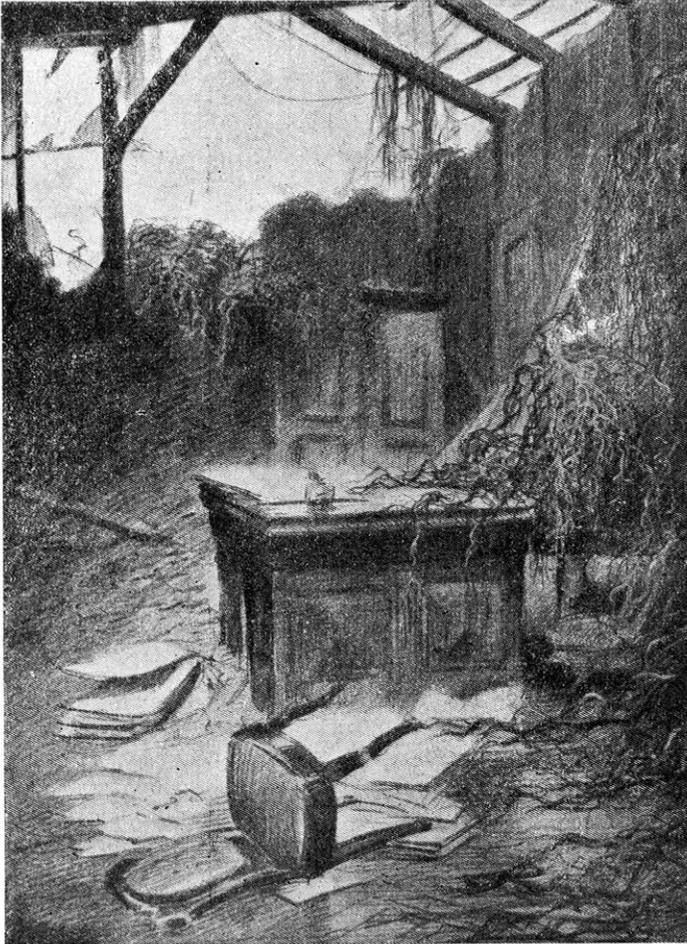
На двѣнадцатый день заключенія жажда заставила меня накачать себѣ немного дождевой воды при помощи находившагося въ кухнѣ и немилосердно скрипящаго насоса, хотя этотъ скрипъ могъ привлечь вниманіе марсианъ. Два глотка грязной воды очень меня освѣжили и ободрили, тѣмъ болѣе

что добываніе ея не повлекло за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Остатокъ дня я просидѣлъ, думая о судьбѣ священника и воображая себѣ обстановку его смерти, которая теперь уже не вызывала во мнѣ такого ужаса, какъ прежде.

На тринадцатый день я опять пилъ воду, думалъ объ ѣдѣ и строилъ планы избавленія, одинъ другого несбыточнѣе. Задремавъ, я видѣлъ во снѣ или смерть священника, или какія-нибудь страшныя картины, связанныя съ нашествіемъ марсианъ, или, наконецъ, роскошныя обѣды и свои любимыя блюда. Но и на яву, и во снѣ я постоянно чувствовалъ жгучую боль въ горлѣ, заставлявшую меня пить почти безпрестанно. Свѣтъ, проходившій въ кухню, сталъ теперь, вмѣсто зеленого, краснымъ, что очень пугало мое разстроенное воображеніе.

Заглянувъ на четырнадцатый день въ дверь кухни, я увидалъ, что щель нашей обсерваторіи со всѣхъ сторонъ обросла красной травой, почему и свѣтъ, сквозь нее проходившій, казался краснымъ.

Въ пустыхъ комнатахъ росла трава...

Рано утромъ, на пятнадцатый день я услышалъ въ кухнѣ какіе-то знакомые звуки и, прислушавшись, узналъ фырканье собаки, при чемъ увидалъ и ея носъ, просунутый въ щель двери. Это меня очень удивило. При первомъ моемъ движеніи собака глухо залаяла.

Думая заманить ее къ себѣ, чтобы убить и съѣсть (убить-то, во всякомъ случаѣ, было нужно: иначе она своимъ лаемъ привлечетъ вниманіе марсіанъ), я пріотворилъ дверь и сталъ звать ее: — Поди, поди сюда, собачка!

Но собачка при звукахъ моего голоса странно струсила и бросилась бѣжать, слегка взвизгивая.

Визгъ этотъ я слышалъ очень ясно; я, стало быть, вовсе не былъ глухъ. Почему же я не слышу никакихъ звуковъ изъ ямы?

Осторожно, на цыпочкахъ, подошелъ я опять къ двери обсерваторіи и прислушался... Карканье воронъ, хлопанье ихъ крыльевъ и больше ничего...

Долго простоялъ я около щели, не смѣя изъ нея выглянуть. Все то же карканье, а разъ или два—ворчанье собаки.

Ободренный этимъ, я рѣшился, наконецъ, посмотреть въ щель, закрываясь, насколько возможно, красной травой.

Вообразите же себѣ мою радость, когда я увидѣлъ, что яма пуста! Только въ одномъ ея углу суетились вороны надъ трупомъ, брошеннымъ марсіанами.

Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ. Кучишлака, нѣсколько забытыхъ алюминіевыхъ

шестовъ, два-три трупа, вороны и собаки,—больше ничего! Никакого слѣда машинъ, ни одного марсіанина!

Высовываясь понемножку изъ щели, я осмотрѣлъ всю окрестность и не увидалъ ничего, кромѣ ямы, въ стѣнкахъ которой, со стороны нашей обсерваторіи, всего въ какихъ-нибудь пяти футахъ ниже меня, обвалившійся мусоръ давалъ возможность легко спуститься. Дорога для бѣгства была открыта. Я задрожалъ отъ радости.

Послѣ минутнаго колебанія я вылъзъ въ отверстіе, спрыгнулъ на мусоръ, а съ него выбрался на гребень вала, окружавшаго яму... Нигдѣ—ничего!

Насколько хваталъ глазъ во всё стороны—никакого слѣда марсіанъ.

Когда я въ послѣдній разъ при дневномъ свѣтѣ видѣлъ эту часть городка Шина, то она представляла собою чистенькую улицу, обставленную красивыми красными и бѣлыми домиками, тонувшими въ садахъ.

А теперь я стоялъ среди развалинъ и мусора, густо обросшихъ красными, кактусообразными кустами, безъ малѣйшаго пятнышка привычной для глаза зелени, по крайней мѣрѣ, на ближайшемъ отъ меня разстояніи. Даже деревья кругомъ засохли, не выдержавъ борьбы за существованіе съ прозорливой растительностью планеты Марса. Только на самыхъ отдаленныхъ отъ ямы деревьяхъ виднѣлись еще зеленныя вѣтки.

Всѣ сосѣдніе дома были разрушены, но не сожжены. Стѣны ихъ стояли кое-гдѣ совсѣмъ цѣлыя, но крыши, окна, двери,—все это было разломано, и въ пустыхъ комнатахъ, на голыхъ полахъ, росла все та же красная трава.

Подъ моими ногами зіяла пустая яма, въ которую со всѣхъ сторонъ слетались вороны; крикъ птицъ что называется, стѣной стоялъ теперь въ воздухѣ. Вдали, по мусору, пробиралась исхудалая кошка, но ни людей, ни марсіанъ нигдѣ не было видно.

Послѣ долгаго заключенія въ темнотѣ дневной свѣтъ казался мнѣ ослѣпительнымъ, а небо чѣмъ-то невиданно - прекраснымъ. Легонькій вѣтерокъ колебалъ верхушки красной травы... О, этотъ легонькій вѣтерокъ!

XXIII. Пятнадцатидневное заключеніе.

ДОВОЛЬНО долго простоялъ я на гребнѣ вала, забывъ даже о своей безопасности. Всѣ пятнадцать дней своего заключенія я только о ней и думалъ; теперь же меня больше занимала перемѣна, совершившаяся за это время во всемъ остальномъ мірѣ. Я ожидалъ увидать Шинъ въ развалинахъ, но не рассчитывалъ найти на его мѣстѣ ландшафтъ, перенесенный съ другой планеты.

Въ эту минуту я испытывалъ эмоцію, незнакомую большинству людей, но очень привычную для низшихъ животныхъ, жизнью которыхъ мы распоряжаемся. Я чувствовалъ то же, что могъ бы почувствовать кроликъ, который, возвращаясь въ свою нору подъ домомъ, неожиданно встрѣтилъ бы толпу рабочихъ, уже подкопавшихъ основаніе этого дома. Въ умѣ моемъ сразу выяснилась идея, зародышъ которой

давно уже въ немъ теплился,—идея о подчиненности человѣка, о томъ, что мы уже не цари, не хозяева въ природѣ, а такія же животныя между животными, находящіяся подъ пятою марсіанъ. Роль наша отнынѣ состоитъ въ томъ, чтобы хитрить, прятаться, бѣгать, цѣпляться за жизнь, такъ сказать, а не устраивать ее по своему произволу. Владычество человѣка окончилось навсегда...

Выяснивъ передъ собою эту идею, я тотчасъ же отложилъ ее въ сторону и занялся текущими дѣлами, то-есть голодомъ и жаждой, мучившими меня уже третій день. Невдалекѣ отъ ямы виденъ былъ чей-то садъ, ограда котораго густо заросла красной травой, но за нею виднѣлась богатая земная растительность, не успѣвшая заглухнуть. Надѣясь найти тамъ что-либо съѣдобное, я направился къ этой огра-

Разливъ Темзы.

дѣ, иногда по колѣни, а иногда и по шею въ густой красной травѣ, что давало мнѣ нѣкоторое чувство безопасности.

Ограда оказалось слишкомъ высокой и гладкой для того, чтобы перелѣзть черезъ нее, а потому я сталъ искать входа, но на первомъ же углу встрѣ-

тиль столбъ, покрытый лѣпными украшеніями, по которымъ и взобрался наверхъ, а оттуда прыгнулъ внутрь сада. Здѣсь я нашелъ нѣсколько луковицъ и морковь, не успѣвшую еще хорошенько вырасти. Забравъ все это съ собою, я опять перелѣзъ черезъ стѣну и пошелъ по направленію къ Кью, по дорогѣ, со всѣхъ сторонъ обросшей высокой красной травой, точно по коралловому лѣсу. По пути я думалъ только о двухъ вещахъ: о томъ, какъ бы достать побольше пищи и какъ бы поскорѣе избраться изъ проклятаго района марсіанской ямы.

Немножко подальше я нашелъ нѣсколько грибовъ, которые тоже съѣлъ, а еще дальше набрелъ на какую-то широкую лужу съ текущей чистой водой и напился вдоволь. Жажда перестала меня мучить, но зато ѣсть захотѣлось еще сильнѣе, такъ какъ сырые овощи только возбуждали аппетитъ, нисколько его не удовлетворяя.

Лужа, да еще съ текучей водой, на томъ мѣстѣ, гдѣ всегда были прекрасные луга, очень меня удивила, тѣмъ болѣе что весна стояла сухая и жаркая. Только впоследствии я узналъ, что такія лужи образовались тогда во многихъ мѣстахъ благодаря разливу Темзы и Уэя, запруженныхъ громаднымъ ко-

личествомъ красной травы. Встрѣтивъ воду, трава эта достигала гигантскихъ размѣровъ и разрасталась быстро, оставивая даже течение рѣкъ, разливавшихся по низкимъ мѣстамъ.

Въ Путни, какъ я потомъ видѣлъ собственными глазами, мостъ заросъ красной травой до непроходимости, а въ Ричмондѣ Темза разлилась по лугамъ Хемптона и Твиккенгэма. Разливаясь, однако же, вода несла съ собой и красную траву, которая при первой остановкѣ теченія укоренялась и разрасталась. Въ нѣсколько дней, такимъ образомъ, всѣ окрестности Лондона по теченію рѣкъ сплошь заросли ею, такъ что вся страна стала красной, и полуразрушенныя марсіанами виллы въ долиніи Темзы совершенно скрылись подъ краснымъ покровомъ.

Надо замѣтить, впрочемъ, что, какъ скоро разрослась красная трава, такъ же скоро она и погибла, не вынеся, вѣроятно, условій земной жизни. Заглушенные ею земныя растенія, въ силу естественнаго подбора, весьма быстро

поправились и, въ свою очередь, ее заглушили. Должно быть, красная трава не вынесла борьбы съ какими-нибудь бактеріями, по отношенію къ которымъ земныя растенія, въ силу привычки, стали иммунными. Листья ея скоро потемнѣли, съжились и стали распадаться отъ малѣйшаго прикосновенія. Въ концѣ концовъ та же Темза унесла ихъ въ море...

Первымъ моимъ импульсомъ, когда я подошелъ къ водѣ, было, какъ уже выше сказано, вѣдаться напиться. Затѣмъ я попробовалъ жевать листья красной травы, но они оказались водянисты и съ какимъ-то тошнотворнымъ, металлическимъ привкусомъ. Не желая пробираться сквозь ея заросли, значительно затруднявшія ходьбу, я пошелъ было прямо по водѣ, но ручей становился все глубже, такъ что я принужденъ былъ свернуть на Мортлекъ, стараясь держаться разрушенныхъ виллъ и изгородей. Такимъ образомъ я вышелъ, наконецъ, къ Рокемптону, на Путнійскій выгонъ.

Здѣсь странное и непривычное зрѣлище замѣнилось развалинами обычнаго и привычнаго. Мѣстами разрушеніе было такъ велико, какъ будто бы по странѣ прошелъ тропическій циклонъ, а мѣстами дома стояли совершенно нетронутые, точно даже и обитатели изъ нихъ не бѣжали, а только спятъ еще въ своихъ постеляхъ. Красной травы было гораздо меньше; цѣлая аллея земныхъ деревьевъ сохранилась во всемъ своемъ великолѣпнн. Я попробовалъ поискать какой-нибудь пищи въ двухъ или трехъ оставленныхъ домахъ, но ничего не нашелъ, такъ какъ они уже были разграблены. Сильная усталость и истощеніе заставили меня остаться въ одномъ изъ нихъ на всю остальную часть дня и выспаться.

За все это время я не встрѣтилъ и даже издали не

видаль ни людей, ни марсіанъ. Дорогой попались мнѣ только двѣ собаки, тотчасъ же убѣжавшія, не обращая вниманія на мой зазыванья. Около Рокемптона я наткнулся на два человѣческихъ скелета,—не трупа, а скелета, начисто обглоданныхъ птицами и звѣрями. Въ лѣсу я нашелъ кости кроликовъ и бараній черепъ, но тоже начисто обглоданные.

По заходѣ солнца, выпавшись нѣсколько, я пошелъ по направленію къ Путни, сожженному, по моимъ соображеніямъ, тепловымъ лучомъ. За Рокемптономъ, на какомъ-то огородѣ, я нашелъ много картофеля, который тутъ же испекъ и съѣлъ. Изъ этого огорода была видна рѣка и вообще можно было видѣть на далекое разстояніе. Вся страна производила удручающее впечатлѣніе: дома разрушены, деревья потемнѣли, рѣка широко разлилась и покрыта красными пятнами плывущей травы, а надъ всѣмъ этимъ—сумерки и абсолютная тишина... Я съ ужасомъ думалъ о непрочности всего земного и о томъ, какъ легко разрушаются дѣла рукъ человѣческихъ...

Мнѣ пришло даже въ голову, что весь родъ людской уже погибъ и что я—единственный человѣкъ, оставшійся живымъ на землѣ. На вершинѣ Путни-Хилля я нашелъ еще скелетъ, руки котораго были оторваны и лежали отдѣльно, въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ туловища.

Чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что если не на всей землѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ этой части Англїи отъ всего ея населенія осталось лишь нѣсколько бродягъ, такихъ, какъ я, и что марсіане, быть можетъ, давно уже покинули Британію въ поискахъ за пищей и переселились къ сѣверу или на Европейскій континентъ, гдѣ и опустошаютъ Берлинъ, Парижъ, Вѣну...

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОРЬБА МИРОВЪ.

Романъ Герберта Уэльса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОДЪ ВЛАСТЮ МАРСИАНЪ.

XXIV. Человѣкъ на Путни-Хиллѣ.

Я провелъ эту ночь въ гостиницѣ, на вершинѣ Путни-Хилля, и спалъ въ хорошей постели въ первый разъ по отъѣздѣ изъ Лидерхеда. Не стану рассказывать, какъ я вломился въ эту гостиницу (утромъ оказалось, что дверь была даже не заперта), какъ обошелъ всѣ комнаты, въ поискахъ за пищей,

пока не нашель корки хлѣба, объѣденной мышами, и двухъ ананасныхъ консервовъ. Позже я отыскалъ еще въ шкапу нѣсколько позабытыхъ сандвичей и бисквитовъ. Первыхъ совсѣмъ нельзя было ѣсть, такъ какъ они высохли и заплѣсневѣли, а послѣдними я не только наѣлся, но еще и напол-

нилъ свои карманы. Лампъ я не зажигаю, боясь марсіанъ. Надо замѣтить, что къ ночи страхъ передъ этими чудовищами вновь овладѣлъ мною. Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, я обошелъ всѣ окна, пристально вглядываясь въ окружающую тьму. Да и спать я очень плохо, потому что долго продумать съ вечера,—въ первый разъ за послѣдніе пятнадцать дней я получилъ способность думать систематически,—если не считать моихъ споровъ со священникомъ. Во все это время я жилъ чисто эмоциональной жизнью, а послѣдніе дни даже и тупорефлективной. Только теперь, успокоившись и подкрѣпившись пищею, я сталъ думать какъ слѣдуетъ...

Думалъ я по тремъ, такъ сказать, направлениямъ: о смерти священника, о мѣстонахожденіи марсіанъ и о судьбѣ моей жены. Первая мысль не вызывала во мнѣ ни ужаса, ни раскаянія; я смотрѣлъ на смерть священника какъ на очень тяжелое, очень неприятное, но уже конченное дѣло, въ которомъ я теперь нисколько не заинтересованъ, да и прежде не былъ виноватъ. Отношенія мои къ покойному опредѣлились обоюдно и инстинктивно. Къ окончательному ихъ обостренію мы оба пришли поневолѣ, катаясь какъ по наклонной плоскости. При данныхъ обстоятельствахъ дѣло не могло иначе кончиться, и совѣсть моя нисколько меня не упрекала, но воспоминаніе, признаюсь, все-таки же было очень тяжело. Среди тишины и мрака ночи, заставляющихъ чувствовать близость Бога, наединѣ съ самимъ собою, я судилъ себя за минуту страха и гнѣвной воздержанности. Я прослѣдилъ шагъ за шагомъ всю исторію нашего знакомства, съ той минуты, когда я увидалъ его сидящимъ на травѣ, около Уэйбриджа, и болтающимъ какую-то себялюбивую и напыщенную чепуху, вмѣсто того чтобы дать мнѣ напиться. Мы не годились въ товарищи другъ другу, и только слѣпой случай насъ сблизилъ. Знаю я это, я покинулъ бы его въ Халлифордѣ. Но я этого не

зналъ и не предчувствовалъ; я добра ему хотѣлъ, а въ составъ преступленія должны входить преднамѣренность и злая воля. Положительно, совѣсть меня ни въ чемъ не упрекаетъ, и я могу спокойно позабыть эту исторію. Я могъ бы даже не упоминать о ней, такъ какъ свидѣтелей не было, но я нарочно описываю всѣ подробности,—и пусть меня судятъ читатели.

Выбросивъ изъ своей памяти смерть священника, я перешелъ къ обсужденію вопроса о марсіанахъ и объ участи моей жены. Но ни для того, ни для другого у меня не было никакихъ данныхъ. Работа разума кончилась поэтому, и вновь появились эмоціи. Я вскочилъ и сѣлъ на постели, испуганно глядя въ окружающую темноту. Я даже, кажется, сталъ молить Бога о томъ, чтобы тепловой лучъ, мгновенно и безболѣзненно, избавилъ мою жену отъ неизбежныхъ страданій. Со времени отъѣзда изъ Лидерхеда я не молился какъ слѣдуетъ. Я бормоталъ, правда, молитвы въ минуты паническаго страха, но эти молитвы были, такъ сказать, идолопоклонническія. Я произносилъ ихъ такъ же, какъ язычники произносятъ свои заклинанія, когда боятся за свою шкуру. Но теперь я сталъ молиться по-христіански — серьезно и съ глубокимъ чувствомъ, какъ бы стоя передъ лицомъ Самого Бога, среди тьмы и молчанія...

Тяжелая была эта ночь! Тяжелая и странная. Я, тотъ же самый я, который только что возносился горѣ и бесѣдовалъ съ Самимъ Богомъ, какъ существо, созданное по образу Его и подобію, тотъ же самый „я“ утромъ, при восходѣ солнца, какъ мышь какая-нибудь, выскользнулъ изъ дома, забываясь только о томъ, чтобы спрятаться, чтобы меня не нашли, чтобы меня пощадилъ... А вѣдь, можетъ быть, и тѣ, которыхъ я такъ боялся, тоже имѣютъ понятіе о Богѣ и тоже молятся ему, какъ я только-что молился...

Если бы мы ничему другому не научились благодаря нашествію марсіанъ, то оно все-таки должно бы было

научить насъ милосердію къ нашимъ меньшимъ братьямъ — безсловеснымъ животнымъ, судьбою которыхъ мы распоряжаемся...

Утро слѣдующаго дня было ясно и тихо. На востокъ небо подернулось легонькими розовыми облачками. Дорога, ведущая съ вершины Пути-Хилля къ Уимблѣдону, была покрыта обломками экипажей и различными вещами, брошенными или потерянными во время паническаго бѣгства, начавшагося въ воскресенье, послѣ первой битвы съ марсіанами. Идя по этой дорогѣ, я замѣтилъ маленькую телѣжку со сломаннымъ колесомъ и съ надписью: „Томасъ Лоббъ, зеленщикъ изъ Нью-Мальдена“. Въ телѣжкѣ лежалъ большой жестяной ящикъ. Въ одномъ мѣстѣ, въ отвердѣвшую грязь была втоптана измятая соломенная шляпа. Обрывки разныхъ тканей, башмаки, калоши—встрѣчались на всякомъ шагу. Изъ придорожной канавы торчалъ сломанный зонтикъ. На вершинѣ Вестъ-Хилля лежало опрокинутое корыто, а около него масса битаго стекла, перепачканнаго кровью.

Я шелъ медленно и нерѣшительно. Физическая и нравственная усталость сказывалась во всякомъ моемъ движеніи, да и планы мои были крайне неопредѣлены. Я направлялся въ Лидерхедъ, хотя шансы найти тамъ жену были очень слабы. Если мѣстечко не было внезапно сожжено марсіанами, то жена съ ея родственниками, вѣроятно, бѣжали уже оттуда куда-нибудь. Но я думалъ все-таки получить тамъ какія нибудь свѣдѣнія о томъ, куда они бѣжали; хотя кто же бы могъ сообщить мнѣ эти свѣдѣнія? Я страстно желалъ отыскать жену, сердце мое болѣло по ней, но не могъ же я не сознавать, что при настоящихъ обстоятельствахъ это почти невозможно. Чувство полнѣйшаго одиночества охватываетъ меня все болѣе и болѣе.

Съ того мѣста, по которому я шелъ, стараясь держаться подъ защитой деревьевъ и кустовъ, открывался довольно обширный видъ на окрестности.

Красной травы нигдѣ не было видно, а вмѣсто нея поле было покрыто желтыми пятнами пространства, заросшихъ дрокомъ. Солнце только-что поднялось изъ-за горизонта, и косые лучи его придавали дроку золотой отблескъ. Въ одномъ сыромъ мѣстечкѣ, между деревьями, я набрелъ на кучу маленькихъ лягушекъ, оживленно прыгавшихъ по мокрой травѣ. Я остановился посмотреть на нихъ, завидуя ихъ жизнерадостному настроенію, но въ то же время смутно почувствовалъ, что за мною кто-то наблюдаетъ. Обернувшись назадъ, я замѣтилъ какую-то фигуру, которая тотчасъ же спряталась за кусты. Черезъ нѣсколько секундъ фигура эта вновь поднялась во весь ростъ и оказалась человекомъ, въ рукахъ котораго сверкалъ обнаженный тесакъ армейскаго образца. Человекъ этотъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на меня, а я сталъ осторожно приближаться къ нему.

Подойдя поближе, я замѣтилъ, что онъ одѣтъ въ такой же грязный и рваный костюмъ, какъ я самъ, точно будто его протащили сквозъ трубу для стока нечистотъ. Все платье его было покрыто разноцвѣтными комками высохшей грязи и мѣстами выпачкано сажей. Длинные черные волосы падали ему на глаза, лицо было выпачкано, лѣвая щека разсѣчена, глаза дико блуждали.

— Стой!—закричалъ онъ хриплымъ голосомъ, когда я приблизился ярдовъ на десять.—Откуда вы идете?

Во всей фигурѣ его было что-то мнѣ знакомое, но что именно—я никакъ не могъ опредѣлить.

— Изъ Мортлека,—отвѣчалъ я молча въ немногое.—Цѣлыхъ пятнадцать дней прожилъ около ямы съ марсіанами, скрываясь отъ нихъ въ разрушенномъ домѣ, а теперь вотъ удалось убѣжать.

— Есть тутъ нечего,—сказалъ онъ,—отсюда вплоть до рѣки, до Клапхэма и до конца выгона—все это мое. Здѣсь я только одинъ имѣю право искать себѣ пищу. Вы куда идете?

*

— Самъ не знаю, — отвѣчалъ я. Говорю же вамъ, что я пятнадцать дней свѣта Божьяго не видѣлъ и не знаю, что такое случилось.

Сначала онъ смотрѣлъ на меня тупо и подозрительно, но потомъ вдругъ выраженіе его лица измѣнилось.

— Я вовсе не намѣренъ оставаться здѣсь, — продолжалъ я, — а думаю пойти въ Лидерхедъ, гдѣ живетъ моя жена.

Онъ развелъ руками и воскликнулъ:

— Да, вѣдь это вы! Человѣкъ изъ Уокинга! Развѣ васъ не убили подъ Уэйбриджемъ?

Тутъ и я его узналъ тотчасъ же.

— А вы тотъ артиллеристъ, который забрался тогда ко мнѣ въ садъ?

Онъ протянулъ руку, а я подалъ ему свою.

— Я спрятался въ уличной трубѣ, — продолжалъ онъ, — не всѣхъ же они убили! И когда они ушли, такъ и я тоже ушелъ черезъ Уольтонъ, въ поля. Однако... не прошло еще шестнадцати дней, а волосы-то у васъ совсѣмъ сѣдые.

Вдругъ онъ тревожно взвизнулъ кверху, а потомъ, успокоившись, продолжалъ:

— Ничего... Грачъ пролетѣлъ. Тутъ выучишься бояться и грачей. Мы стоимъ на открытомъ мѣстѣ, пойдете-ка въ кусты, да потолкуемъ.

— Видали вы марсіанъ? — спросилъ я. — Съ тѣхъ поръ какъ...

— Они увили за Лондонъ, — отвѣчалъ онъ. — Была тамъ, должно быть, каша! Какъ-то тутъ цѣлую ночь по небу огни бѣгали. Вотъ тогда я много марсіанъ видѣлъ, только издали. А вблизи я не видалъ ихъ уже — (онъ началъ считать по пальцамъ) — разъ, два, три, четыре, пять дней! Тогда почти около меня прошли двое, несшіе что-то такое большое. А позавчера ночью, вотъ когда огни-то бѣгали, — онъ понизилъ голосъ и проговорилъ выразительно: — они летали по воздуху. Да, я увѣренъ, что они выдумали воздушную лавательную машину и летали на ней.

Я пріостановился на карячкахъ, такъ какъ мы, въ это время, ползли за кустиками.

— Летали?!

— Да, — отвѣчалъ онъ, — летали.

И спустился въ канавку и сѣлъ.

— Конецъ пришелъ человѣчеству, — сказала я. Если они могутъ летать, то завоюютъ всю землю.

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Разумѣется. Но... это, пожалуй, оживитъ насъ нѣсколько... Да, наконецъ... — онъ взглянулъ на меня пристально, — развѣ вы не рады, что человѣчеству пришлось туго? Я радъ! Мы побиты, мы уничтожены, да вѣдь мы лучшаго и не заслуживали.

Я былъ пораженъ этой мыслью. Несмотря на ламентации священника, имѣвшія почти тотъ же смыслъ, она въ первый разъ пришла мнѣ въ голову съ такой ясностью. До сихъ поръ я еще питалъ надежду на то, что не все еще потеряно, что старая жизнь возродится, а теперь мнѣ пришлось спросить себя: стоитъ ли еще ее возрождать?

Я какъ-то сразу понялъ мысль артиллериста, что не возрождать ее слѣдуетъ, какъ на это, по привычкѣ, рассчитывалъ я, и не гибнуть тупо и апатично, сознавая свою грѣховность, какъ это сдѣлалъ священникъ, а обновить жизнь нужно, обновить самихъ себя.

— Да, съ нами покончили, — повторилъ артиллеристъ убѣжденно. — За мѣтьте, что марсіане за все время потеряли только одного, да и то случайно. Они прочно устроились на землѣ. И вѣдь это еще только передовые. Падающихъ звѣздъ я, правда, не видалъ уже пять или шесть дней, но онъ, навѣрно, падаютъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ничего не подѣлаешь! Мы разбиты и покорены.

Я молчалъ, стараясь придумать какія-нибудь возраженія, хотя самъ твердо былъ увѣренъ въ томъ же.

— Это не война, — продолжалъ артиллеристъ; — какая можетъ быть война между людьми и муравьями?!

Я вспомнилъ ночь, проведенную въ обсерваторіи съ покойнымъ Ожилви, и сказалъ:

— Они послали къ намъ съ Марса только десять цилиндровъ.

— А вы почему знаете?—спросилъ артиллеристъ.

Когда я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, то онъ задумался на минутку.

— Пушка, должно быть, испортилась,—сказалъ онъ, наконецъ. Но что же изъ этого? Они ее починятъ. Да если бы даже они больше и не стрѣляли, все-таки это война между людьми и муравьями. Муравьи понастроили городовъ, набрали запасовъ, дерутся между собою, устраиваютъ революціи, и все это до тѣхъ поръ, пока угодно человѣку. Придетъ онъ и смететъ ихъ съ лица земли. Вотъ и мы теперь, все равно, что муравьи. Только...

— Только что?—спросилъ я.

— Только мы—сѣдобные муравьи.

Солдатъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Что же они съ нами сдѣлаютъ?—спросилъ я.

— Вотъ объ этомъ-то я и думаю,—сказалъ онъ, — съ самаго Уэйбриджа думаю. Я уже тогда замѣтилъ, куда клонится дѣло. Народъ вѣдь только визжать безъ всякаго толка, а я визжать не охотникъ. Я не картонный солдатикъ и видалъ смерть лицомъ къ лицу не разъ. Визжать толку мало, а надо думать. Хорошенько подумавши, можно изъ всякой ямы выскочить. Вотъ тогда отъ Уэйбриджа всѣ побѣжали къ сѣверу, а я—къ югу, прямо на марсіанъ. На сѣверѣ-то, думалъ я, хлѣба на всѣхъ не хватить, придется умирать съ голода. Вотъ они, дѣйствительно, и умираютъ теперь цѣлыми толпами,—прибавилъ онъ, махнувъ рукою вокругъ,—и давятъ другъ друга...

Солдатъ остановился и посмотрѣлъ на меня неприязненно.

— Ну, конечно, у кого есть деньги—тѣ уйдутъ во Францію,—сказалъ онъ, какъ бы сомнѣваясь, продолжать ли.—Тамъ на всѣхъ хватить. Консервы въ банкахъ, вина, водки, минеральной воды, а простой-то воды, въ водопроводахъ, и нѣтъ... Вотъ я и подумалъ: куда ни бѣги—все равно. Марсіане —

разумныя существа. Имъ нужна пища. Они уничтожатъ всѣ наши города, машины, пушки, корабли,—весь порядокъ, всю организацію. Если бы мы въ самомъ дѣлѣ были муравьями, такъ еще проскользнули бы какъ-нибудь незамѣтно, а то вѣдь по росту-то мы не меньше ихъ самихъ, — не спрячешься. Такъ вѣдь? А?

Я кивнулъ головой утвердительно.

— Ну да. Я такъ и подумалъ. Хорошо. Теперь дальше. Теперь насъ можно ловить сколько угодно. Стоитъ марсіанину шагнуть, чтобы цѣлая толпа людей была къ его услугамъ. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ сломалъ домъ въ Вандсвортѣ и таскалъ оттуда обывателей. Но вѣдь это не можетъ же такъ продолжаться. Марсіане — разумныя существа; когда они покончатъ съ нашими пушками и желѣзными дорогами, сломать наше сопротивленіе, то они будутъ ловить насъ систематически, отбирать лучшихъ и разсаживать по какимъ-нибудь клѣткамъ. Вотъ они что будутъ дѣлать, не правда ли!

— Правда!—воскликнулъ я.

— Разумѣется! Во всемъ, что случилось, сами мы, собственно говоря, были виноваты, съ нашими пушками и со всѣми этими глупостями. Мы потеряли головы. Сначала разсердили марсіанъ сопротивленіемъ, а потомъ побѣжали, какъ глупое стадо. Они бы насъ долго еще не тронули. Имъ нужно было подготовиться, сдѣлать все то, чего они не могли привезти съ собою, и запасти машины для вновь прибывающихъ. Можетъ быть, не потому ли они теперь и стрѣляютъ перестали, что боятся попасть въ своихъ? Въместо того, чтобы сослѣзна бросаться на нихъ да придумывать разныя мины съ динамитомъ, намъ бы слѣдовало обдумать хорошенько свое положеніе, да и устроиться согласно съ обстоятельствами. Это, можетъ быть, по теоріи не такъ выходитъ, но на практикѣ — неизбѣжно. Я рѣшился поступать такимъ образомъ. Города, націи, цивилизація, прогрессъ — все это было да

прошло. Эта игра больше не повторится. Мы разбиты—и дѣлу конецъ!

— Но тогда для чего же жить?

Солдатъ посмотрѣлъ на меня съ ми奴ку.

— Никогда больше не будетъ этихъ вашихъ концертовъ; никогда не будетъ Королевской Академіи Художествъ, никогда не будетъ ресторановъ съ разными закусками. Если вы за все́мъ этимъ гонитесь, то я долженъ признаться, что игра ваша проиграна. Если вы не можете видѣть, какъ ѣдятъ съ ножа или сморкаются безъ платка, если вамъ, вообще, нужны хорошія манеры, то вы можете ихъ оплакивать: онѣ стали ненужны.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что люди въ родѣ меня живутъ и будутъ жить для жизни, для того, чтобы родъ человѣческой продолжался и стоилъ того, чтобы продолжаться. Я крѣпко держусь за жизнь, было бы вамъ извѣстно; да, если не ошибаюсь, и вы способны такъ же за нее держаться. Насъ не истребишь! Нѣтъ! Да насъ и не поймаешь, и не засадишь, и не откормишь, и не выдрессируешь, какъ какого-нибудь быка или барана! Нѣтъ! Держи карманъ шире!.. Ухъ! Только вспомнить объ этихъ бурныхъ ползунахъ! Тьфу!

— Вѣдь вы же не думаете...

— Нѣтъ, именно, думаю! Я уже все обдумалъ. Будемъ жить подъ землей. У нихъ подъ носами. Я цѣлый планъ придумалъ. Мы побиты, потому что мало знаемъ. Намъ надо поучиться, прежде чѣмъ начать борьбу. Мы должны жить и учиться, но жить независимо! Понимаете? Вотъ что надо дѣлать.

Я сидѣлъ пораженный и глубоко потрясенный благородной рѣшимостью артиллериста.

— Ну! — вскричалъ я, наконецъ, крѣпко пожимая его руку, — вы дѣйствительно, человѣкъ, помощи вамъ Богъ!

— А что? — сказала онъ, блестя глазами. — Хорошо придумано?

— Продолжайте, я слушаю.

— Ну, вотъ тѣ изъ насъ, которые не желаютъ играть роль домашнихъ животныхъ у марсіанъ, должны на все рѣшиться. Я на все рѣшился. Вѣдь не все же годятся на такую роль. Я потому-то насъ и остерегался. Я вамъ не довѣрялъ. Вы такой худенькій и слабый! Да, кромѣ того, я вѣдь вѣлъ и не узналъ сразу, такъ какъ считалъ убитымъ. А эти все, которые живутъ тамъ въ городѣ, писаря поганые, — они куда не годятся. Въ нихъ нѣтъ настоящего духа, ни гордости, ни сильныхъ желаній. А человѣкъ, у котораго нѣтъ ни того, ни другого... Господи Боже мой! Да развѣ онъ стоитъ жизни? Въ чемъ ихъ жизнь? Трепетъ и предосторожности! Валяеть черезъ пень колоду! Я выдалъ ихъ сотнями. Съ завтракомъ въ бумажкѣ и сезоннымъ билетомъ въ рукахъ бѣжить себѣ, чтобы захватить поѣздъ, боясь, что его выгонять со службы, если опоздаетъ. А на службѣ работаетъ машинально, ничего не понимая и не желая понять. Со службы опять бѣжить домой, боясь опоздать къ обѣду. Вечеромъ не выходить изъ дома, боясь разбойниковъ и темноты. Живеть съ женою не потому, чтобы любилъ ее, а изъ боязни нарушить рутину жизни или потерять нажитой капиталецъ, который позволилъ бы ему тянуть эту рутину до смерти. Не только капиталы и дома, жизнь свою застраховываютъ, подлецы! А по воскресеньямъ дрожать за свою душу, точно будто адъ построенъ для кроликовъ и у нихъ тоже есть душа! Подождите! Марсіане положить конецъ всему этому: чистыя, просторныя клѣтки, жирная пища, никакихъ заботъ, подходящая дрессировка! Вотъ еще недѣлку погуляютъ по полямъ, на голодное брюхо, такъ еще рады будутъ такой клѣткѣ! Куску хлѣба будутъ рады. Станутъ удивляться, какъ можно было жить безъ марсіанъ, безъ такихъ благодѣтелей! Все эти трактирщики, проповѣдники, пѣвцы, писаря! Воображаю, какъ обрадуются! Можно себѣ представить! — (Онъ нервно засмѣялся). — И вѣдь сейчасъ же свободу чувства и религіи про-

возгласять въ своихъ клѣткахъ! Видалъ я все это тысячу разъ, но только теперь ясно понималъ. Громадное большинство тотчасъ же помирится съ владычествомъ марсіанъ изъ-за жирной, беззаботной и бессмысленной жизни. А много найдется и такихъ, которые, чувствуя, что что-то не ладно и что надо бы что-нибудь сдѣлать, все-таки ничего не сдѣлаютъ изъ-за лѣни и нерешительности. Да еще возведутъ эту свою лѣнь на степень религіи, очень возвышенной и благочестивой. Скажутъ, что такова, дескать, воля Божія и что надо ей покоряться. Вы вѣдь тоже, я думаю, видали такія штуки. Это—сила воли наизнанку, энергія страха ради. Какъ же! Псалмы будутъ распѣвать, сидя въ клѣткѣ! Филантропіей заниматься! А которые попроще, такъ тѣ ударятся въ благочестивый развратъ! Тьфу!

Солдатъ помолчалъ немного.

— Очень немудрено, что нѣкоторые изъ нихъ станутъ любимцами марсіанъ, научатся стоять на заднихъ лапахъ и продѣлывать всякіе фокусы! Ха, ха, ха, ха! Иного красиваго мальчугана, откормивши хорошенько, марсіане пожалеютъ, пожалуй, рѣзать или зарѣжутъ какъ-нибудь сантиментально. А нѣкоторыхъ, можетъ быть, приучатъ охотиться за нами...

— Ну, ужъ это невозможно!—воскликнулъ я.—Ни одинъ человѣкъ...

— И что вамъ за охота врать!—прервалъ меня артиллеристъ. Многое множество найдется такихъ, которые съ удовольствіемъ за это возьмутся. Вотъ нашли ангеловъ!

Я долженъ былъ молчаливо согласиться съ его заключеніемъ.

— Вотъ кабы они за мной поохотились! Ужъ я бы имъ удружилъ!—прибавилъ онъ съ зловѣщимъ смѣхомъ.

Я задумался. Трудно было отрицать разсужденія артиллериста. До нашествія марсіанъ никто бы не усомнился въ моемъ интеллектуальномъ надъ нимъ превосходствѣ: съ одной стороны извѣстный писатель на философскія темы, а съ другой—простой

солдатъ. Но вотъ онъ успѣлъ уже ясно сознать положеніе человѣчества и занять въ немъ опредѣленное мѣсто, а я еще только колеблюсь да путаюсь.

— Что же вы теперь дѣлаете, или, лучше сказать, что думаете дѣлать?—спросилъ я его.

Подумавъ нѣсколько, онъ отвѣчалъ:

— Вотъ въ томъ-то вся и штука: что намъ дѣлать? Намъ нужно вести такую жизнь, чтобы люди могли свободно размножаться и воспитывать дѣтей. Подождите немножко, я сейчасъ вамъ объясню, что надо дѣлать. Всѣ ручныя животныя одинаковы: черезъ нѣсколько поколѣній они становятся смиренными, рослыми, красивыми, упитанными и глупыми, однимъ словомъ—дрянью. Но, съ другой стороны, мы, оставаясь въ дикомъ состояніи, рискуемъ одичать дѣйствительно, то-есть превратиться въ грубыхъ погребныхъ крысъ... Я вѣдь думаю, что намъ придется жить подъ землей. Канализаціонныя трубы вполне для этого пригодны. Кто въ нихъ никогда не бывалъ, тому онѣ кажутся чѣмъ-то ужаснымъ, а между тѣмъ теперь въ пустомъ Лондонѣ, да еще послѣ хорошаго дождя, въ нихъ нисколько не хуже, чѣмъ въ комнатахъ. А вѣдь ихъ тамъ сотни миль! Въ широкихъ-то хоть кому можно жить. А, кромѣ того, погреба, подвалы, подполья, своды разные, изъ которыхъ можно сдѣлать проходы въ канализаціонную сѣть... А подземныя желѣзныя дороги и туннели? Понимаете? Мы составимъ шайку ловкихъ, энергичныхъ и разумныхъ людей, не гоняющихся за комфортомъ. Балованное дрянцо можетъ убираться вонъ...

— Ужъ не меня ли вы считаете въ числѣ послѣднихъ?—спросилъ я.

— Ну, вотъ! Развѣ сталъ бы я съ вами говорить тогда!

— Хорошо, не будемъ на этомъ останавливаться, продолжайте.

— Оставшіеся съ нами должны подчиняться строгой дисциплинѣ. Намъ нужны также будутъ крѣпкія, твердыя, благоразумныя женщины—матери и воспитательницы. Манерныхъ

миссь, закатывающихъ глазки, намъ не нужно. Вообще, слабыхъ и балованныхъ людишекъ мы должны избѣгать. Жизнь станетъ опять настоящей, а всѣ бесполезные, надоедливые и мѣшающіе ей должны умереть. Должны, я вамъ говорю. Они должны умереть добровольно. Жить и портить расу было бы преступленіемъ. Смерть несколько не страшна; только этотъ самый страхъ и заставляетъ ея бояться. Такимъ образомъ, мы всѣ и соберемся въ подземномъ Лондонѣ. Мы даже можемъ выходить иногда изъ него наверхъ, играть въ крикетъ, — если марсіане уйдутъ куда-нибудь, разумѣется. Такимъ образомъ мы и спасемъ расу. Какъ думаете, возможная это вещь? Но спасеніе расы, само по себѣ, ничего еще не значитъ. Что толку, если это будетъ крысиная раса? Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы спасти наше знаніе и возвеличить его. Вотъ для этого-то и пригодятся такіе люди, какъ вы. Заведемъ книги, карты, инструменты. Устроимъ склады въ безопасныхъ мѣстахъ. Книгъ соберемъ какъ можно больше, — не стихковъ и

романовъ, конечно, а научныхъ книгъ, умныхъ. Вотъ тутъ вы опять пригодитесь. Мы пойдемъ въ Британскій Музей и перероемъ его весь. Въ наукѣ наше спасеніе. Мы должны слѣдить за этими марсіанами, учиться у нихъ и перенимать все важное и нужное. Нѣкоторые изъ насъ должны сдѣлаться шпионами. Когда все будетъ устроено, то я, можетъ быть, пойду въ шпионы, то-есть дамъ марсіанамъ поймать себя. На время нужно оставить марсіанъ въ покоѣ; не слѣдуетъ даже ничего красть у нихъ, а то они насъ уничтожатъ. Мы должны убѣдить ихъ, что ничего дурного не задумываемъ. Они вѣдь тоже разумныя существа и не тронуть насъ, если будутъ думать, что мы суть просто безвредные червяки.

Артиллеристъ замолчалъ и положилъ свою загорѣлую руку на мое плечо.

— Въ концѣ концовъ, намъ, можетъ быть, не долго придется учиться для того, чтобы... Представьте себѣ только: четыре или пять треножниковъ, съ тепловымъ лучемъ, конечно, а на нихъ... наши! Не марсіане, а люди, научив-

шіеся управлять ими! Вѣдь и мы съ вами можемъ дожить до этого. Представьте себѣ, что вы сами сидите на такомъ треножникѣ, съ тепловымъ фонаремъ въ рукахъ! Вотъ-то господа марсіане вытаращатъ свои буркала! Хотѣлъ бы я на нихъ взглянуть тогда! Ха, ха, ха, ха! Небось, жарко имъ покажется! Ползи себѣ на своихъ полныхъ лапахъ! Спѣши громоздиться на другіе треножники! За нами, братъ, не поспѣешь! Бжикъ—въ одну сторону, бжикъ—въ другую, глядь—ни одного и не осталось, а человекъ опять господинъ на своей землѣ, Богомъ ему данной! Развѣ не стоитъ изъ-за этого превратиться на время въ земляную крысу?

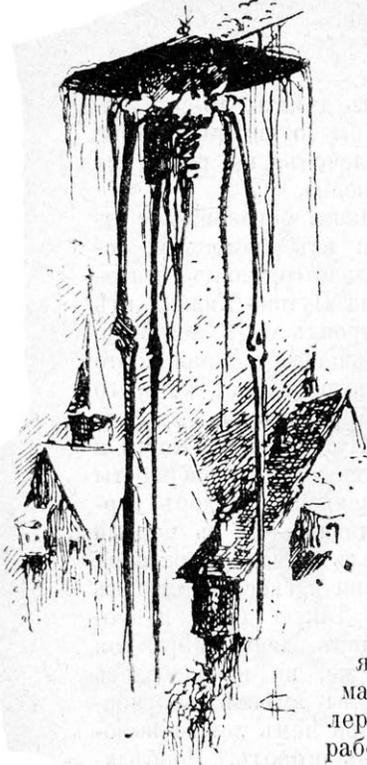
Признаюсь, энергія артиллериста и твердая его увѣренность въ будущей удачѣ задуманнаго предпріятія совѣмъ меня увлекли. Я вполне увѣровалъ въ удобоисполнимость его плана, и, если читатель сочтетъ меня поэтому слишкомъ легковѣрнымъ, можетъ быть, даже недалновиднымъ, что-бы не сказать глупымъ, то я рекомендую ему вспомнить мое тогдашнее положеніе. Измученный физически и нравственно, колеблющійся и нерѣшительный, не знающій, куда идти и что дѣлать, я встрѣтился вдругъ съ человекомъ, для котораго все ясно, который все обдумалъ и порѣшилъ, да какъ порѣшилъ! Не такъ, какъ рѣшаемъ мы, люди, запутавшіеся въ рефлексіи и на каждомъ шагу готовые отказать отъ своихъ рѣшеній въ виду какихъ-либо новыхъ данныхъ, представившихся нашему разуму, а такъ, какъ рѣшаютъ простые люди, привыкшіе больше

дѣйствовать, чѣмъ думать, то-есть навсегда и во что бы то ни стало. Я не только былъ увлеченъ, но подвергся своего рода внушенію.

Проговоривъ такимъ образомъ все утро, мы выползли изъ кустовъ и, осмотрѣвъ внимательно горизонтъ, отправились назадъ на Пути-Хилль, гдѣ артиллеристъ устроилъ себѣ логовище въ одномъ изъ брошенныхъ домовъ. Это былъ угольный погребъ, изъ котораго онъ намѣревался прорыть ходъ въ подземные каналы Пути-Хилля. Когда я увидалъ результатъ семидневной работы артиллериста—узенькій коридоръ, ярдовъ въ десять длины,—то въ первый разъ почувствовалъ громадную разницу между его мечтами и способностью къ ихъ выполненію. Такую дыру я прокопалъ бы въ одинъ день. Вѣра моя въ него, однако же, не поколебалась окончательно, и мы вмѣстѣ проработали до обѣда, при чемъ землю вывозили на тачкѣ въ огородъ. Пообѣдали консервированнымъ черепаховымъ супомъ и хорошимъ виномъ, добытымъ изъ кладовой сосѣдняго дома. Сначала я находилъ въ суровой работѣ нѣкоторый отдыхъ отъ своихъ душевныхъ мукъ. Мнѣ нравилось имѣть опредѣленные стремленія и работать для ихъ достиженія. Мало-по-малу, однако же, продолжая обдумывать нашъ проектъ, опять пришелъ къ сомнѣнію и

колебанію. Мнѣ пришло въ голову, что, роаясь такимъ образомъ, безъ компаса и предварительныхъ вычислений, мы можемъ прокопаться очень долго и, въ концѣ концовъ, не понасть куда нужно, тѣмъ болѣе, что домъ былъ плохо выбранъ и от-

стоялъ слишком далеко от подземных каналовъ. Наконецъ, не прощели было проникнуть въ эти послѣдніе сквозъ любой изъ уличныхъ спусковъ и, въ случаѣ надобности, прорыться изъ нихъ въ ближайшей погребъ? Не успѣлъ я объ этомъ подумать, какъ артиллеристъ прекратилъ работу, отеръ потъ со лба, оперся на свою лопа-

ту и сказалъ:

— Важно поработали! Недурно будетъ отдохнуть и осмотрѣться. Поляземъ на крышу!

Я протестовалъ противъ этого предложенія и продолжалъ копать. Артиллеристъ послѣ нѣсколькихъ возраженій тоже взялся опять за лопату. Такъ прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову одна мысль. Я остановился, и артиллеристъ, видя это, послѣдовалъ моему примѣру.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ я, — зачѣмъ вы гуляли по выгону вмѣсто того, чтобы быть здѣсь и работать?

— Хотѣлось провѣтриться. Это всегда удобнѣе дѣлать ночью. Да я уже возвращался, когда мы съ вами встрѣтились.

— А какъ же работа?

— Нельзя же постоянно работать, — проговорилъ онъ какъ-то неувѣренно, и я по этому его выраженію сразу понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло.

— Положительно слѣдуетъ осмотрѣться, — прибавилъ онъ, помолчавъ, — потому что кто-нибудь можетъ услышать, какъ мы копаемъ, и напасть на насъ врасплохъ.

На этотъ разъ я не считалъ нужнымъ спорить, и мы поднялись на чердакъ дома, откуда, сквозъ слуховое окно, вышли на крышу. Марсіанъ нигдѣ не было видно. Постоявъ немножко, мы спустились по черепицамъ до края крыши и спрыгнули оттуда въ огородъ. Изъ огорода мы не могли видѣть большей части Пути-Хилля, но рѣка и низменные части Лямбета, затопленные водою и заросшіе красной травой, были ясно видны. Эта поганая трава задушила всѣ деревья около стараго дворца. Вѣтви ихъ печально висѣли, покрыты засохшими листьями, тогда

какъ стволы почти нельзя было различить подъ грудой красныхъ паразитовъ. Удивительно, какъ эти послѣдніе любили воду: только по низкимъ мѣстамъ и распространялись. Около насъ, напри- мѣръ, на вершинѣ холма вся земная растительность уцѣлѣла, блестя на солнцѣ разнобразной своей зеленью и цвѣтами. Вдали, около Кенсингтона, поднимался густой дымъ, закрывавшій отъ нашихъ глазъ всю мѣстность къ сѣверу.

Артиллеристъ усѣлся на скамеечкѣ и сталъ мнѣ рассказывать о судьбѣ людей, не успѣвшихъ бѣжать изъ Лондона.

— Однажды, на прошлой недѣлѣ,— сказалъ онъ,—какой-то дуракъ зажегъ электрическіе фонари на Риджентъ-Стритѣ и около цирка. Цѣлую ночь пьяная толпа разгуливала по этимъ

ные планы, причемъ дошелъ до энтузіазма. Онъ такъ краснорѣчиво проектировалъ захватъ одного изъ треножниковъ, что я опять болѣе чѣмъ на половину ему повѣрилъ. Но теперь, начавъ понимать нѣсколько характеръ моего сожителя, я уже ясно видѣлъ, что самъ-то онъ въ захватѣ треножника участвовать не будетъ, да и вообще

мѣстамъ, плясала и пѣла пѣсни, а на утро оказалось, что около Лангама стоитъ треножникъ. Кто его знаетъ, сколько времени онъ тамъ стоялъ и смотрѣлъ на нихъ. Утромъ онъ подошелъ поближе и наловилъ около сотни такихъ, которые были слишкомъ пьяны, чтобы убѣжать.

Вотъ характерная черта времени, полная исторія котораго едва-ли когда-нибудь будетъ написана!

Послѣ этого разсказа артиллеристъ опять началъ развивать свои грандіоз-

ни къ какому серіозному дѣлу неспособенъ, а можетъ только болтать о немъ съ увлеченіемъ.

Спустя немного времени мы опять спустились въ погребъ. Никому изъ насъ не пришло въ голову продолжать работу, и когда артиллеристъ предложилъ закусить отъ скуки, то я сейчасъ же согласился. Сожитель мой сдѣлался вдругъ очень милъ и любезенъ, даже веселъ. Когда мы поѣли, то онъ досталъ откуда-то превосходныя сигары и, закуривъ одну изъ нихъ, сталъ со-

вѣтъ оптимистомъ. Встрѣча со мною имѣла, по его мнѣнію, такое важное значеніе, что ее слѣдовало отпраздновать надлежащимъ образомъ.

— У насъ, знаете ли, есть въ погребѣ шампанское. Не раскупорить ли бутылочку?—спросилъ онъ.

— А не лучше ли будетъ продолжать раскупоривать этотъ берегъ Темзы?—сказалъ я.

— Ну вотъ!—отвѣчалъ онъ.—Я сегодня хозяйинъ и угощаю. Господи Боже мой! Развѣ мы не заслужили шампанскаго! Посмотрите, сколько еще передъ нами работы. Надо же отдохнуть и собраться съ силами. Вонъ руки-то всѣ въ мозоляхъ!

Выпивъ шампанскаго, артиллеристъ предложилъ сыграть въ картишки, причемъ у него въ карманѣ оказалась и готовая колода, довольно истрепанная, но еще годная. Раздѣливъ между собою Лондонъ, причемъ я взялъ себѣ сѣверный берегъ Темзы, а онъ—южный, мы стали играть на приходы, и, какъ это ни глупо можетъ показаться здравомыслящему читателю, а игра доставила мнѣ большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что партнеръ мой оказался знатокомъ и научилъ меня такимъ играмъ, о которыхъ я прежде и не слыхивалъ.

Удивительна натура человѣческая! Не имѣя въ виду ничего, кромѣ мучительной смерти для себя лично и уничтоженія или униженія для человѣчества вообще, мы все-таки цѣлый вечеръ перебрасывали другъ другу раскрашенные листочки картона, играли сначала въ „эйхру“, потомъ въ „джокеръ“, потомъ въ „покеръ“—съ такимъ удовольствіемъ играли, что позабыли даже объ опасности и зажгли вечеромъ лампу! Послѣ безчисленнаго количества игръ мы поужинали, потомъ допили шампанское и закурили сигары. Артиллеристъ не былъ уже больше энергичнымъ возродителемъ рода человѣческаго, какимъ я его видѣлъ поутру. Оставаясь оптимистомъ, онъ сдѣлался только болѣе пассивенъ и уже готовъ былъ ждать всяческихъ благъ отъ естественнаго хода вещей. При

этомъ онъ слегка опьянѣлъ и разнѣжилъ, пилъ за мое здоровье, говорилъ какіе-то нескладные спичи, такъ что успѣлъ надобѣсть мнѣ пренорядочно.

Закуривъ сигару, я опять влѣзъ на крышу, посмотрѣлъ на зеленые огни надъ Хайгетомъ, о которыхъ артиллеристъ говорилъ мнѣ утромъ. Прежде всего я посмотрѣлъ по направленію къ Лондону. Холмы на сѣверѣ были покрыты мракомъ. Около Кенсингтона продолжался пожаръ, изъ котораго тамъ и сямъ вырывались высокіе, оранжево-красные языки пламени, терявшіеся на темно-синомъ фонѣ ночного неба. Лондонъ весь былъ погруженъ во тьму. Нѣсколько ближе замѣтно было какое то блѣдное, широко разлитое, пурпурово-фіолетовое сіяніе, мерцавшее подъ дуновеніемъ ночного вѣтерка.

Сначала я не могъ понять, что это такое, но потомъ убѣдился, что вижу флюоресценцію красной травы. Такое открытіе навело меня на мысль о странныхъ дѣлахъ, совершающихся на землѣ, о связи ихъ съ Марсомъ, который ярко сіялъ теперь на западѣ.

Долго оставался я на крышѣ, перебирая въ умѣ всѣ происшествія, случившіяся въ этотъ день. Я припомнилъ удивительную смѣну ощущеній, пережитую мною въ теченіе какихъ-нибудь двадцати четырехъ часовъ, начиная отъ пламенной молитвы въ полночь и кончая глупой карточной игрой. Воспоминаніе это вызвало во мнѣ сильную реакцію, по обыкновенію преувеличившую размѣры моихъ прегрѣшеній. Я помню, что при мысли о своей слабости я тотчасъ же съ великимъ презрѣніемъ отбросилъ отъ себя сигару. Въ эту минуту я относился къ себѣ какъ къ измѣннику, продавшему собственную жену и благо рода человѣческаго за чечевичную похлебку. Раскаяніе меня мучило. Я рѣшился на слѣдующее же утро покинуть моего мечтателя о геройскихъ подвигахъ, предоставивъ ему пить и объѣдаться, а самому идти въ Лондонъ.

XXV. Мертвый Лондонъ.

РАЗСТАВИШИСЬ съ артиллеристомъ, я пошелъ по Хай-Стриту, черезъ мостъ, въ Лямбетъ. Красная трава росла здѣсь въ такомъ обиліи, что почти заграждала путь черезъ мостъ, но на ея листьяхъ показались уже бѣлыя пятна той болѣзни, которая въ недалекомъ будущемъ должна была стереть ее съ лица земли.

На углу переулка, ведущаго къ Пулни-Бриджской станціи, лежалъ человекъ. Онъ былъ сплошь покрытъ черной пылью, но живъ, а только пьянъ мертвецки. Ничего я отъ него не добился, кромѣ самыхъ отчаянныхъ проклятій на свою голову. Да признаться сказать, и заговорилъ то я съ нимъ только потому, что меня поразило дикое и варварское выраженіе лица.

Черная пыль лежала по всему пути отъ моста кверху, и около Фульгема слой ея сталъ очень толстымъ. Улицы были совершенно пусты. Въ одной изъ булочныхъ я нашель черствый, кислый хлѣбъ, годный, однако же, для ѣды, и взялъ его съ собою. Немножко подальше черная пыль уже не попадалась, но зато Уольхемъ-Гринъ горѣлъ. Послѣ абсолютной тишины на улицахъ Фульгема, шумъ огня и трескъ горящихъ зданій былъ для меня нѣкоторымъ образомъ пріятенъ. По направленію къ Бромптону улицы были опять совершенно пусты и покойны, но покрыты черной пылью, а мѣстамъ на нихъ валялись трупы. На Фульгемъ-Родѣ я насчиталъ двѣнадцать труповъ. Всѣ они лежали очень давно и успѣли разложиться, такъ что я спѣшилъ поскорѣе пройти мимо. Черная пыль покрывала ихъ съ ногъ до головы, сглаживая очертанія. Нѣкоторые были объѣдены собаками...

Видъ улицъ, на которыхъ не было ни пожара, ни чернаго дыма, съ закрытыми лавками, запертыми дверьми, завѣшанными окнами, при совершенной пустотѣ и отсутствіи прохожихъ, ужас-

но напоминалъ собою обычный видъ улицъ Сити по воскресеньямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оборванцы грабили погребя или винныя лавки. Окно ювелира было разбито, но вору, должно быть, кто-нибудь помѣшалъ, такъ какъ большая часть часовъ, золотыхъ цѣпочекъ и браслетовъ валялись подъ окномъ, на тротуарѣ. Я къ нимъ, конечно, не притронулся. Немного дальше, на одномъ крылечкѣ, сидѣла женщина въ лохмотьяхъ; рука ея, свѣсившаяся черезъ колѣно, была ранена, и кровь изъ нея тонкой струйкой стекала по платю на тротуаръ, гдѣ смѣшивалась съ большой лужей шампанскаго, вылившагося изъ разбитой бутылки, которая лежала тутъ же. Женщина эта казалась спящей, но она была мертва.

Чѣмъ дальше я подвигался внутрь Лондона, тѣмъ тише становилось на улицахъ. Но тишину эту нельзя было назвать мертвой; она была, скорѣе, какая-то выжидающая: разрушеніе, которое постигло сѣверо-западные кварталы столицы, Илингъ и Кильбернъ, могло съ часу на часъ коснуться и этихъ домовъ, превративъ ихъ въ дымящіяся развалины. Это была часть города, приговоренная къ смерти и ожидающая палача...

Въ южномъ Кенсингтонѣ, на улицахъ не было ни черной пыли, ни труповъ. Приближаясь къ этой части города, я въ первый разъ услышалъ крикъ марсіанина. Сначала я даже не сообразилъ, въ чемъ дѣло. Откуда-то издали слышалось монотонное и безконечное повтореніе двухъ нотъ: „улля, улля, улля, улля“. По мѣрѣ приближенія моего къ сѣверу крикъ этотъ становился яснѣе, но зато пересѣкался иногда домами, такъ что, идя по улицѣ, я то слышалъ его совсѣмъ ясно, то почти не слышалъ. Особенно сильно онъ былъ слышенъ на Экхитенъ-Родѣ, такъ что я даже остано-

вился около Кенсингтонских садовъ и сталъ смотрѣть вокругъ себя, чтобы рѣшить, откуда онъ идетъ; но это оказалось невозможнымъ. Точно вся улица стонала и плакала въ ожиданіи близкой смерти.

„Улля, улля, улля“,—неслись нечеловѣческіе звуки, отражаясь сразу со

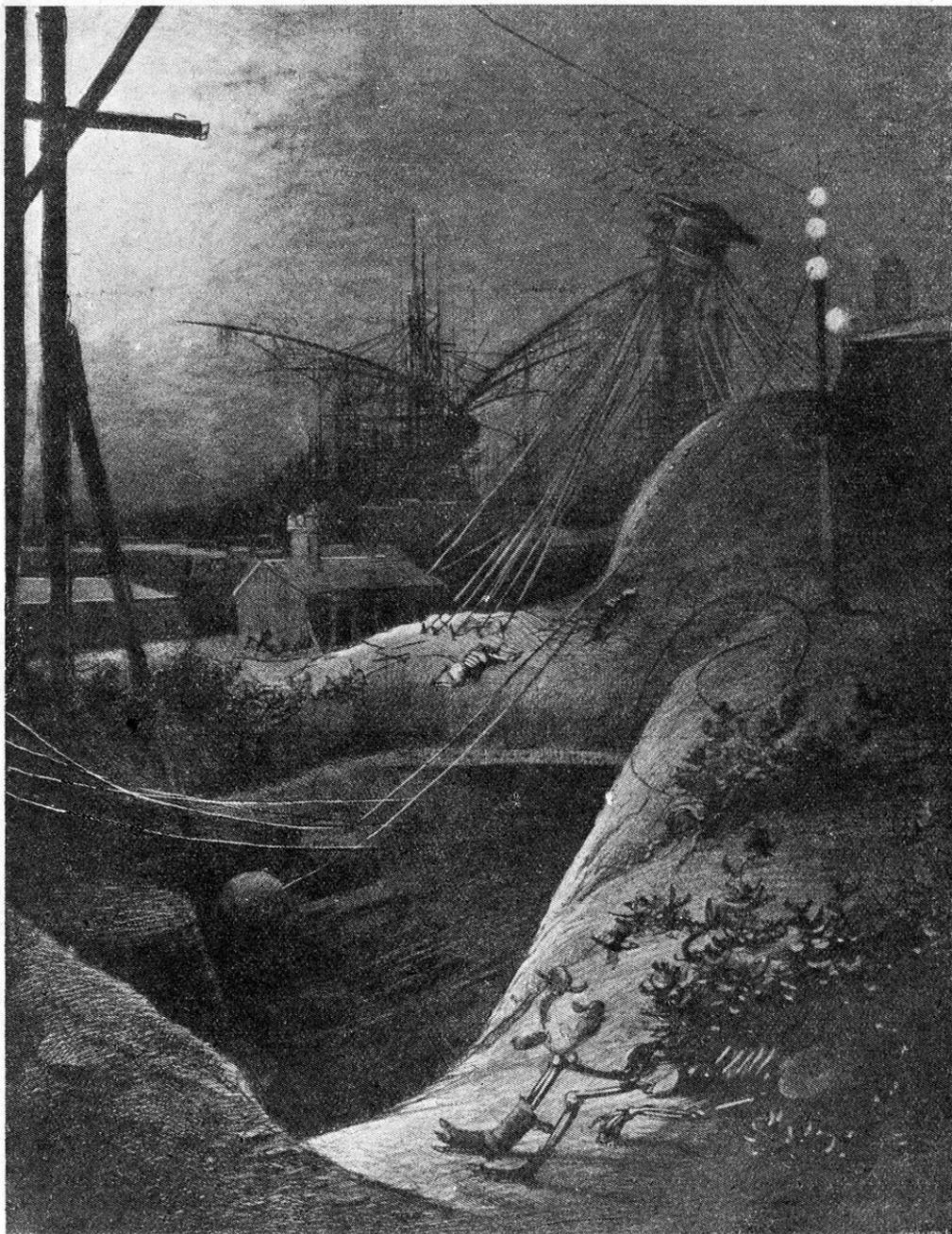
всѣхъ сторонъ и отъ всѣхъ домовъ залитаго солнечными лучами города. Я направлялся къ желѣзнымъ воротамъ Хайдъ-Парка, въ смутной надеждѣ зайти въ Музей естественной исторіи, подняться на его башни и осмотрѣть оттуда весь кварталъ. Услышавъ, однако же,

крики марсіанъ, я рѣшилъ держаться улицы, гдѣ всегда возможно было спрятаться, и потому пошелъ вдоль Экзибитень-Рода. Всѣ зданія на этомъ пути были пусты, и шаги мои гулко раздавались въ окружающей тишинѣ. Около воротъ парка я наткнулся на странную картину—опрокинутый омнибусъ и скелетъ лошади въ оглобляхъ. Полюбовавшись на эту картину, я пошелъ къ мосту черезъ Серпентойнъ. Голосъ становился все слышнѣе и слышнѣе, хотя треножника марсіанъ я нигдѣ замѣтить не могъ.

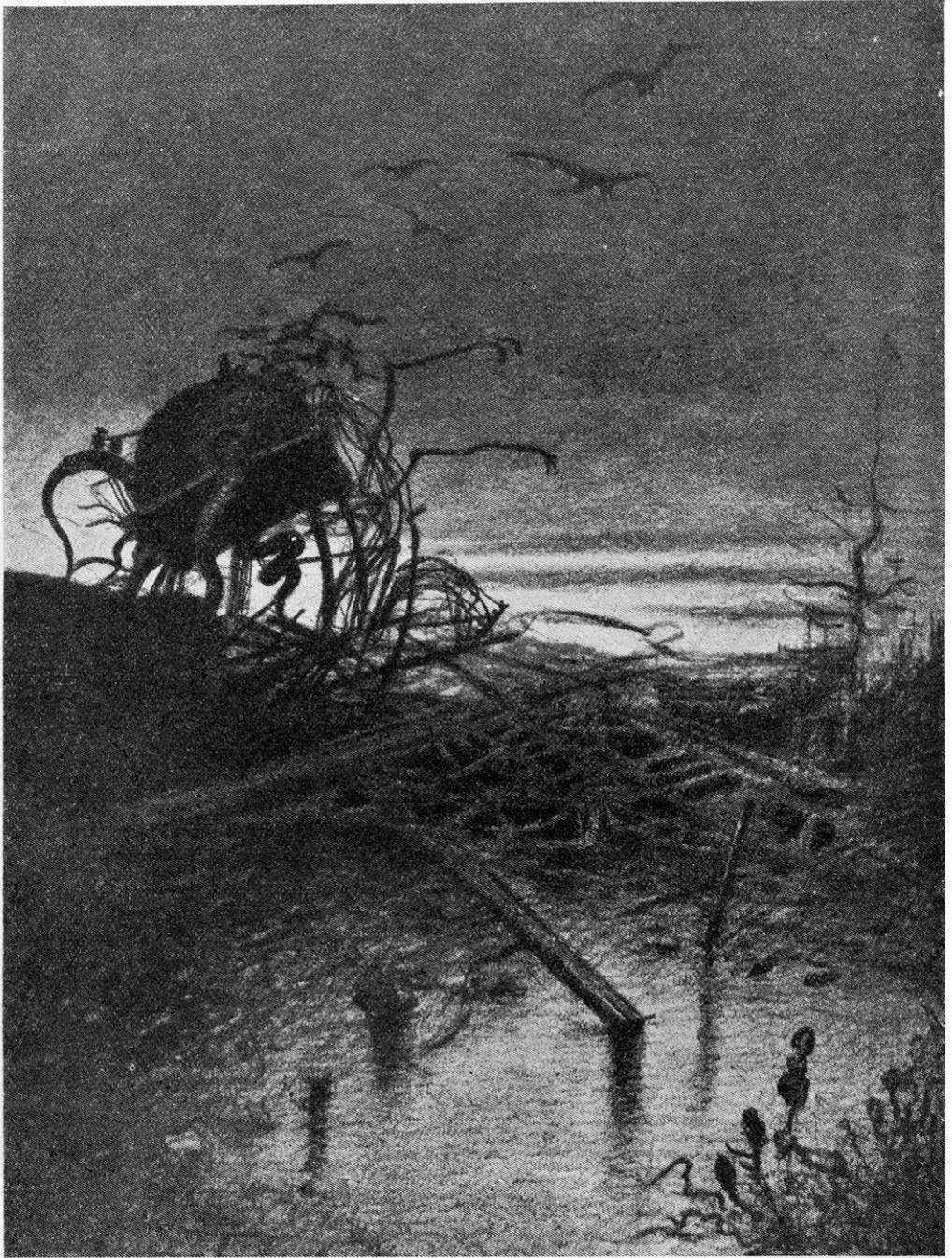
„Улля, улля, улля“,—доносилось, по видимому, откуда то со стороны Риджентсъ-Парка. Крикъ былъ такъ жалобенъ, что нагналъ на меня тоску; да и усталость стала сказываться, я

сразу почувствовал, что страшно голо-
ден и хочу пить. Кроме того, ноги мои
сильно ныли от физической усталости.

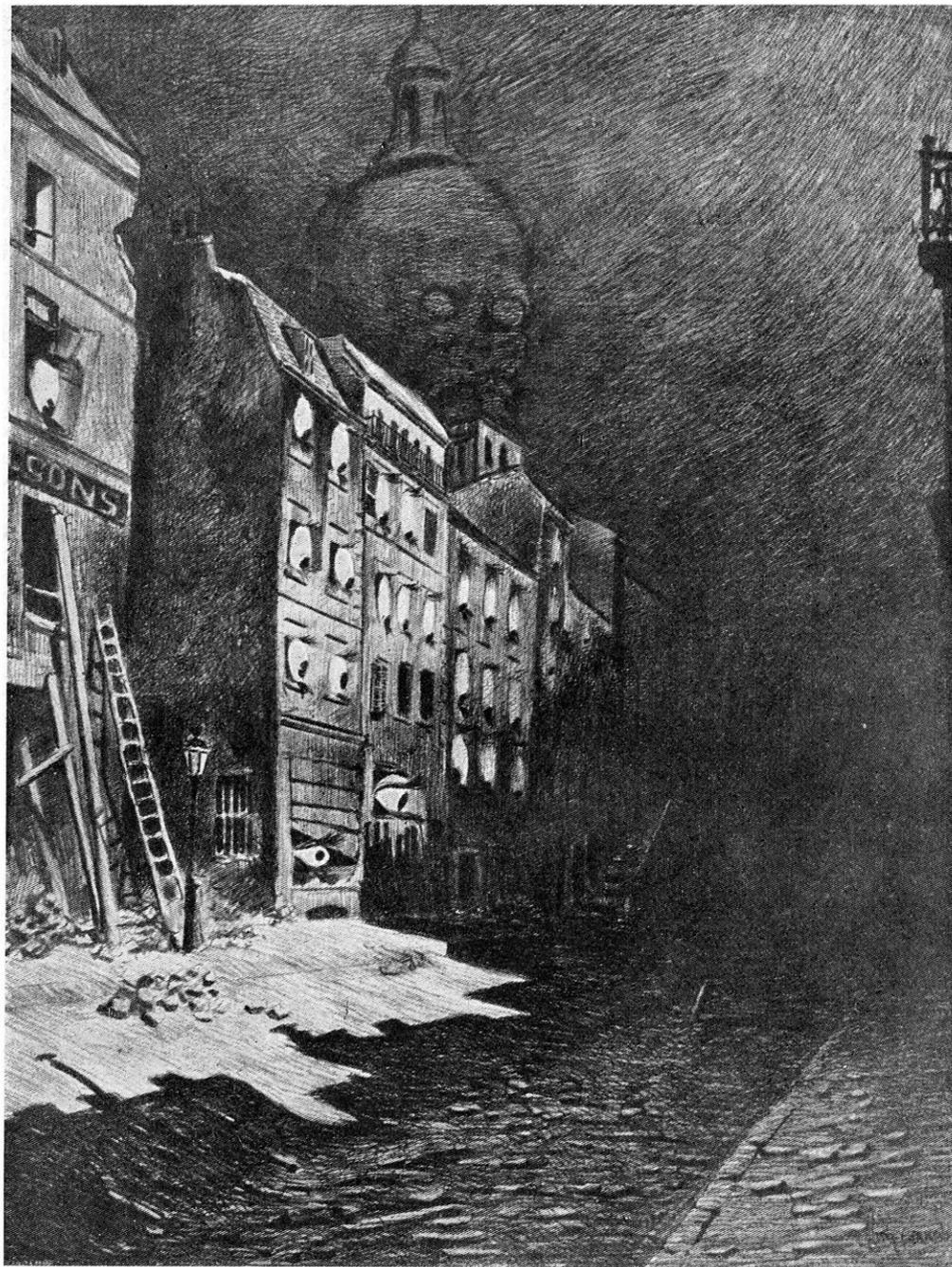
Быль уже первый часъ дня. Зачѣмъ
пришелъ я въ этотъ мертвый городъ,
когда душа его—населеніе—давно изъ

Мертвый Лондонъ.

Я наткнулся на сломанный треножник марсиан...

Дома стали казаться призраками, глядящими на меня тысячою очей...

него вылетѣла? Что я тутъ дѣлаю одинъ-одинехонекъ? Стоитъ ли жить на свѣтѣ въ полномъ одиночествѣ? Гдѣ теперь моя жена, гдѣ тѣ друзья, съ которыми вмѣстѣ мы когда-то ходили по этимъ улицамъ? Я вспомнилъ объ Ожилви и Хендерсонѣ, зажареннымъ подъ Ужингомъ. Не покончить ли и мнѣ съ собою, пока меня не покончили марсіане? Развѣ мало здѣсь аптекъ, въ шкапахъ которыхъ хранятся разнообразныя яды? Или не прибѣгнуть ли къ утѣшенію, даваемому вонъ тѣми жидкостями, которыя выставлены въ окнѣ винной лавки?..

Черезъ мраморную арку я перешелъ въ Оксфордъ-Стритъ. Здѣсь опять подъ слоемъ черной пыли валялись трупы, а изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ шель отвратительный смрадъ.

При видѣ большого ресторана я вспомнилъ, что голоденъ и хочу пить. Съ большимъ трудомъ нашелъ я чѣмъ насытиться и, почти не доѣвъ куска, повалился на кожаный диванъ за прилавкомъ и заснулъ мертвымъ сномъ.

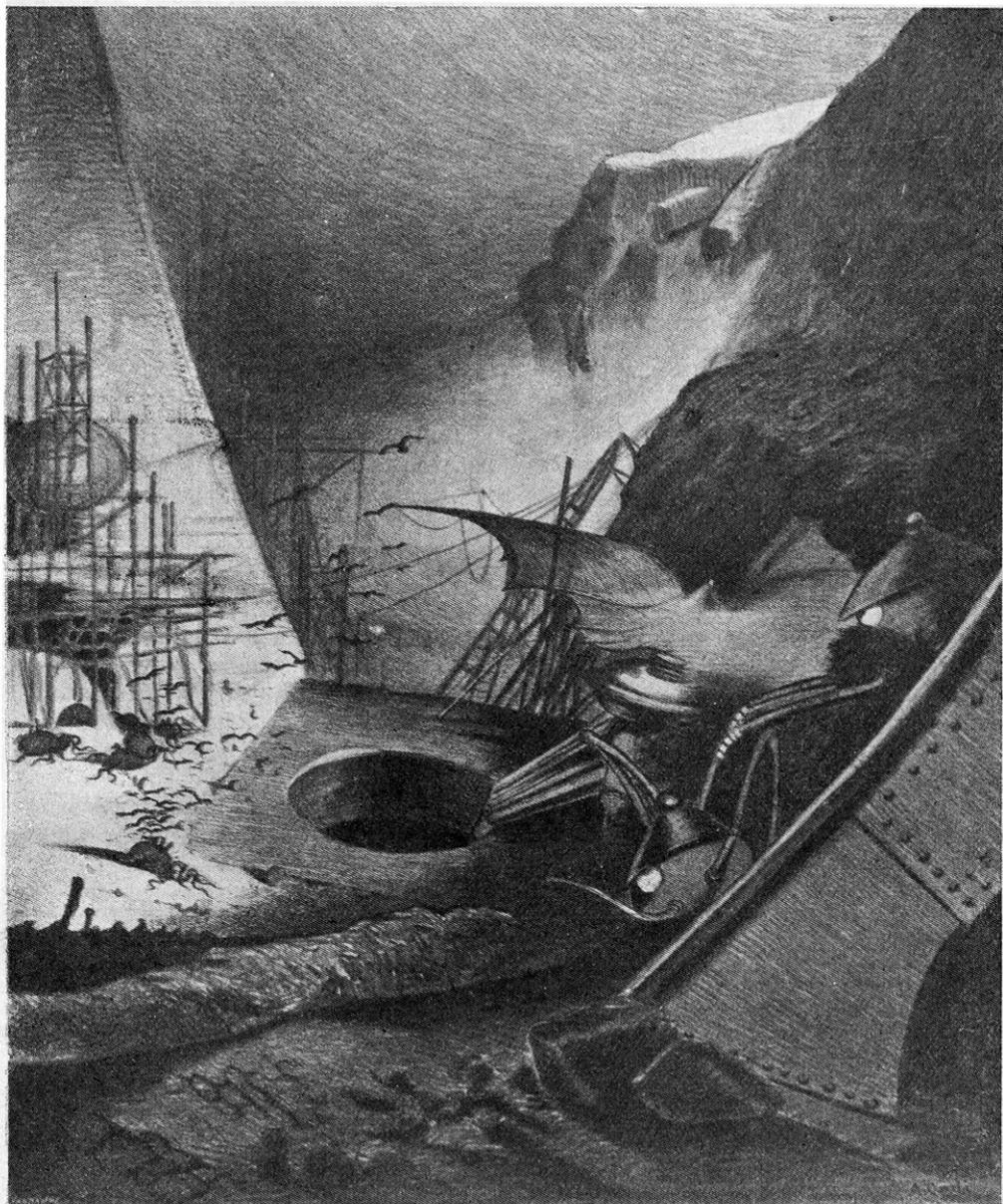
Когда я проснулся, то были уже сумерки, а крикъ „улля, улля“ по-прежнему раздавался въ вечернемъ воздухѣ. Поѣвъ опять сыру съ хлѣбомъ (было и мясо, но покрытое червями), я побрелъ черезъ молчаливыя скверы къ Бекеръ-Стриту и вышелъ, наконецъ, въ Риджентъ-Паркъ. Завернувъ изъ Бекеръ-Стрита, я тотчасъ же увидалъ гдѣ-то далеко, въ паркѣ, возвышающуюся надъ деревьями платформу треножника, съ котораго неслись такъ долго преслѣдовавшіе меня крики. Я нисколько не испугался и пошелъ прямо на него, какъ будто такъ и слѣдовало. Дорогой я не спускалъ съ него глазъ, но онъ стоялъ совершенно неподвижно и кричалъ безъ всякой, повидимому, причины.

Этотъ постоянный крикъ мѣшалъ мнѣ думать. Я нѣсколько разъ пробовалъ опредѣлить, зачѣмъ я иду, но всякій разъ не подумывалъ этой мысли до конца. Надо полагать, что мнѣ просто хотѣлось узнать, изъ-за чего это кричитъ марсіанинъ, а усталость и

привычка сдѣлали меня храбрымъ или, лучше сказать, притупили ощущение страха. Для того, чтобы подойти къ марсіанину со стороны Сентъ-Джонсъ-Вуда, оставаясь въ тѣни террасы, я повернулъ назадъ, къ опушкѣ парка. Сотни за двѣ ярдовъ до начала Бекеръ-Стрита я услыхалъ цѣлый хоръ воющихъ и лающихъ собакъ, при чемъ одна изъ нихъ, бурый сеттеръ, съ большимъ кускомъ окровавленнаго мяса во рту, чуть не наткнулась на меня, выбѣжавъ съ боковой дорожки; за нею гналась цѣлая вереница дворняжекъ, очевидно, очень голодныхъ. Сеттеръ, боясь, вѣроятно, встрѣтить и во мнѣ конкурента на добычу, бросился въ сторону, и стая понеслась за нимъ. Лай и вой стали замирать въ отдаленіи, а крикъ „улля, улля“ продолжался съ прежнею силою.

На половинѣ пути къ Сентъ-Джонсъ-Вудской станціи я наткнулся на сломятый треножникъ, лежавшій поперекъ дороги. Издали, въ сумеркахъ, мнѣ показалось, что это развалины дома, и, только пробираясь между изогнутыми и попорченными частями этой сложной машины, я понялъ, въ чемъ дѣло. Передняя его часть была вся измята, точно будто онъ наткнулся ею на домъ, какъ тотъ гигантъ, который обрушилъ Шеппертонскую колокольню. Я заключаю изъ этого, что машина должна была идти одна, не руководимая марсіаниномъ, такъ же какъ это было и въ Шеппертонѣ, когда руководитель былъ убитъ. Разсмотрѣвъ подробности машины, благодаря наступившей темнотѣ, я не могъ; такъ же какъ не могъ видѣть и окровавленной платформы и обгрызковъ тѣла марсіанина, оставленныхъ на ней собаками. Все это я узналъ уже послѣ.

Не понявъ причины паденія треножника, я пошелъ далѣе, по направленію къ Примрозъ-Хиллю. Вдали на фонѣ неба я увидѣлъ другого марсіанина, молча и недвижимо стоявшаго въ паркѣ, около Зоологическаго сада. Около канала я опять встрѣтилъ красную траву, совершенно запрудившую его.

На онѣ ямы, въ разныхъ положеніяхъ, валялись мертвые марсиане...

Когда я переходилъ черезъ мостъ, то крики „уля, уля“ вдругъ сразу прекратились. Абсолютная тишина наступила внезапно.

По бокамъ дороги стояли дома, очертанія которыхъ становились уже неясными. Деревья парка слились въ

одну темную массу. Красная трава обступила меня со всѣхъ сторонъ, и ночь, чреватая страхомъ и тайнами надвигалась среди полного безмолвія. Уединеніе не казалось мнѣ ужаснымъ, пока звучалъ еще голосъ марсианина: благодаря ему Лондонъ какъ бы жилъ

*

еще, и сознание этой жизни, теплящейся где-то тут около, поддерживало меня. Но когда вдруг наступила абсолютная тишина, в которой мне со всех сторон чудилось какое-то беззвучное движение каких-то неосязаемых врагов, когда дома стали казаться призраками, глядящими на меня тысячу очей, а поверженный гигант, лежавший поперек дороги, казался, переменяя позу, то я был охвачен таким ужасом, что бросился бжать без оглядки назад, по направлению къ Кильбурну, где и провел ночь на Харроу-Роде, под навесом, устроенным для извозчиков.

Къ утру, однако же, страх мой прошелъ. Еще до зари,—звѣзды виднѣлись на небѣ,—я еще разъ пошелъ къ Риджентс-Парку. Сбившись со вчерашняго пути, я попалъ на улицу, ведущую прямо на Примрозъ-Хилль, и уже издали увидаль марсианина, который, подобно прочимъ своимъ товарищамъ, молча и неподвижно стоялъ на вершинѣ холма.

Это уже было слишкомъ! Я рѣшилъ хоть умереть, но узнать, почему марсиане стали такими апатичными, и пошелъ прямо на гигантскій треножникъ, вершина котораго вырисовывалась на звѣздномъ небѣ. По мѣрѣ того, какъ я къ нему приближался, становилось все свѣтлѣе, такъ что я, наконецъ, ясно увидаль стаю воронъ, кружившихся надъ его головою. Сердце мое забилось отъ какого то смутнаго ожиданія, и я ускорилъ шагъ.

Продравшись сквозь красную траву, которая покрывала Сентъ-Эдмундс-Террасъ, перейдя потокъ воды, направлявшійся къ Альбертъ-Роду, я еще до восхода солнца выбрался за городъ, къ высокому валу на вершинѣ холма, окружавшему, какъ оказалось, послѣднюю и самую большую яму марсианъ, изъ которой поднимался прямо кверху легкій дымокъ. По гребню вала пробѣжала собака. Мысль, промелькнувшая въ моемъ умѣ, при видѣ воронъ надъ головою треножника, получила

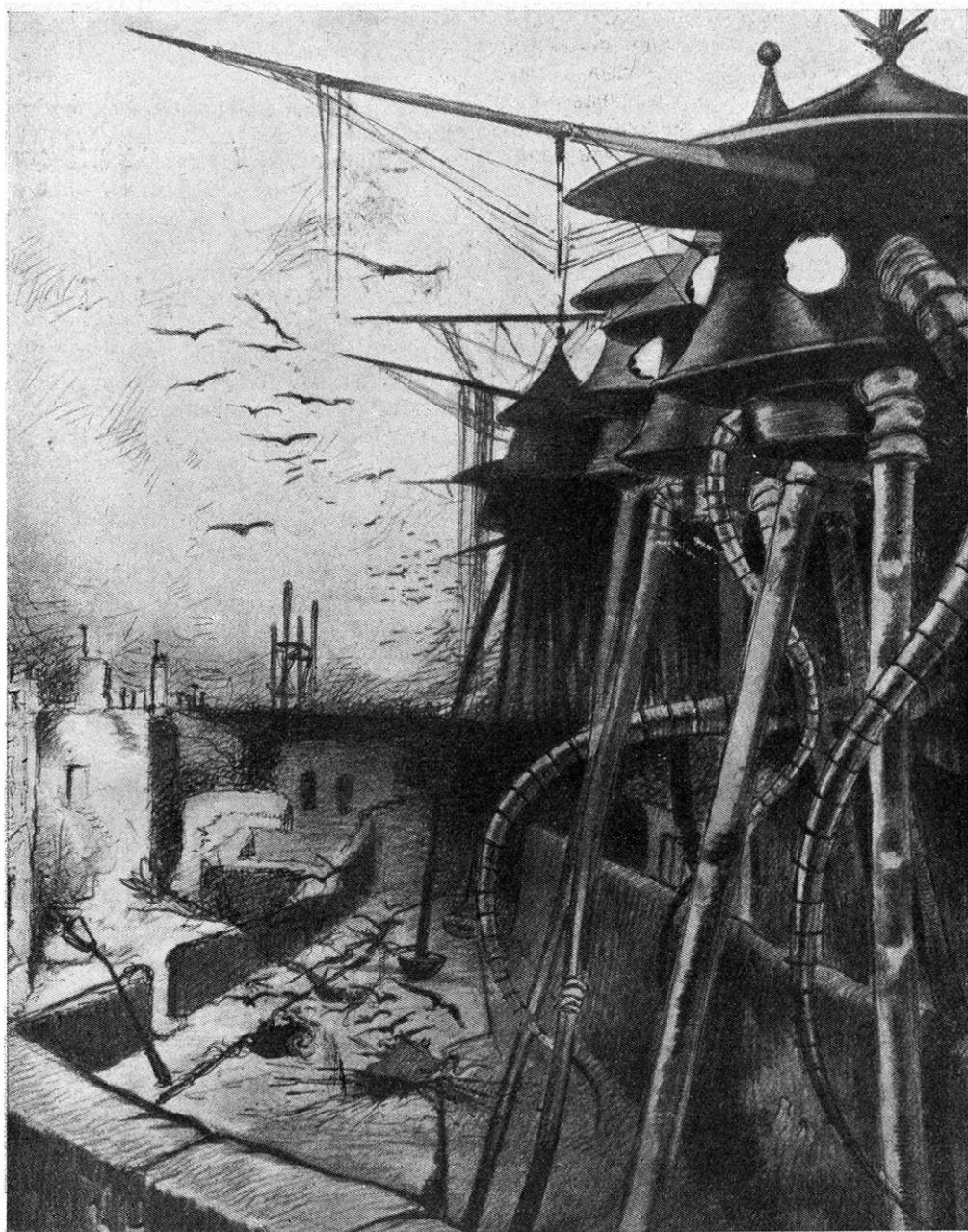
теперь подтвержденіе. Дрожа отъ радости, я побѣжалъ прямо къ неподвижному чудовищу, съ верхней платформы котораго, какъ теперь ясно было видно, висѣли бурые ключья, со всехъ сторонъ обсаженные отчаянно каркающими птицами...

Еще минута,—и я вскочилъ на гребень вала. Вся внутренность громадной ямы зіяла у моихъ ногъ. По дну ея были разставлены различныя машины, въ одномъ углу находился складъ матеріаловъ, въ другомъ—нѣчто въ родѣ первобытнаго навѣса для жилья, мѣстами лежали и стояли пустые треножки, а между ними въ разныхъ положеніяхъ, валялось съ дожину мертвыхъ марсианъ! Мертвыхъ!

Чего не могъ сдѣлать разумъ человѣческій, вспомооществуемый всѣми знаніями, нажитыми человекомъ за время его исторіи, то выполнили ничтожнѣйшія, микроскопическія существа, поставленныя Богомъ на стражѣ, для соблюденія равновѣсія въ экономіи природы!

Если бы паническій страхъ, сопутствующій внезапному нашествію марсианъ, не лишилъ насъ разума, то мы могли бы это предвидѣть. Марсиане, какъ и привезенная ими съ родной планеты трава, погибли отъ болѣзнетворныхъ бактерий, отъ которыхъ организмъ ихъ, разумѣется, непривыкъ защищаться!

Микроскопическія существа эти съ доисторическихъ временъ ведутъ съ человекомъ борьбу за существованіе, и организмъ послѣдняго, выросшій и развившійся на такой борьбѣ, привыкъ уже къ ней, привыкъ не только бороться, но и побѣждать, сталь, какъ говорятъ ученые, иммуннымъ къ большинству своихъ микроскопическихъ враговъ, то-есть выработалъ способность уживаться съ ними или не допускать ихъ размноженія. Такая способность далась намъ не даромъ: миллиарды людей погибли, вѣроятно, въ борьбѣ съ микробами, раньше чѣмъ была выработана эта способность.

Странныя формы громаднѣхъ машинъ рисовались передъ глазами...

На Марсѣ же, должно быть, или совсѣмъ нѣтъ бактерій, или онѣ есть, но не такія, какъ у насъ. Организмъ марсіанъ поэтому не могъ сразу найтись, такъ сказать, въ борьбѣ съ не- привычными врагами, а между тѣмъ они вторгались въ него съ каждой каплей человѣческой крови, переливаемой въ вены обитателей Марса, съ каждымъ глоткомъ воздуха, которымъ

последние дышали. С первой минуты появления своего на землѣ марсіане были уже обречены на неизбежную гибель. Все ихъ пребываніе на нашей планетѣ было сплошной болѣзью, постоянно усиливавшейся, развивавшейся быстро, какъ всѣ микробныя заболѣванія, и кончившейся почти одновременно для всѣхъ смертью.

Милліардами жизней человѣкъ купилъ себѣ право первородства на землѣ, и это право не можетъ быть у него отнято первымъ попавшимся пришельцемъ, какъ бы онъ ни былъ могущественъ. Сама земля найдетъ средство защитить своего первороднаго сына. Не даромъ онъ жилъ, работалъ и умиралъ на ея материнской груди, содѣйствуя развитію своеобразнаго порядка, своеобразной гармоніи, нарушить которую никто не смѣетъ безъ наказанно!

Все это, однако же, я понималъ уже впоследствии, а въ то время, обходя кругомъ яму и насчитавъ въ ней до пятидесяти труповъ марсіанъ, я только молился благоговѣно, вѣруя, что Господь въ Своемъ неизреченномъ милосердіи сжалился надъ грѣшнымъ человѣчествомъ, не захотѣлъ погубить его до конца и послалъ ангела смерти на страшныхъ пришельцевъ изъ другого міра.

Да оно такъ и было, конечно. Порядокъ вселенной, установленный Предвѣчнымъ Творцомъ, автоматиченъ, правда, и самъ себя поддерживаетъ, но автоматичность эта до такой степени цѣлесообразна и порядокъ такъ справедливъ, что онъ не могъ быть дѣломъ случая и не можетъ быть нарушенъ случайно. Ангелъ смерти явился для марсіанъ, въ видѣ бактерій; однако же, никакими усилиями своего разума и воли, несмотря на все свое могущество, они не могли бы устранить его карающую руку, если бы даже знали, гдѣ лежитъ опасность.

Но они не знали, въ чемъ дѣло. Смерть явилась для нихъ необъяснимой неожиданностью, такъ же какъ и для меня въ то время. Я только ра-

довался тому, что восходившее солнце вновь освѣщаетъ свободную отъ пришельцевъ землю.

Солнце взошло, но дно ямы оставалось еще въ тѣни. Странныя, неземныя формы громадныхъ и сложныхъ машинъ смутно рисовались передъ моими глазами. Стаи голодныхъ собакъ съ лаемъ и визгомъ рвали тѣла марсіанъ. На противоположномъ отъ меня краю ямы лежала громадная воздухоплавательная машина, съ которою они, повидимому, только что начали дѣлать опыты въ нашей атмосферѣ, болѣе плотной, чѣмъ атмосфера Марса. Смерть прекратила эти опыты. Она пришла какъ разъ во время.

Карканье воронъ заставило меня взглянуть кверху на страшный треножникъ, стоявшій около ямы. Я понялъ теперь, что бурые клочья, надъ которыми кружились птицы, суть, дѣйствительно, остатки трупъ марсіанина и что треножникъ теперь — мертвый стражъ колоніи мертвецовъ — навсегда пересталъ быть страшнымъ. Посмотрѣвъ по направленію къ парку, я увидалъ еще два треножника, замѣченныхъ мною наканунѣ. Птицы кружились и надъ нимъ. Тотъ, который кричалъ вчера, былъ, вѣроятно, последнимъ. Можетъ быть, онъ давно уже умеръ, а кричала только сирена, пущенная имъ въ ходъ незадолго до смерти.

У подножія холма лежала залитая солнцемъ столица, чудомъ избавленная отъ окончательнаго разрушенія. Тотъ, кто видалъ ее съ Примрозъ-Хилля только живою, суетящеюся, шумящей, задернутой легкой пеленою тумана и дыма, — тотъ не можетъ себѣ представить, что такое городъ мертвый и пустой, но сохранившій еще всю свою красоту, не успѣвшій предаться тлѣнію.

На востокѣ, надъ почернѣлыми развалинами Альбертъ-Террасъ и сломаннымъ шпицемъ церкви, поднималось восходившее солнце, лучи котораго отражались отъ необозримаго простран-

ства, усѣяннаго разнообразными крышами, при чемъ инья блестяли какъ брилліантъ. Лучи эти проникали даже въ винныя склады около Чокъ-Фермской станціи и освѣщали полотно желѣзной дороги, заросшее теперь красною травою.

На сѣверѣ видны были группы домовъ Кильбурна и Гампстеда, подернутыя синимъ туманомъ, такъ же какъ и западная часть города. На югѣ, недалеко отъ ямы, видѣлся зеленый океанъ Ридженсть - Парка, Ленгемъ-Отель, куполь Альбертъ-Холля, Королевскій Институтъ и громадныя дома на Бромптонъ-Родѣ. Сзади послѣднихъ, рѣзко выдѣляясь на солнечномъ свѣтѣ, видѣлись развалины Вестминстерскаго Аббатства, а еще далѣе—голубые холмы Серри и башни Хрустальнаго Дворца, сверкающія какъ серебро. Куполь Св. Павла казался чернымъ и былъ съ западной стороны пробить чѣмъ-то: я, по крайней мѣрѣ, ясно видѣлъ на немъ неправильное углубленіе, съ изорванными краями.

И вотъ, когда я смотрѣлъ на громадное пространство, покрытое домами, фабриками и церквами, теперь покинутыми и пустыми; когда я вспомнилъ, какъ думъ и усилій, какой массы жизней стоило человечеству устройство этого гигантскаго муравейника и какъ немного нужно было, чтобы опустошить его и разрушить; когда я, наконецъ, созналъ, что туча прошла уже, и человѣкъ можетъ вновь поселиться въ старомъ, дорогомъ гнѣздѣ своемъ, что улицы эти опять оживятся и церкви

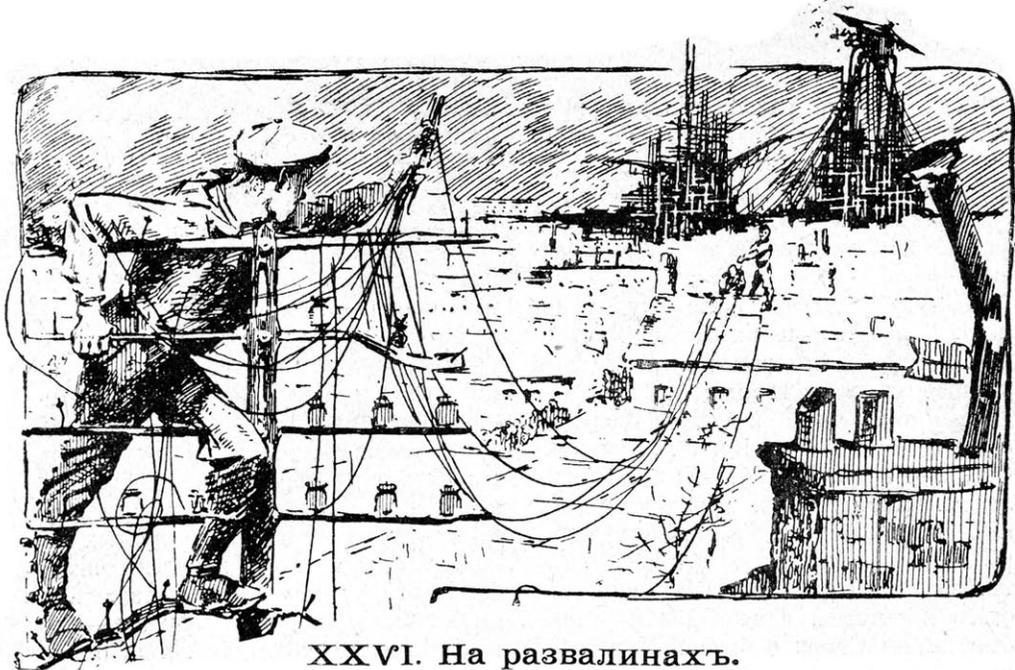
наполнятся, что родной мой городъ вновь оживетъ и станетъ могучимъ попрежнему; когда все это пришло мнѣ въ голову,—то я не могъ удержаться отъ слезъ...

Да, туча прошла уже! Не далѣе какъ сегодня начнется благодѣтельный процессъ заживленія ранъ, нанесенныхъ ею городу. Пережившіе грозу обыватели его, разбросанные теперь по странѣ и скитающіеся по ней, какъ овцы безъ пастыря, безъ организаціи, безъ законовъ, безъ хлѣба, сегодня же начнутъ возвращаться. Скоро вернуться и тѣ, которые бѣжали за море. Пульсъ вновь забьется на пустыхъ теперь улицахъ и съ каждымъ часомъ бѣненіе это будетъ усиливаться. Какъ бы ни было велико разрушеніе,—рука разрушителя уже мертва. Она остановлена рукою болѣе могучей, — рукою Провидѣнія. Всѣ эти развалины, которыя я вижу вокругъ себя, всѣ эти почернѣвшіе скелеты домовъ, которые теперь такъ печально смотрятъ на солнце своими разбитыми окнами, завтра же огласятся стукомъ топора и молотка живыхъ людей.

При этой мысли я простеръ руки къ небу въ горячей благодарственной молитвѣ. Черезъ годъ! — думалъ я... да, года будетъ достаточно, чтобы изгладить всѣ слѣды роковаго нашествія марсіанъ...

Но тутъ съ удесятельной силой нахлынули на меня мысли о моей женѣ, о старой, тихой и сердечной жизни, которая — увы! — кончилась теперь навсегда...

XXVI. На развалинахъ.

И вотъ я дошелъ, наконецъ, до самаго страннаго приключенія во всей моей правдивой исторіи, хотя оно, можетъ быть, и не такъ странно, какъ кажется.

Я живо помню все, что дѣлалъ въ этотъ день, до той минуты, когда поднялъ руки къ небу и сталъ молиться. Но съ этой минуты я все позабылъ...

Три слѣдующихъ дня какъ бы вычеркнуты изъ моей жизни. Послѣ уже мнѣ рассказывали, что я не первый открылъ гибель марсіанъ: многіе побывали у ямы еще наканунѣ, и одинъ изъ нихъ успѣлъ уже телеграфировать о происшествіи въ Парижъ со станціи Св. Мартина, какъ разъ въ то время, когда я прятался подъ извозничьимъ навѣсомъ. Изъ Парижа радостная вѣсть разнеслась по всему міру. Тысячи городовъ, со страхомъ ожидавшихъ своей участи, сразу среди глубокой ночи иллюминировались. Дублинъ, Эдинбургъ, Манчестеръ, Бирмингамъ уже ликовали въ то время, когда я стоялъ надъ ямой.

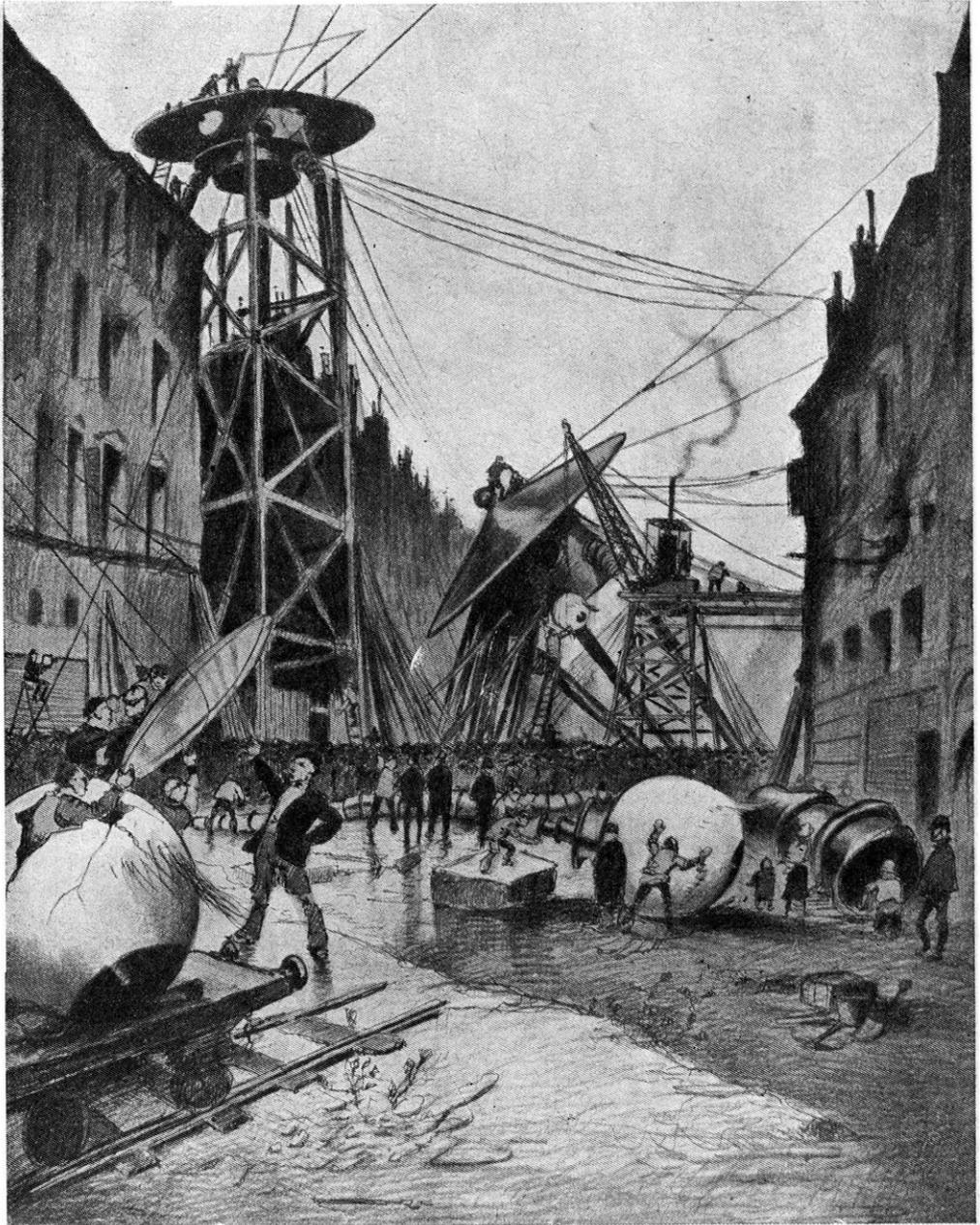
Со всѣхъ сторонъ люди, плачущіе отъ радости и бросающіе всѣ дѣла, чтобы пожать другъ другу руку, уже садились въ поѣзда, чтобы ѣхать въ

Лондонъ. Колокола церковей, молчавшіе цѣлыхъ двѣ недѣли, сразу зазвонили во всей Англии. Дороги вновь покрылись народомъ, но теперь не было уже ни той давки, ни того оживленія: измученные, изможденные, люди не бѣжали, а едва плелись по направленію къ Лондону. А пища! Черезъ каналъ, черезъ Ирландское море, по Атлантическому океану шли сотни судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и мясомъ для голодающихъ бѣглецовъ. Точно всѣ флоты міра направились къ Лондону.

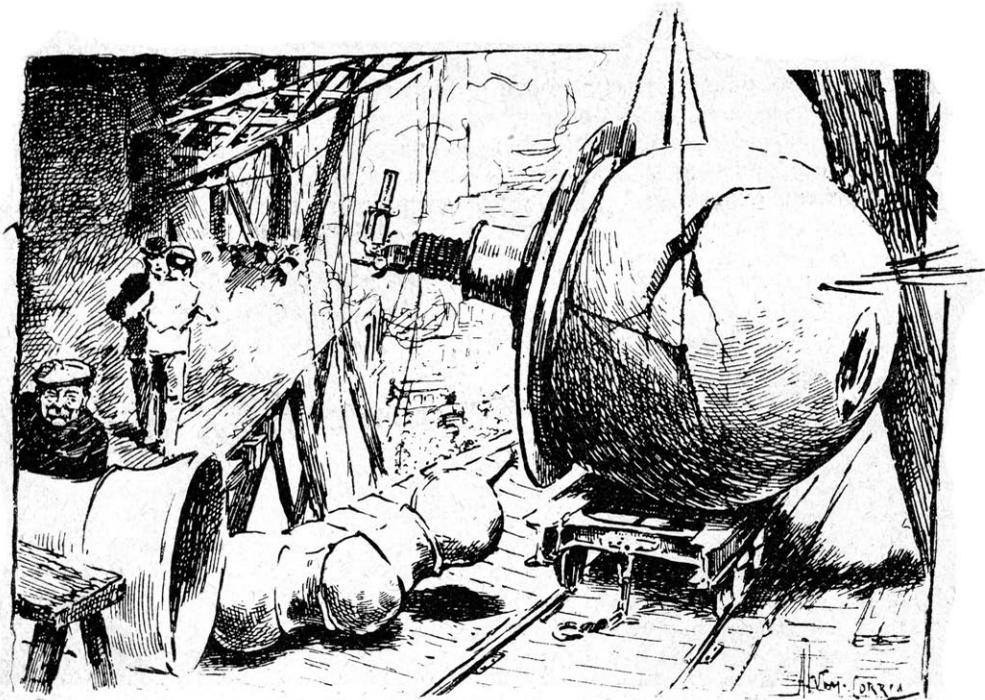
Но я не помню ничего этого: разумъ мой не выдержалъ и погрузился во тьму. Я пришелъ въ себя только на четвертый день послѣ рассказанныхъ происшествій и очутился въ домѣ добрыхъ людей, которые всего только наканунѣ нашли меня блуждающимъ около Сентъ-Джонсъ-Вуда. Говорятъ, что я то плакалъ, то кричалъ: „Ура! Послѣдній человѣкъ на землѣ! Ура!“, то пѣлъ что-то безсвязное. Несмотря на то, что пріютившіе меня добрые люди (имени которыхъ, несмотря на все мое желаніе, я не имѣю права назвать) сами находились въ это время въ тяжеломъ положеніи, они нѣжно заботились обо мнѣ и, можно сказать, вырвали меня изъ рукъ смерти.

Когда я стал поправляться, то они, узнавъ, вѣроятно, изъ моего бреда нѣкоторыя подробности моей жизни, очень деликатно сообщили мнѣ всѣ свѣдѣнія, какія только могли собрать о Ли-

держедѣ. Два дня спустя послѣ моего исчезновенія городокъ былъ разрушенъ марсианиномъ безъ всякой причины, безъ всякаго вызова, какъ мальчишки разрываютъ иногда муравейникъ—для

„Осмотръ машинъ, оставленныхъ марсианами, далъ замѣчательные результаты“...

одной потѣхи. Ни одна душа въ немъ не спаслась.

Я былъ, слѣдовательно, совсѣмъ одинокъ, и добрые люди смотрѣли на меня, какъ на сироту. Я былъ одинокъ и печаленъ, а они ухаживали за мною. Послѣ выздоровленія я прожилъ у нихъ четыре дня. Все это время меня преслѣдовало смутное желаніе взглянуть еще разъ на старое пепелище, въ которомъ я провелъ такъ много счастливыхъ лѣтъ. Но это разстроило бы меня еще болѣе, и потому они меня отговаривали. Они сдѣлали все, что могли, для того, чтобы отклонить меня отъ моего намѣренія, но я не могъ противостоятъ непобѣдимому желанію и въ одинъ прекрасный день, простясь съ моими благодѣтелями (не безъ слезъ, признаюсь) и обѣщавъ вернуться къ нимъ, я вновь очутился на тѣхъ улицахъ, которыя видѣлъ въ послѣдній разъ пустыми и полуразрушенными. Теперь онѣ вновь кишѣли народомъ; лавки были открыты, и изъ фонтановъ била вода.

Припоминаю, какъ хорошъ былъ день, когда я отправился хоронить все мое прошлое, какъ оживлены были

улицы, и какъ весело кипѣла жизнь вокругъ меня. Глядя на такое множество народа, зная, что многіе еще не успѣли вернуться изъ-за границы, съ трудомъ вѣрилось, чтобы столько людей было погублено марсіанами. Но внѣшній видъ прохожихъ носилъ еще на себѣ слѣды пережитаго бѣдствія. Лица у всѣхъ были желтыя, исхудалыя, платье, по большей части, въ лохмотьяхъ или грязное, волосы нечесаны, глаза блуждающіе, съ расширенными зрачками, или, напротивъ того, черезчуръ рѣшительные, какъ бы даже жестокіе. Большинство шло пѣшкомъ, — лошадей еще было очень мало. Лондонъ казался городомъ бродягъ и нищихъ. На рынкахъ раздавали хлѣбъ, присланный французскимъ правительствомъ; по угламъ улицъ стояли спеціальныя констебли, съ бѣлой кокардой на шляпѣ. Слѣды нашествія марсіанъ начали встрѣчаться только тогда, когда я достигъ Веллингтонъ-Стрита: красная трава сплошь покрывала быки Веллингтонъ-Бриджа.

На мосту я наткнулся на одинъ изъ контрастовъ, обычныхъ въ это исключительное время: на кактусовидномъ,

толстомъ стеблѣ красной травы развѣвался листокъ бумажки, прикрѣпленный деревяннымъ гвоздикомъ. Это было объявление „Daily Mail“ — первой газеты, начавшей выходить послѣ возвращенія жителей въ Лондонъ. Я тотчасъ же купилъ нумеръ, на какую-то залежавшуюся въ карманѣ монетку. Текста въ ней было очень мало, и большая часть листка была занята объявленіемъ, составленнымъ очень многословно и не безъ остроумія. Ничего особенно новаго для меня я изъ этой газеты не узналъ, кромѣ того развѣ, что въ первую же недѣлю осматрѣвъ машинъ, оставленныхъ марсіанами, привелъ къ замѣчательнымъ результатамъ. Между прочимъ, газетка увѣряла, что „тайна воздухоплаванія отнынѣ перестала быть тайной.“

На Ватерлооской станціи я встрѣтилъ поѣзда, нагруженные возвращающимися въ Лондонъ обывателями. Но первый приливъ уже кончился, и поѣзда не были переполнены. Поговорить мнѣ ни съ кѣмъ не удалось, да и не хотѣлось. Я взялъ себѣ купѣ и, сложивъ руки, грустно смотрѣлъ на пробѣгавшія мимо окна картины разрушенія, въ настоящее время ярко освѣщенныя солнцемъ. Только что выйдя со станціи, поѣздъ перешелъ на временные рельсы и двигался между развалинами домовъ, почернѣвшими отъ пожара или покрытыми черной пылью несмотря на два дождливыхъ дня, когда пыль, казалось бы, должна быть смыта. Около Клапгэма множество рабочихъ чинили полотно. Въ ихъ рядахъ, вмѣстѣ съ обыкновенными поденщиками, я замѣтилъ больше сотни клерковъ, лавочниковъ и тому подобнаго народа, остававшагося пока безъ опредѣленныхъ занятій.

Вся страна, по которой шелъ поѣздъ, сильно пострадала, особенно Уимблдонъ. Уолтонъ, благодаря уцѣлѣвшимъ сосновымъ лѣсамъ, казался нетронутымъ. Вандль, Муль, всѣ рѣчки и ручейки сплошь заросли красной травой и казались издали какими-то колбасами. Но лѣса въ этой сторонѣ были

слишкомъ сухи, и потому красная трава ихъ пощадилась. За Уимблдономъ я видѣлъ съ поѣзда устьянные народомъ валы около ямы шестого цилиндра. Отрядъ саперъ работалъ въ ямѣ, а надъ нею на высокомъ шестѣ весело развѣвался британскій флагъ. Земля кругомъ была черна не то отъ выжженнаго вереска, не то отъ черной пыли, но по черному фону красная трава дѣлала причудливые узоры. Это сочетаніе цвѣтовъ чернаго съ краснымъ непріятно дѣйствовало на глазъ, который отдыхалъ только при видѣ синевато-зеленыхъ холмовъ вдаль, на востокъ.

Около Уокинга путь еще не былъ готовъ, поэтому я, сойдя въ Байфлитѣ, отправился пѣшкомъ на Мейберн, черезъ то мѣсто, на которомъ мы съ артиллеристомъ встрѣтили гусаръ, и гдѣ я въ первый разъ видѣлъ треножникъ во время грозы.

Свернувъ, изъ любопытства, съ дороги въ сторону, я нашелъ свою сломанную повозку и скелетъ лошади, заросшіе красной травой. Нѣсколько минутъ я простоялъ въ раздумьи надъ этими останками...

Затѣмъ я пошелъ прямо черезъ лѣсъ, въ ростъ человѣка обросшій красной травой, но трупъ хозяина „Пестрой собаки“ уже не нашелъ. Его, вѣроятно, уже похоронили. Завернувъ за уголь, я подошелъ къ своему дому. Хозяинъ сосѣдняго коттеджа стоялъ у воротъ и раскланялся со мною.

При видѣ дома въ душѣ моей вдругъ блеснула лучъ радостной надежды, но когда я взглянулъ въ подробности, то онъ сразу погасъ.

Дверь была выломана и едва держалась на петляхъ. При моемъ приближеніи она медленно распахнулась (должно быть, отъ вѣтра) и потомъ вновь захлопнулась. Окно, изъ котораго мы съ артиллеристомъ смотрѣли на марсіанъ, было открыто, и рваныя занавѣски его трепались по вѣтру. Никто, стало быть, не былъ въ домѣ за послѣднія три недѣли. Даже измятые кусты подъ окномъ не оправились...

Войдя въ домъ, я убѣдился, что онъ пустъ. Коверъ на лѣстницѣ былъ сбитъ въ кучу и полинялъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на него текла вода съ моего промокшаго во время грозы платья. Даже грязные слѣды на ступенькахъ не стерлись.

Дойдя до кабинета, я нашелъ на своемъ столѣ, подъ селеновомъ пресъпаньше, послѣдній листокъ моей работы, написанный наканунѣ появленія марсіанъ. Я прочелъ его до конца. Это былъ отрывокъ мемуара о вѣроятности дальнѣйшаго развитія моральныхъ идей параллельно прогрессу цивилизаци. Послѣдняя фраза: „Черезъ двѣсти лѣтъ мы можемъ ожидать...“ осталась неоконченной, потому что я, сколько помню, писалъ ее уже утромъ и не окончилъ, поспѣшивъ спуститься внизъ, чтобы взять „Daily Chro-

nicle“ у газетчика, отъ котораго узналъ новости о „людяхъ съ Марса“.

По прочтеніи листка я пошелъ въ столовую. На обѣденномъ столѣ валялись полусгнившіе обѣдки баранины и хлѣба, кромѣ того лежала на боку пустая пивная бутылка, въ томъ видѣ, въ какомъ мы съ артиллеристомъ все это оставили.

— Да,—думалъ я,—домъ мой опустѣлъ, и впереди предстоитъ одиночество... Надежды никакой нѣтъ и быть не можетъ.

Не успѣлъ я, однако же, додумать этой мысли, какъ она была вслухъ докончена кѣмъ-то снаружи дома. Чей-то голосъ произнесъ:

— Совершенно бесполезно. Домъ пустъ. Никто въ него не входилъ за послѣднія двѣ недѣли, и оставаться здѣсь значило бы только мучить себя безъ всякой цѣли.

Я вздрогнулъ. Галлюцинація это или я самъ бессознательно произнесъ всю фразу вслухъ? Подбѣжавъ къ окну, я высунулся изъ него, испуганный и удивленный.

А за окномъ, тоже испуганная и удивленная, сильно похудѣвшая, стояла моя жена и съ нею нашъ Лидерхедскій родственникъ...

— Я знала, я знала, я пришла...— едва успѣла вскрикнуть жена, схватившись рукой за грудь, и упала въ обморокъ.

Я выпрыгнулъ изъ окна и схватилъ ее подъ руки...

XXVII.

Эпилогъ.

КОНЧАЯ свои воспоминанія, я могу только пожалѣть о своей некомпетентности при обсужденіи многихъ вопросовъ, вызванныхъ нашествіемъ марсіанъ и до сихъ поръ нерѣшенныхъ. Моя специальность—спекулятивная философія, а по части физиологіи я прочелъ только два или три капитальныхъ руководства; но все же думаю, что мнѣніе профессора Карвера о причинахъ эпидеміи среди марсіанъ, изложенное мною выше, вполне справедливо.

Во всякомъ случаѣ, при вскрытіи ихъ труповъ, при микроскопическомъ и бактериологическомъ изслѣдованіи тканей и жидкостей, ничего не было найдено, кромѣ обыкновенныхъ, земныхъ бактерий. Да, наконецъ, совершенныя марсіанами беспощадныя и притомъ массовыя убійства, послѣ которыхъ они, несмотря на всю свою интеллигентность, не принимали никакихъ санитарныхъ и обеззараживающихъ мѣръ, даже не убирали труповъ, преспокойно

живя среди послѣднихъ, доказываютъ, что они на Марсѣ не имѣли никакого понятія ни о бактеріяхъ, ни о гніеніи, а потому не понимали даже, отчего умираютъ. Какъ бы то ни было, если это и не болѣе какъ предположеніе, то все же въ высшей степени вѣроятное.

Да иной причины смерти марсіанъ трудно и найти.

Составъ чернаго дыма, такъ же какъ и устройство генератора тепловыхъ лучей до сихъ поръ остаются загадками. Катастрофы въ лабораторіи Илинга и Южнаго Кенсингтона заставили ученыхъ прекратить всякіе опыты съ тепловымъ лучемъ, а черный дымъ и не можетъ быть полученъ на землѣ, такъ какъ въ составъ его входитъ элементъ, намъ совершенно неизвѣстный. Выше я описалъ его свойства, теперь же прибавлю только, что ученые считаютъ черный дымъ соединеніемъ этого элемента съ аргономъ, но это, конечно, тоже одно лишь предположеніе, мало инте-

ресное, я думаю, для большой пубрики, для которой предназначаются мои воспоминания. Собственно говоря, оно даже почти ни на чемъ не основано, такъ какъ въ первое время никто не позаботился собрать черную пыль, а потому она почти вся была смыта дождями.

Физиологическія и анатомическія данныя объ устройствѣ организма марсіанъ тоже едва ли кого-нибудь интересуютъ, кромѣ ученыхъ, а о наружномъ ихъ видѣ всякій можетъ судить по рисункамъ и по великолѣпному экземпляру, сохранившемуся въ Музеѣ естественной исторіи, гдѣ онъ стоитъ въ банкѣ со спиртомъ посреди зала.

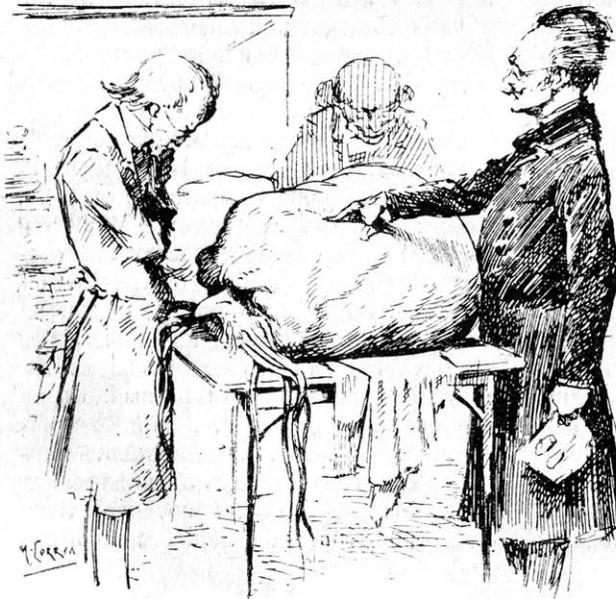
Гораздо интереснѣе вопросъ о возможности вторичнаго ихъ нашествія, и я думаю, что на него до сихъ поръ было обращено слишкомъ мало вниманія. Теперь Марсъ слишкомъ удаленъ отъ Земли, но при всякомъ его приближеніи я начинаю трепетать. Во всякомъ случаѣ, намъ слѣдовало бы приготовитьсь. Надо бы опредѣлить положеніе пушки на поверхности Марса и внимательно слѣдить за этой точкой. Если будетъ замѣченъ выстрѣлъ, то мы будемъ имѣть въ запасѣ десять дней, чтобы принять мѣры противъ вторженія. Цилиндръ, я полагаю, могъ бы быть разрушенъ динамитомъ, ран-

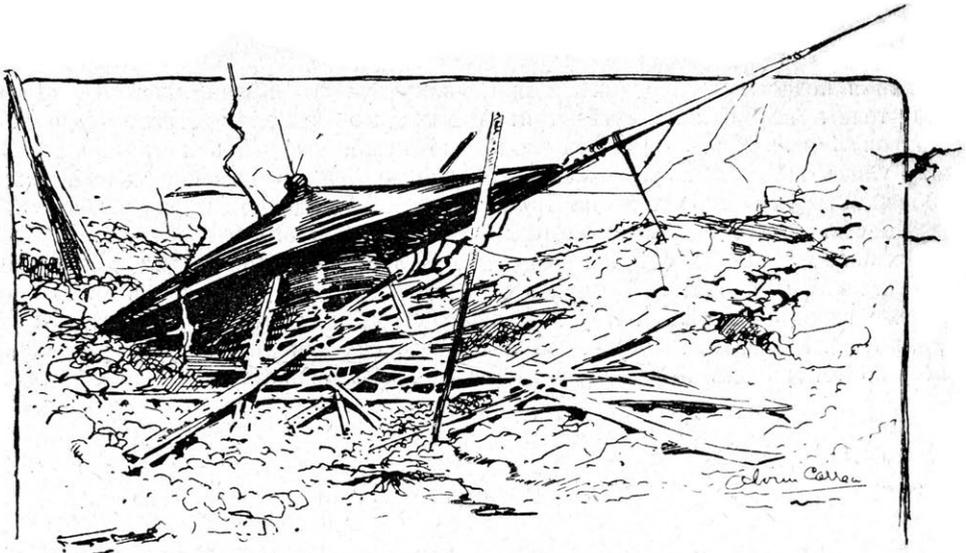
ше чѣмъ онъ откроется, да и тотчасъ же по его открытіи марсіане могли бы быть все перебиты одной бомбой. Я думаю, впрочемъ, что они сами понимаютъ невозможность повторенія попытки, если сразу не удалось завладѣть землею. Знаютъ ли они только, что попытка не удалась?

Лессингъ высказалъ весьма вѣроятное предположеніе, что марсіане успѣли уже переселиться на Венеру. Семь мѣсяцевъ тому назадъ эти планеты находились на кратчайшемъ другъ отъ друга разстояніи, и астрономы тогда замѣтили появленіе свѣтящейся точки въ одномъ мѣстѣ Марса и, одновременно, извилистаго слѣда на поверхности Венеры. На фотографическихъ снимкахъ то и другое ясно видно. Я самъ любовался этими снимками у Паркера, который замѣнилъ покойнаго Ожилъви.

Какъ бы то ни было, дождемся ли мы вторичнаго нашествія марсіанъ или нѣтъ, но взглядъ нашъ на будущія судьбы человѣчества долженъ быть значительно измѣненъ. Мы знаемъ теперь, что земля не представляетъ такого безопаснаго убѣжища для человѣка, какимъ мы ее считали прежде. Кто поручится, что завтра же міровыя пространства не наградятъ насъ какимъ-нибудь неожиданнымъ бѣдствіемъ?

Въ общемъ, однако же, нашествіе марсіанъ должно принести намъ большую пользу. Оно лишило насъ той благодушной увѣренности въ будущемъ, которая ведетъ только къ лѣни и къ нравственному упадку, а кромѣ того, мы многому научились у марсіанъ: ихъ машины, ихъ изобрѣтенія дали громадный толчекъ земной промышленности и торговлѣ, не говоря уже про науку. Марсіане тоже должны воспользоваться полученнымъ урокомъ, если они только слѣдили за судьбою переселенцевъ,

отправленныхъ ими на землю. При завоеваніи Венеры они будутъ вести себя осторожнѣе.

Но, какъ бы то ни было, перемѣны на дискѣ Марса долго еще будутъ беспокоить обитателей земли, и всякій аэролитъ вызоветъ на нашей планетѣ большое безпокойство...

Значеніе марсіанскаго нашествія для науки едва ли можетъ быть преувеличено. До паденія на землю ихъ перваго цилиндра у насъ прочно держалось общераспространенное убѣжденіе, что разумныя существа населяютъ лишь поверхность нашей планеты, и что во всей остальной вселенной нѣтъ живыхъ существъ. Теперь мы уже не такъ близоруки. Мы знаемъ навѣрное, что жизнь теплится не на одной только землѣ; что всѣ планеты обитаемы и что человѣкъ—не единственное интеллигентное существо во вселенной. Мы знаемъ, наконецъ, что если марсіанамъ удалось переселиться на сосѣдную планету, то и человѣкъ когда-нибудь въ случаѣ крайности, при совершенномъ охлажденіи земного шара, напримѣръ, (а это въ концѣ концовъ неизбѣжно должно случиться), можетъ попробовать сдѣлать то же самое.

Удастся ли намъ такое предпріятіе? И если удастся, то не предназначенъ ли человѣкъ къ размноженію на всѣхъ тѣлахъ вселенной? Та искра разума и, еще болѣе, та альтруистичная, сочув-

ствующая чужимъ страданіямъ душа, вмѣстилище справедливости и милосердія, зачатки которой развились и совершенствуются на нашей планетѣ, не предназначена ли она Творцомъ къ тому, чтобы рано или поздно сдѣлать эти добродѣтели господствующими во всемъ мірѣ,—разлить ихъ широкимъ потокомъ по всему безжизненному, необъятному звѣздному пространству? Или такая роль будетъ принадлежать марсіанамъ? Быть можетъ, благополучный исходъ недавней катастрофы—лишь временная отсрочка, вызванная случайными обстоятельствами?.. Кто знаетъ..

Что касается меня лично, то я долженъ сознаться, что пережитыя страданія оставили во мнѣ глубокой слѣдъ. Я сталъ нервень, пугливъ и даже страдаю галлюцинаціями. Сидишь, напримѣръ, вечеромъ за работой, и вдругъ покажется, что за окномъ мелькнулъ зеленый свѣтъ, что вся долина объята пламенемъ и что домъ мой совершенно пустъ, а я одинокъ, какъ во дни владычества марсіанъ...

Идешь по Байфлитъ-Роду, кругомъ экипажи, прохожіе, знакомый зеленщикъ, газетчикъ, велосипедисты, дѣти идутъ въ школу,—и вдругъ все исчезло,—опять чудится красная трава, опять черная пыль, опять скорченные трупы валяются по дорогамъ... Тѣ же видѣнія преслѣдуютъ меня и во снѣ, и я просыпаюсь, покрытый потомъ.

Былъ я недавно въ Лондонѣ и при видѣ толпы народа на Флитъ-Стритъ и Стрэндъ вспомнилъ вѣдншій видъ этихъ улицъ шесть лѣтъ тому назадъ... Особенно странно было стоять на Примрозъ-Хиллъ, около треножника, который съ тѣхъ поръ такъ и остался нетронутымъ, на память вѣкамъ грядущимъ. Тотъ же городъ разстилается у моихъ ногъ, который я видѣлъ когда-то мертвымъ, но теперь онъ живъ и шумитъ,

какъ улей. Жизни больше, но того мрачнаго величя, которое тогда меня поразило, уже нѣтъ и въ поминѣ. Такое величье свойственно, должно быть, только страданію и составляетъ неотъемлемую его прерогативу.

Но всего страннѣе для меня, всего удивительнѣе держать въ своей рукѣ руку моей жены и думать, что мы когда-то считали другъ друга уже совершенно погибшими...

